

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2012

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
[http: //www.msps.su](http://www.msps.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Фонда Карнеги (Нью-Йорк),
Фонда Ч.С. Мотта, Шведского агентства международного сотрудничества для
развития (SIDA), группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 1 (58) 2012

К читателю 5

Семинар

Что может дать гражданскому обществу способность договариваться? 7
Сэмюэль Пассоу

Дискуссия 13

Тема номера

Круглый стол:
Концепция и модели гражданского образования в регионах России 19

Идеи

Сумерки Запада, или Конец уверенности 36
Кристофер Коукер

Глобальная гражданственность 45
Хакан Алтинай

Выборы

«Негативная демократия» и выборы в России 55
Андрей Захаров

Местное самоуправление

Местное самоуправление – основа демократии 63
Матти Анттонен

Право и религия

Человек между светским и божественным порядком 71
Эрнст-Йорг фон Штудниц

Гражданское общество

Дух свободы в несвободном обществе:
опыт научного сообщества в дореволюционной России 77
Дмитрий Горин

Точка зрения

Эпоха «Лебединого озера» 86
Юлия Счастливицева

Горизонты понимания

Судьба либерализма в России 91
Алексей Кара-Мурза

Школа: 20 лет спустя

О Московской школе и ее выпускниках 99
Светлана Шмелева

Наш анонс

Доверие: деньги, рынки и общество 103
Джеффри Хоскинг

Книги

Тихий гений 109
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 111
Елена Шатохина

Nota bene

Две парадигмы в контексте русской мысли 115
Алексей Гапоненков

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Италии, Канады, КНР, США, Швейцарии.

К читателю

«Жизнь мне давала и другие уроки, — рассказывает в своих воспоминаниях известный русский юрист, один из лидеров партии конституционных демократов Василий Маклаков (1869–1957). — Она показывала, что в человеке есть зверь и что в споре о жизненном его интересе этот интерес может оказаться сильнее всех других побуждений... Но когда вопрос стоит не так остро, появляются ограничения звериной природы противоположными свойствами человека. Стремлением его к правде-истине в области науки, философии или религии; добровольным подчинением установленным нормам жизни, то есть законности; тяготением человека к справедливости в устройстве своего общежития и т. д. Если в борьбе за эти начала может проявиться и личный интерес, то в ней его роль ничтожна. Ведь эти споры решают не заинтересованные, посторонние люди. И как бы ни казались иногда несовместимы позиции обеих сторон, у каждой из них есть своя доля правды; без этого спор бы не мог продолжаться. И потому в таком споре нужно видеть не только недостатки противника, но, что часто труднее, уметь распознать ту долю правды, которая есть на его стороне. Так можно находить основы для мира, а не для обманчивой и преходящей победы. Ведь и в политике наиболее прочные достижения демократии обеспечиваются не перевесом числа голосов, а соглашением большинства с оппозицией. Мне приходилось видеть это в тех сферах деятельности, в которых и мне дано было участвовать... В этом был главный урок моей жизни»*.

В. Маклаков не был философом, но, безусловно, был просвещенным гражданином, поэтому стоит подумать о его «главном уроке жизни», чтобы ответить на вопрос: что значит мыслить? На мой взгляд, это важно в связи с проблемой нашей якобы особой российской ментальности, то есть неготовностью народа к свободе и демократии.

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

* Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — С. 371–372.

Философия занимается выяснением возможностей и предельных оснований познания и этим отличается от науки и теологии.

Означает ли это, что в «сотворенном Богом» мире для философа есть нечто непознаваемое? Разумеется, это сам Бог, душа и бессмертие. Поэтому не стоит задавать познавательные вопросы относительно трансцендентного, или ирреального, которое является предметом веры, а относительно того, что является реальным, включая мысль, задавать их можно. Почему? Потому что философское познание разворачивается на уровне *рефлексии*, но не в смысле отражения в нашей голове окружающей действительности, которая может отражаться по-разному и вызывать, как известно, разные психические состояния. А в том смысле, что то состояние, когда она случается как уникальное событие в человеческой жизни, помыслить одновременно самому мыслящему невозможно. Но, переживая это состояние, еще античные философы пытались его объяснить, а затем стали называть трансцендированием, то есть устремлением человека к чему-то помимо той ситуации, которую он воспринимает и которая на него воздействует. Человек в таком состоянии (рефлексии) трансцендирует себя — здесь и возникла проблема. Ибо если есть трансцендирование, то должно ведь быть и трансцендентное — где-то вне человека существующее что-то — в виде некоей идеальной человекообразующей сущности. Когда трансцендирование означает, что, находясь в подобном состоянии, человек как бы выходит из себя. А как можно выйти из себя?

Следовательно, нельзя описать трансцендирование со стороны, но, как оказалось, можно задать его сознание, которое Кант вслед за Декартом называл трансцендентальным или «чистым сознанием» в отличие от эмпирического. И это сознание как раз и является тем материалом, из которого строятся философами истинные понятия о вещах внешнего мира. Анализ сознания и есть философствование, когда, согласно русской пословице, видит око (физически) далеко, а ум еще дальше.

«По сути, вся моя премудрость, как и любая настоящая премудрость, сводится к оправданию и восстановлению того, что есть», — писал Марсель Пруст в одной из своих статей*. А что есть? *Cogito* — мысль, которая всегда о том, что *есть* в метафизическом смысле слова. Поэтому неслучайно философы ставят знак равенства между мышлением и бытием и считают, что мышление тождественно бытию. Потому что о бытии можно говорить тогда, когда «я мыслю, следовательно, существую». Предсуществующего бытия не бывает. Как и в области нравственности, намерение еще не может считаться за совершившийся факт. О нравственных достоинствах человека не судят по его речам.

Из сказанного, я думаю, понятно, что ментальность тем самым не тождественна бытию, а тождественна воспроизводящейся, в том числе российской, действительности. И приведенная цитата из воспоминаний Маклакова, хотя он не ссылается в них на Декарта и Канта, это по-своему подтверждает. Мысль есть то, что есть на самом деле, реально, и она всегда абсолютно иное по сравнению с ментальностью, то есть с нашим психологическим образом мысли: хотеньем, желаньем, намереньем, надеждой, мечтами. О вере говорят, что она немыслима без любви и надежды. А о философском убеждении можно сказать: только когда мыслю, убеждаюсь, что существую. Но утвердиться в мысли и удержать ее без умственного усилия вопреки окружающей действительности очень трудно, как и сохранять веру — без постоянного духовного усилия.

* Марсель Пруст. *Против Сент-Бёва: Статьи и эссе / Пер. с франц. Т.В. Чугуновой.* — М.: ЧеРо, 1999. — С. 130.

Что может дать гражданскому обществу способность договариваться?*

*Сэмюэль Пассоу,
директор «Лаборатории
переговоров»
Кентского университета,
Великобритания*

Наша лаборатория работает в нескольких университетах, но главным образом в Кентском. Занятия проходят обычно в режиме восьмичасовых семинаров, на которых сначала обсуждаются общие проблемы переговорного процесса, затем предлагаются варианты моделей ведения переговоров, их анализ, сценарные задания, потом идет ролевая игра по принятию решений. И в заключение снова теоретическая часть — обсуждение итогов работы с теми моделями, которые были опробованы. У меня не так много времени, чтобы познакомить вас с этим более подробно, поэтому перейду сразу к теме моего выступления.

Правильно организованный переговорный процесс, естественно, начинается с определения позиций, умения видеть так называемое смысловое поле переговоров, чего хотят партнеры, каковы их интересы и т.д. Как показывает опыт, обычно почти 90% переговоров это позиционные споры. То есть вы настаиваете на чем-то, выражаете свою точку зрения и пытаетесь ее отстоять. Многие считают, что эта ситуация укладывается в схему «выиграл — проиграл», то есть если один выиграл, то другой обязательно проиграл, потому что человек, который сидит по другую сторону стола, — ваш противник или даже враг. Хотя в действительности у вас могут быть общие интересы, и на их основе может быть выработано решение, устраивающее обе стороны. Но прежде, конечно, еще предстоит выяснить, есть ли они, и если есть, то придется идти на уступки.

Сошлюсь в качестве примера на обмен посланиями между президентом Кеннеди и Хрущевым во время Карибского кризиса в 1962 году. Тогда шла речь об

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Зеленогорске 4 апреля 2012 г.

ограничении гонки ракетно-ядерных вооружений и два мировых лидера согласились, что хотя обе сверхдержавы не могут устранить накопившиеся с начала холодной войны противоречия, они должны сосуществовать друг с другом.

Переговоры — это процесс, который мы ведем в поисках взаимоприемлемого решения.

Я работал журналистом 35 лет и до того, как занялся наукой, писал о политике и экономике. Самым интересным, пожалуй, в моей жизни было то, что я писал о деле «Уотергейт», о связанных с этим скандалом сенатских слушаниях, говорил об этом на СВС.

В чем была суть Уотергейта? Президент США должен следовать закону, как и другие граждане. Потому что в соответствии с существующим общественным договором мы верим в верховенство права. Часто люди думают, что право и закон — это одно и то же. Но это не так. Законы должны соблюдать все, а если они нарушаются?..

Как же решаются спорные вопросы? Что мы как граждане ожидаем в условиях развитой демократии от государства? Естественно, соблюдения законодательства, идет ли речь о нашем праве на образование, на медицинскую помощь, на пенсию, будет ли обеспечена свобода слова, вероисповедания и т.д. Это основа общественного договора, и сюда же входит наше право подвергать сомнению действия правительства, а также существующие законы, если они нарушаются.

Собственно, с этого, когда нарушаются права человека, и начинаются протесты либо переговоры — все зависит от степени нарушенных прав. Поскольку мы знаем, что можем и чего не можем заранее ожидать, например, во время выборов... Кажется, Сталин сказал, что не важно, сколько людей проголосова-

ло, важно, кто считает голоса. А у нас часто неизвестно, кто выиграет или победит на выборах до того, как будет произведен окончательный подсчет голосов. Если мы знаем, что выборы были несвободными и несправедливыми, то, конечно, будем выяснять, почему это произошло.

Множество неожиданностей несет в себе экономика, потому что невозможно предсказать развитие рынка. В обществах с рыночной экономикой акции то повышаются, то понижаются, цена на жилье растет, но в какой-то момент падает. В этих колебаниях нельзя обвинить кого-то конкретно, включая лидера государства, так как непонятно, что и как будет развиваться, потому что, повторяю, мы живем в обществе со свободной экономикой.

Итак, если вы решили начать диалог или переговоры с властью, на любом уровне, то должны понимать, что есть процессы, которые вы можете контролировать, опираясь на существующие законы, а есть что-то, что выходит за рамки контроля. Поэтому очень важно видеть и проблемы и ориентироваться в противоречиях, которые существуют в обществе, чтобы знать, с кем вести переговоры и нужно ли их начинать. Скажем, когда у нас в Англии начинаются переговоры в рамках гражданского общества, мы знаем, что нужны коалиции, то есть группы людей, готовых поддержать нас или наших оппонентов, чтобы получить определенное число мест, допустим в парламенте. При этом в процессе переговоров коалиции формируются либо на основе общих интересов, либо каких-то опасений.

Понятно, что у вас в России ситуация совсем иная. Большая часть населения, насколько я знаю, поддерживает правительство, другая часть его критикует, а кто-то сохраняет нейтралитет.

Существует один способ, с помощью которого в процессе переговоров — я имею в виду переговоры групп граждан при формировании коалиции — можно прийти к согласию. Это возможно в том случае, если вы признаете ошибки или недостатки в своих аргументах и тогда лучше поймете того, с кем вы хотите договориться. И в этой связи одно замечание.

Мне кажется, большинство из вас не было удовлетворено результатами выборов. А с другой стороны, как и в западных странах, в России существуют демагоги-популисты, которые, чтобы привлечь к себе внимание, готовы давать обещания, которые не могут быть выполнены просто потому, что они нереализуемы. Например, обещать, что будут снижены цены на бензин или что все дети будут учиться в университетах. Или пообещать тратить больше денег на социальные программы. То есть я хочу сказать, что если у человека есть какой-то интерес, он будет стараться привлечь на свою сторону как можно больше людей. И при этом говорить: «Знаете, демократии такие разные. Через демократические механизмы ничего не решишь». И ему трудно возражать, хотя очевидно, что это уловка. С другой стороны, трудно не согласиться, что авторитарная структура власти порождает системную коррупцию, политическое насилие, запугивание, отрицание права на свободу высказывания. Так что у каждого участника потенциальных переговоров могут быть и всегда найдутся, как я сказал, свои аргументы. Тем более после того, что произошло в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене, когда нынешние процессы объясняют якобы

вмешательством западных демократий.

Вопрос, скорее риторический: есть ли сегодня в России свои Нельсон Мандела или Вацлав Гавел? Я понимаю, что мы относимся к разным поколениям, но кого вы считаете

*Каждый из нас обычно знает,
чего он не хочет, но при этом гораздо
сложнее сформулировать, чего мы хотим,
и понимать, как этого добиться,
доказав обществу преимущества именно
вашей позиции*

настоящим демократическим лидером? Скорее всего, вы вряд ли назовете мне такого человека. Сейчас у вас новый переходный период. Предстоят президентские выборы, затем губернаторские. Будет ли оппозиция способна выработать убедительную политическую платформу и получить поддержку не только тех людей, которые недовольны Путиным. Это важно, потому что каждый из нас обычно знает, чего он не хочет, но при этом гораздо сложнее сформулировать, чего мы хотим, и понимать, как этого добиться, доказав обществу преимущества именно вашей позиции.

И еще один вопрос: существует ли сегодня критическая масса для формирования коалиции? Кто будет в ней участвовать: бизнесмены, интеллектуалы, бывшие министры? Что это за люди, которые тоже необходимы и которым вы готовы доверять?

В конце концов, каковы уроки «арабской весны»? Что мы можем извлечь из этого очень болезненного перехода? Ведь это люди примерно вашего возраста вышли на улицы с требованием

Маурицио Каттелан. Без названия. 2001

радикальных перемен. Возможно ли такое в России?

Вернусь, однако, к теме и скажу коротко о том, что обычно мешает выбору правильной стратегии и тактики переговоров. У каждого человека, как известно, есть предрассудки, которые не позволяют ему адекватно оценивать ситуацию, которую он именно так, а не иначе воспринимает. Есть они, разумеется, и у потенциальных переговорщиков. Поэтому важно не забывать о них, учитывая, что личная позиция переговорщика является основой переговорной стратегии, когда каждая из сторон, естественно, попытается чего-то добиться от противоположной стороны. И если вы действительно хотите создать коалицию сторонников, надо думать не о том, в чьих интересах может быть достигнуто соглашение, а о том, что в конечном итоге оно должно устраивать обе стороны. Следовательно, важно заранее расставить приоритеты в отношении того, что для вас более важно, а чем вы можете поступиться. Лишь в этом случае вы сможете не только добиться ваших целей, но и не задеть чувства тех, с кем вы ведете переговоры.

Очень часто в своих суждениях мы основываемся на нерелевантной, то есть не относящейся к делу информации. Представьте себе, что еще не начались переговоры, но кто-то уже сказал, что готов предложить то-то и то-то. Вы можете подумать: «Зачем тогда мы тратим время?». Никогда не принимайте всерьез и не реагируйте на такие фразы. Это могут быть слухи или дезинформация, которая тоже нередко распространяется. Она может быть

релевантной или нерелевантной, но если вы сумеете отфильтровать эту информацию в процессе анализа, то сможете задать во время переговоров вопросы, чтобы уточнить и удостовериться в ее достоверности. Старайтесь также избегать во время переговоров

*Не стоит ожидать, что кто-то
возьмет на себя ответственность
за выполнение достигнутых
договоренностей, как и повторять,
что во всем виновата система. Нужно
всегда быть готовым к переговорам*

проявления эмоций, спекуляций, уловок и не обращайте внимания на какие-то оценки и слухи о ваших оппонентах. Это единственный способ достижения успеха. Что же касается искусства самих переговоров, хочу подчеркнуть, что чем более вы открыты и естественны, тем больше вы узнаете о людях, которые сидят напротив.

Когда я смотрю передачи из России по телевидению на английском языке, то практически никогда не слышу голоса оппозиции. Поэтому мне трудно взвешенно судить о том, что на самом деле происходит в вашей стране. К тому же я знаю, что и наше телевидение не всегда объективно. Но сегодня существуют и другие средства информации. Есть Твиттер, Фейсбук и т.д., которыми можно пользоваться и напрямую разговаривать с людьми, то есть обсуждать в том числе и проблемы развития гражданского общества. Это ведь тоже своего рода площадка для переговоров, участники которых могут влиять на общественное мнение и тем самым способствовать формированию граж-

данской культуры. Не говоря уже о ваших семинарах, в которых я участвую впервые.

Вчера на вечернем круглом столе Александра Согомонова «Демократия и выборы» прозвучало предложение, к которому я присоединяюсь, обсудить проблему — возможно ли гражданское общество без политики? Я предложил бы в этой связи поделить нашу аудиторию на две половины, одна из которых выступала за то, что возможно, а другая — против. А затем через 30 минут участники обеих групп поменялись бы местами и продолжили дискуссию. Таким образом, каждая из сторон, я уверен, нашла бы общие аргументы или точки соприкосновения как «за», так и «против» участия гражданских организаций в политике. Любая точка зрения, подобно монете, имеет две стороны. Участвуя в дискуссии, я постарался бы в свою очередь как переговорщик прежде всего оценить ваши возможности и способность слушать друг друга. Если я правильно понимаю, цель Школы заключается именно в этом.

Каким же образом во время дискуссии, когда мы делимся информацией и у нас появляются новые мысли, мы начинаем понимать нечто, что нас объединяет как граждан, хотя при этом у нас могут быть разные точки зрения? Конечно, это происходит на основе возникающего доверия. Можно относиться к такому феномену, как доверие, скептически и не обязательно полагаться на него в ходе переговоров. Доверие надо завоевать. Все мы люди и можем ошибаться, сегодня говорить одно, а завтра другое, такое часто бывает. Мы нарушаем порой свои обязательства, не выполняем обещания.

Но когда доверие подорвано, это еще не значит, что все потеряно. Его можно вернуть.

В ходе переговоров, которые могут продолжаться не один месяц, задается множество вопросов и бывает момент, когда говорят: так да или нет? Постарайтесь избегать однозначных ответов. Лучше спросить собеседника: «Как вы думаете, в чем уязвимость моей позиции?». Он может ответить, в чем она заключается, и поделиться в свою очередь тем, в чем он видит преимущество своего подхода к обсуждаемой проблеме. Так вы сможете увидеть свои недостатки и воспользоваться этим знанием позже. Главное не останавливаться и продолжать начатый диалог.

И последнее. Когда вы ведете переговоры, неизбежно наступает момент, когда принимается решение. И вы или ваш оппонент спрашиваете: «Согласны вы с ним?». На мой взгляд, в этом случае лучше, чтобы уже были какие-то варианты решения, поскольку и в окончательной договоренности обе стороны могут видеть изъяны. Не говоря уже о том, что ее реализация тоже может быть разной, из-за неожиданных препятствий. Так что и об этом не стоит забывать, принимая окончательное решение.

На деловые или политические переговоры между странами очень часто нужны какие-то средства. Постарайтесь быть предпринимателем в том смысле, чтобы найти творческий подход к снижению материальных затрат не только на проведение переговоров, но главное — на реализацию достигнутых договоренностей. Если вам это удастся, вы будете стимулировать противоположную сторону к тому же.

Дискуссия

Андрей Захаров, редактор журнала «Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре», эксперт Школы:

— Прежде чем мы перейдем к вопросам и дискуссии, два предварительных замечания. Первое скорее личного характера. Вчера во время обеда мы сидели с г-ном Пассоу за одним столом, разговаривали, и он сказал, что является большим почитателем профессора Ричарда Нойштадта. Это эксперт Школы, к сожалению, уже скончавшийся. Автор двух книг, переведенных на русский язык и изданных Школой. Одна из них называется «Президентская власть». Это классическая работа, которую изучают сегодня в университетах. И вторая книга, на мой взгляд, еще более интересная. И мы с моим уважаемым собеседником в этом сошлись. Называется она «Современные размышления: о пользе истории для тех, кто принимает решения». В этой книге на конкретных примерах, взятых из политической истории США, Нойштадт и его соавтор профессор Эрнест Мэй выясняют, каким образом политикам удавалось выходить из тех или иных трудных ситуаций. Если вас заинтересовало выступление г-на Пассоу, я вам рекомендую к этой теме обратиться. Вы найдете там огромное количество интересного материала. А еще лучше прочитать обе книги.

И второе замечание общего характера. Наверное, вы обратили внимание, посещая книжные магазины, что у нас в обществе есть некоторое, мягко говоря, помешательство на переговорных техниках. Огромное количество книг, но все они почему-то посвящены в основном коммерции. Как вести переговоры с партнерами? Как выстроить их так, чтобы заработать больше денег? Как организовать переговоры, чтобы закрепить свой успех? Это, в общем-то, можно объяснить. Но при этом почему-то нет серьезных книг о том, чем занимается наш уважаемый спикер. Наше общество расколото, а в ближайшее время ему придется решать важнейшие проблемы общественного согласия и общественных договоренностей. И, конечно, хотелось бы больше знать не о том, как изъять деньги у партнера так, чтобы он при этом не обиделся.

Вячеслав Кайгородов, член комиссии по социальным вопросам Общественной палаты Алтайского края:

— Правильно ли я понимаю, что ведение переговоров это всегда способность к толерантности, способность слышать другого?

Сэмюэль Пассоу:

— Я бы воздержался от комментариев относительно толерантности. По-моему, в случае переговоров речь идет об искусстве слышать и слушать друг друга, как вы правильно заметили, а не о толерантности. Мы можем не соглашаться и даже яростно спорить, однако отсутствие способности слушать и отвечать на вопрос, не дождавшись, пока оппонент его задаст или выразит свою мысль, безусловно, очень мешает процессу переговоров. Уважение и вежливость, конечно же, необходимые условия. В бытность журналистом мне много приходилось писать о политических переговорах. Я вспоминаю сейчас 1973 год, подписание Парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме по итогам 4-летних переговоров сторон, участвовавших во вьетнамской войне.

Часто переговоры только по повестке дня занимают недели для выявления позиций. Так, в частности, и происходило во время встреч американцев с северо-вьетнамской делегацией, когда несколько раз все начиналось сначала. Однако, это неизбежно. Чтобы прийти к какой-то позиции, иногда переговорщикам надо просто выговориться, выпустить пар, если угодно. Изучая историю политических переговоров, я пришел к выводу, что техника активного слушания, как я это называю, или, скажем, пометки, которые вы будете делать во время переговоров, все это помогает лучше понять позицию противоположной стороны. При этом не исключено, что в какой-то момент вам даже удастся совершить некий тактический маневр, вернувшись к тому или иному из пунктов вашего партнера. Но в любом случае добиться своего по той или иной позиции вам удастся только благодаря тому, что вы внимательно слушали своего визави.

Если вы начинаете переговоры с уверенностью, что знаете ответы на все вопросы оппонента, то, поверьте, ничего у вас не получится.

Анастасия Глухова, журналист, издательский дом «Провинция», г. Тюмень:

— Я прекрасно представляю, какие возможности и механизмы для диалога между народом и властью существуют в Великобритании, я там жила какое-то время. У нас их фактически не осталось. В связи с этим у меня вопрос: как россиянам в условиях бюрократического авторитарного режима вести переговоры с властью?

Сэмюэль Пассоу:

— О моем восприятии политической ситуации в России я могу сказать лишь следующее. Если вы примете события декабря лишь как небольшую трещину на фасаде политического истеблишмента и не будете воспринимать сегодняшнюю ситуацию как победу консервативных сил, то, думаю, эти силы, которые, безусловно, существуют в России, как и в любом обществе, не используют ее в своих целях. Мне не кажется, что репрессии могут привести к чему-то хорошему. Российские власти не могут не осознавать свою ответственность, в

том числе и за международные договоренности. Российское общество не может не меняться, и я уверен, что диалог начнется. Хотя бы потому, что Россия не изолирована от мира... Для меня очевидно, что властные структуры в России в существующих обстоятельствах должны быть готовы к диалогу с обществом.

Поэтому вопрос состоит в том, как вести этот диалог. Прежде всего, мне кажется, не стоит отказываться от него, заявляя, что вам не о чем говорить, потому что противоположная сторона не способна к переговорам. Диалог необходим, но это длительный процесс.

В начале 2000-х годов я был в России, в Самарской области, по гранту британского правительства для оказания помощи областному министерству социального обеспечения. Я прожил там три месяца, работая с судебским корпусом, а также с работниками минсоцобеспечения как раз по развитию тактики переговоров и достижению возможных компромиссов. В конце 2004 года президент Путин отменил выборы губернаторов. Самара, кстати, была закрытым городом, это город космонавтики, высококвалифицированных кадров, научного сообщества, там живут профессионалы. И когда у россиян появится возможность, а я не сомневаюсь в этом, снова выбирать региональных правителей, я думаю, региональные выборы позволят раскрыть реальные способности оппозиции.

Альбина Трошина, аппарат уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан, начальник отдела правового просвещения:

— Я хотела бы поделиться опытом обучения ведению переговоров в самом южном регионе Российской Федерации. Для нас это жизненно важно для сохранения этноконфессионального разнообразия. Речь идет о традиции так называемого маслиата, то есть примирения, которая давно существует на Кавказе. Она поддерживается и сегодня, в том числе выпускниками МШПИ Тимуром Гусаевым, председателем Молодежного парламента республики, и Расулом Кадиевым, членом республиканской адвокатской палаты, которые занимаются этим напрямую. По инициативе Расула Кадиева в Дагестане создана «Школа примирения» для юношей и девушек, которым сейчас около 20 лет. Во время презентации проекта он акцентировал внимание на том, что проект школьных служб примирения — это программа своеобразной «вакцинации» от агрессии в молодежной среде. Суть идеи: чтобы не старшее поколение, а сама молодежь научилась примирять и участвовать в примирении. Тимур Гусаев рассказывает на встречах с молодежью о том же, что говорили вы, об умении слушать и слышать. В республике ведутся телевизионные передачи по системе Карла Поппера, которые учат молодых людей дебатировать. Власти стали понимать, что это необходимо для укрепления общественно-политической стабильности. Кроме этого в Дагестане создана комиссия по адаптации лиц, которые сотрудничали с бандформированиями, но готовы вернуться в общество и признать вину. Им дают возможность вернуться, выслушивают их истории, берут на поруки и дают шанс начать новую жизнь. Потому что молодые люди гибнут как с той, так и с другой стороны. Погибают и сотрудники, носящие погоны, и их ровесники, которые по тем или иным причинам носят оружие. Поэтому, конечно, нам надо учиться разговаривать и слушать друг друга.

Сэмюэль Пассоу:

— Спасибо за комментарий. Я совершенно согласен, что рассказы об опыте, подобном вашему, в вашей республике, хороший пример и, безусловно, это будет способствовать развитию диалога.

Евгений Мальшев, журналист газеты «Улица Московская», Пенза:

— Вы вскользь упомянули о наших декабрьских событиях 2011 года. Как вы охарактеризовали бы поведение их участников с точки зрения переговорного процесса? Я имею в виду и власть, и общество, и политические партии. Какие были допущены ошибки каждой из сторон?

Сэмюэль Пассоу:

— В гражданской службе Британии говорят, что это выходит за пределы моих должностных обязанностей. Я не могу комментировать ничего, кроме того, что видел по телевизору. А видел я только картинку, которую мне показывали, как вы понимаете. Я, к сожалению, не слишком много знаю о российском обществе.

Но в первую очередь мне хотелось бы сказать, что было бы ошибкой считать, что декабрьские события повторяют события, произошедшие в Каире на площади Тахрир. Очевидно, что Россия это гораздо более сложное и образованное общество. «Арабская весна» была вызвана не идеологическими причинами, а экономическими. В некоторых арабских странах почти 60 процентов молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет — безработные. И они наверняка думают, зачем нам вообще вставать с кровати, ведь нас ничего не ждет в этой жизни, понимаете?

И столь же очевидно, что в Великобритании, например, никогда не будет демонстрации при температуре минус 20 градусов. Это совершенно исключено. То же самое могу сказать о Северной Америке, где в ходе Войны за независимость в 70-е годы XVIII века Джорджу Вашингтону не удалось собрать армию для борьбы с Британией весной просто потому, что колонисты занимались посевом, чем, естественно, воспользовались англичане на первой стадии войны.

К чему я это говорю? Очевидно, что декабрьские события показали решимость людей, для которых нет преград ни в виде климатических условий, ни в виде каких-либо иных факторов. Однако прави-

тельство нельзя изменить только посредством протеста. Общественное недоверие и митинги с лозунгами «Долой!» вряд ли могут привести к смене правительства. Потому что в своем большинстве люди предпочитают все-таки иметь дело с уже известными им персонажами.

Анатолий Макаров, заместитель главы администрации муниципального образования «Красноярский сельсовет», Астраханская область:

— Вы сказали, что во время переговоров важны уступки. А как быть, если стороны не соблюдают достигнутые договоренности? Кто должен быть в этом случае переговорщиком и следить за соблюдением договоренностей?

Сэмюэль Пассоу:

— Очень сложный вопрос. Понимаете, это ваша страна, и вы единственная сила, которая способна следить за выполнением договоренностей, достигнутых в процессе переговоров. Конечно, всегда можно отбросить ответственность и сказать, что во всем виновато правительство или общество. Но я хотел бы подчеркнуть, что величие американской Декларации о независимости выражено уже в первой фразе: «Мы народ». Не «мы правители» и не «мы правительство», а мы народ, уполномочивший правительство. Именно тогда, когда граждане начинают это осознать, начинается продвижение вперед. Понятие ответственности начинается с нас самих и с взаимоотношений между нами и нашими визави. Только когда мы ставим их, если можно так выразиться, в рамки общего мышления, только тогда можно говорить о выполнении договоренностей и обещаний. Не стоит ожидать, что кто-то возьмет на себя ответственность за выполнение достигнутых договоренностей, как и повторять, что во всем виновата система. Нужно всегда быть готовым к переговорам.

Пожалуй, это же можно сказать и о коррупции. Часто думают, что правительство способно провести через парламент законы, которые могут положить конец коррупции. Увы! Что происходит в Китае? Там расстреливают и вешают людей, уличенных в коррупции. Шесть лет назад я беседовал с мэром Пекина. Спустя два года в Пекине была Олимпиада, а еще два года спустя человек получил пулю в затылок. Тот самый человек, с которым я беседовал шесть лет назад. Почему? Потому что он брал взятки. И та же участь постигла несколько других политических фигур.

Каждый раз, когда полицейский получает от вас взятку, вы участвуете в системе поощрения коррупции. Напомню фразу французского философа, который говорил, что тирания внутри нас. Так что вопрос о личной ответственности нельзя сбрасывать со счетов.

Концепция и модели гражданского образования в регионах России*

Гражданское образование — сравнительно новое словосочетание и новая реальность для России. Нам все еще привычнее говорить о воспитании гражданина, а это значит — о формировании личности ребенка по нашему «взрослому» усмотрению. Гражданское же просвещение и образование в условиях демократии предполагает прежде всего партнерский диалог и равноправное сотрудничество всех сторон, заинтересованных в образовательном процессе, включая самих обучающихся. Но так ли много у нас действительно заинтересованных в этом участников? Готовы ли мы к кардинальной смене концепции гражданского образования? И главное, какую концепцию мы можем предложить в наших различных по культуре и традициям городах и регионах России?

Этим и другим общим и более частным вопросам гражданского образования был посвящен круглый стол, организованный Московской школой политических исследований в партнерстве с Педагогическим институтом Южного федерального университета (ПИ ЮФО), Управлением образования г. Ростова-на-Дону и региональным сообществом выпускников МШПИ в лице Г. Денисовой и Л. Клименко. Этим круглым столом Школа открывает серию региональных встреч с теми, кому небезразлична судьба гражданского образования в нашей стране и кто хотел бы обсудить его содержание и методы в кругу единомышленников. Первая встреча показала, что как раз единомыслия среди ее участников не было. И это хорошо! Ведь гражданское образование не может быть введено государством или кем-то еще по единым стандартам. Университетские интеллектуалы видят его по-своему, организаторы и чиновники от образования на свой лад, педагоги и директора школ, даже если они из одного учебного заведения, тоже могут сильно различаться в его трактовках, не говоря уже о представителях НКО. Но круглый стол оправдал наши ожидания.

То, что предлагается читателю, представляет собой выжимку из разных выступлений участников, переработанных авторами в письменные тексты. В них очень любопытно и рельефно представлены несколько логик интерпретации гражданского образования, демонстрирующих, как его смыслы, ценности и воплощение видятся университетским философам и социологам, теоретикам и практикам педагогического процесса, администраторам и чиновникам, учителям и гражданским активистам. Между ними нет непреодолимых преград, но языковые и содержательные мосты предстоит еще долго строить.

*Александр Согомонов,
академический директор Центра
социологического и политологического образования РАН*

Кому и зачем нужно гражданское образование в России?

*Анатолий Лубский, доктор философских наук, профессор кафедры социологии,
политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук ЮФУ*

Гражданское образование уже давно существует в западноевропейских странах, где подготовка новых поколений к самостоятельной жизни является обязательной. Однако опыт, накопленный в этих странах, трудно использовать в России, поскольку гражданское общество и правовое государство у нас пока

лишь проектируемая реальность. Чужой опыт, сформированный в иной социокультурной среде, всегда проблематичен для восприятия, но из этого опыта можно почерпнуть вдохновение в поиске ответа на волнующий нас вопрос: кому и зачем сегодня нужно гражданское образование в России?

* По материалам круглого стола в Ростове-на-Дону, 30 марта 2012 года.

Маурицио Каттелан. Без названия. 2009

Во-первых, оно нужно государству, которое видит его цель в подготовке законопослушных граждан, патриотов-государственников. Во-вторых, либеральному сегменту российского общества, для которого цель образования состоит в подготовке граждан, способных жить в условиях демократии. И, в-третьих, оно необходимо, конечно, поколению молодых людей, только вступающих в жизнь. В этом случае его цель состоит в том, чтобы помочь им обрести гражданскую идентичность и научиться жить в обновленном российском обществе с учетом перспектив его развития.

В рамках модного сегодня «компетентностного подхода» можно выделить два представления о том, что такое гражданское образование:

— это система воспитания и обучения, предусматривающая создание условий для формирования у человека гражданской позиции и компетентности и обретения опыта общественно полезной деятельности;

— общественно-государственная, социально ориентированная система обучения и воспитания, направленная на формирование гражданской компетентности, навыков демократической культуры и удовлетворяющая потребности в социализации в интересах личности.

Эти два представления базируются на разном понимании целей гражданского образования в России: в первом случае речь идет о формировании компетентного гражданина, во втором — личности, способной жить в гражданском

обществе. Мне же кажется, что его цель состоит в развитии гражданской культуры как метапрограммы жизнедеятельности человека. И с этой точки зрения должно включать в себя формирование таких структурных компонентов, как: (а) гражданские представления (когнитивный аспект); (б) гражданские ценности (аксиологический аспект), (в) гражданские установки (поведенческий аспект). Гражданские представления и гражданские ценности — основа идентичности гражданина любой современной страны, а гражданские установки — основа его жизнедеятельности.

Для современного российского общества с учетом его социокультурных тра-

диций важно не столько юридическое определение «гражданина», сколько содействие развитию его культурно-нравственного потенциала.

Гражданственность в России всегда была тесно связана с патриотизмом и гордостью за свою страну. Но не следует забывать, что в условиях нарождающегося гражданского общества молодые люди, делая свой жизненный выбор, начинают мыслить самостоятельно. А это значит, что и мы как преподаватели обязаны им в этом помочь, опираясь на свой жизненный опыт. Без наших интеллектуальных и организационных усилий система гражданского образования в стране не появится.

О педагогических основаниях гражданского образования

Владимир Шоган, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ, ПИ ЮФУ;

Елена Сторожакова, кандидат педагогических наук, доцент ПИ ЮФУ

Определимся с понятиями. Безусловно, любое образование предполагает создание условий для формирования личности в процессе обучения и воспитания. В нынешних российских условиях, чтобы решить проблему относительно безболезненного вхождения молодого человека во взрослое сообщество, да еще претендующего на активную гражданскую позицию, на наш взгляд, необходимо:

1. Не забывать, что перед нами живой человек со своими врожденными способностями и приобретенными привычками, то есть с определенным репертуаром поведения. И поскольку этот «репертуар» имеет возрастные особенности, их необходимо изучать, учитывая, что школьнику (как, впрочем, и сегодняшнему студенту) предстоит вначале знакомство с знаково-

символическим пространством, имеющим отношение именно к гражданскому образованию. А знаки и символы, как известно, сами по себе лишь «мертвые» отражения реальности, требующие понимания, то есть извлечения заложенных в них смыслов.

2. Поэтому педагог должен помочь школьнику начать думать и развивать навыки абстрактно-рационального мышления. А для этого нужно объяснять, что такое знак, символ, художественный образ, чем, например, дорожный знак отличается от математического символа и т.д.

3. Помнить, что этот переход — от того, что человек просто видит или слышит, к сознательному восприятию окружающего мира — очень важен для понимания еще с детства не только явлений природы, но и человеческого

общества, поведения людей, научных открытий, произведений искусства. То есть, другими словами, для поиска своего места в жизни и ее смысла.

4. Следует постоянно иметь в виду, что чувство и мысль, благодаря которым школьники познают окружающий мир, наделяя его своими смыслами, — это две альтернативы мироотношения. Поэтому, когда создаются модели гражданского образования и конструируется мыслительный образ гражданина, а затем эта модель используется во время деловых, ролевых или имитационных игр, стоит обращать внимание на то, как их участники ведут себя, на что реагируют, как оценивают происходящее и т.д. При этом важно объяснять, отчего поведение или реакция одних игроков

отличается от реакции и поведения других. Адекватное отношение к альтернативным моделям поведения, точкам зрения будет во многом определять их поступки во взрослой жизни, участие в общественной жизни.

5. Таким образом, педагогу следует помнить о единстве знаково-символического, художественного и абстрактно-рационального освоения действительности, составляющих основу любого образовательного процесса. Хотя рациональное мышление и интуитивно-образное — разные по своей природе. Но, как правило, на это не обращают внимания.

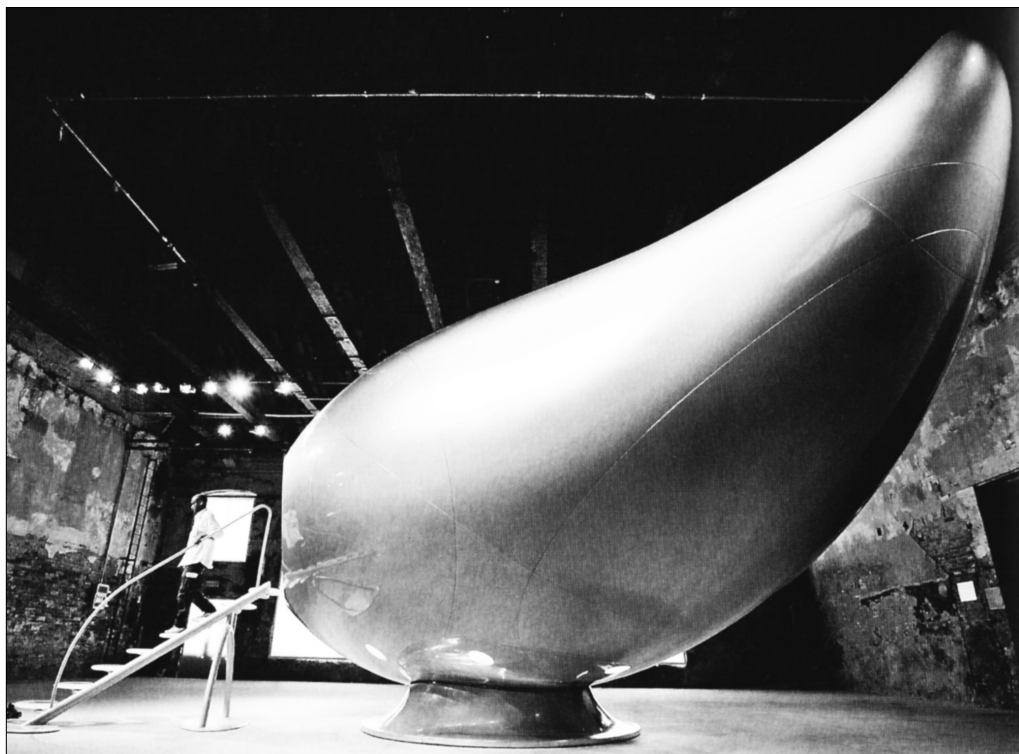
Школьники, как и студенты, должны знать, какой опыт они приобретут, включаясь в процесс гражданского образования.

Попытка вырваться из колеи культурной традиции

*Наталья Бинева, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий
ПИ ЮФУ*

Хочу напомнить, что задача введения гражданского образования в современной России была поставлена в конце 1990-х годов министерством образования. При этом проект министерства предусматривал реализацию поставленной задачи в контексте всего комплекса общеобразовательных дисциплин при одновременном включении курса «граждановедение». Это можно рассматривать как осознанную реакцию на деидеологизацию школы и одновременно как ответ на потребность в другой, некоммунистической перспективе социализации личности. Концепция образовательных стандартов «граждановедения» включала три ступени, начиная с 5-го

класса. Целью первой ступени было освоение ребенком моральных ценностей, «формирование личности, осознающей себя частью общества и гражданином своего Отечества»; целью и задачей второй — освоение комплекса знаний и умений, необходимых для будущей самостоятельной жизни в обществе. И третьей — формирование гражданской позиции и социально-политической ориентации, нацеленных на «умение защищать свои права и права других граждан, строить индивидуальную и коллективную деятельность». При этом впервые в истории страны компонент гражданского образования вводился с 5-го класса с акцентом на совмещение знаниевого

Марико Мори. НЛО. 2005

подхода с практиками социальной активности.

Однако уже в начале «нулевого» десятилетия постепенно социальный аспект в программных документах Минобразования стал трансформироваться. В новых стандартах понятие «граждановедение» было заменено другим понятием — «обществознание». Думаю, что это произошло не случайно. Гражданское образование в центр внимания ставит личность (граждановедение — как знание о гражданине и гражданственности), когда окружающий социальный мир рассматривается сквозь призму личности и ее положения в государстве. Этот подход лежит в основе европейской философии гражданского общества и гражданских прав. А затем граждановедение заменяется обществознанием, и вновь, как и прежде, в центре социальной картины ока-

зывается не человек, а государство, отождествляемое с обществом, и формирование патриотизма как служение государству, выражающему единство коллективного целого, отечески заботящегося о человеке. То есть мы снова возвращаемся в колею вековой российской культурной традиции трактовки человека как части народа, а самого народа как биосоциального организма, или особого этноса.

При этом педагогическое сообщество учителей, реализующих программу обществознания, совсем не задумывается об этих идеологических коннотациях. Одна из причин этого, на мой взгляд, в том, что преподавание обществознания находится в ведении учителей-историков, воспроизводящих традицию «патернализма» в силу своей прежней предметной принадлежности.

Между директивностью и демократичностью

Ирина Панасенко, управляющая делами Советского района г. Ростова-на-Дону

Постоянно задаю себе как чиновнику с девятилетним стажем работы и педагогу с пятнадцатилетним два вопроса: (1) какие «прививки» следует сделать нашему образованию, чтобы научиться взращивать гражданина? (2) какими методами следует руководствоваться в формировании гражданской позиции ребенка?

Понятно, что главным результатом гражданского воспитания должна стать личность, которая обладает не только практическим умением активно участвовать в общественной жизни, но и моральными качествами, такими как ответственность, порядочность, добросовестность, честность, принципиальность, дисциплинированность и т.д.

Однако любое образовательное учреждение сегодня работает с учетом имеющихся у него ресурсов (кадров, методологии, материальных и финансовых возможностей). За последние 20 лет квалификация учителя — человека, который должен формировать гражданскую позицию у ребенка, — перестала вызывать доверие. ЕГЭ показал, что системность в работе ученика, прилежное отношение к урокам, ответственность — непринципиальны. Важны стрессоустойчивость, быстрота реакции, умение рисковать и т.п. Всему этому нужны противовесы.

И прежде всего, на мой взгляд, становится актуальной практическая направленность образовательной деятельности — включенность молодежи в жизнь местного сообщества, ориентация школьника на общественно полезные дела. При этом речь идет и о социальных проектах, и о благотворительных акциях, и о поисковой работе и пр. Для обеспечения условий развития

гражданских компетенций необходимо постепенное освоение пространства социальной жизни — каждый раз на соответствующем для школьника возрастном уровне. И при этом нельзя забывать о душе ученика, о формировании в нем ответственности, понимании своих прав. Словом, нужно стартовое действие. Но как и кто его совершит?

Сошлюсь на известный пример: в 2001 году в Северной Каролине (США) был принят закон «Школьники — граждане», на основании которого отдел образования штата должен был внести изменения в программу по социальным дисциплинам, включив в нее материалы по граждановедению и воспитанию гражданственности. Закон рекомендовал обязательное просвещение относительно важности голосования и участия будущих совершеннолетних граждан в демократическом процессе; знакомство с информацией о текущих событиях и структуре правительства; с материалами о демократическом процессе и о том, как создаются законы. Это в старших классах. А в средних — посещение правительственных учреждений, таких как местная тюрьма, здание суда или муниципалитета; приобретение навыков анализа проблем местного сообщества и выработки рекомендаций местным должностным лицам и, наконец, вовлечение в общественные объединения.

По сути, этот закон не только диктует развитие гражданского образования и воспитания в школах, но и рекомендует, что конкретно следует воспитывать в современных учащихся. Казалось бы, закон навязывает стандарт «сверху», но этот стандарт вполне демократический. Во многих западных странах сегодня в

Такаши Мураками. Инсталляция. 2007

области гражданского образования совершается переход к межпредметному, инструментальному подходу, когда преподаватели стремятся не просто к передаче знаний, но и учат школьников дискутировать, собирать и анализировать информацию. Иными словами, это — «мыслительная учебная программа», ориентирующая не только на приращение нового знания, но умение учиться думать самостоятельно. Появились также специальные программы по обучению школьников разрешению конфликтов и ведению переговоров.

До 1917 года в школах Российской империи учебный день начинался обычно с молитвы. А американские школьники вместо «Отче наш...» читают «молитву» следующего содержания: «Я верю в Соединенные Штаты Америки как государство народа, из народа и для народа, чья прочная сила в согласии граждан; в демократию, в республику; в единую Nation перед

Богом многих суверенных штатов; в прочный союз, единый и неделимый; в принципы свободы, равенства и справедливости, за которые американские патриоты жертвовали своими жизнями и благополучием. Я поэтому верю, что моей обязанностью является любить страну, следовать ее Конституции, повиноваться ее законам, почитать ее флаг и защищать ее от врагов».

А в наших школах только в 7-м классе впервые учат гимн России. На торжественных мероприятиях звучит только один куплет и припев гимна. А сколько взрослых граждан знает весь текст? Возможно, кто-то считает, что это не столь важно для развития гражданского самосознания. Но я лично с этим не согласна. Думаю, что, после того как наше образование оказалось духовно пустым, едва ли можно рассчитывать на быстрый успех наших усилий по формированию российского гражданского общества.

Гражданская идентичность и гражданское образование

Людмила Клименко, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий ПИ ЮФУ

Американский мыслитель С. Хантингтон считал, что с конца XX века общемировой проблемой стал поиск идентичности. И хотя в каждой стране это вызвано сочетанием уникальных обстоятельств, ее главный источник — в идущих процессах глобализации. Включение России в глобальные процессы предполагает выстраивание в стране отношений социального партнерства, основанного на паритетности интересов человека, общества и государства, то есть гражданского общества. Без формирования гражданской идентичности оно не появится.

Западные исследователи говорят, что гражданская идентичность в их странах конструировалась усилиями государственных структур в условиях постоянных войн с соседями («другими», «чужими»). В XIX столетии по мере утверждения в европейских странах принципов либерализма идентичность сопрягалась с содержательными характеристиками политического строя — политическим равенством, свободой, демократией. Тот же процесс характерен и для США. Поэтому гражданская идентичность в этих странах во многом совпала с государственной и национальной.

Иная традиция сложилась в России, где государство и в дореволюционный, и в советский период характеризовалось высоким уровнем централизации, блокировавшей возможность самоорганизации граждан. Поэтому, как справедливо отмечает Л.М. Дробижева, «в силу сложившегося исторического шлейфа восприятий и представлений в

России важно различать государственное и гражданское самосознание»*. Гражданская идентичность, в отличие от государственной и тем более этнической, не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации или некой «национальной территории». Но предполагает уход от патернализма и нарастание самоорганизации граждан и рост гражданских инициатив. Установка людей на солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих и есть, как мне кажется, смысловое ядро гражданской идентичности и гражданства.

Гражданская идентичность подрастающего поколения как формируемый образовательный объект может рассматриваться по-разному.

1) *Как смысловое наполнение общегражданской идентичности.* Гораздо проще и быстрее, на мой взгляд, сформировать общероссийскую идентичность посредством образования, нежели созидать гражданское самосознание молодежи. Исключения составляют республики, в которых этническая идентичность конкурирует с общероссийской, но тем не менее и здесь осознание своей принадлежности к российскому государству весьма велико.

2) *Как структурно-методическое формирование гражданской идентичности.* Это широкое проблемное поле, включающее в себя вопросы знаниевого и/или деятельностного подхода к гражданскому образованию; необходимости специального предмета, нацеленного на гражданское воспитание и образова-

* Л.М. Дробижева. *Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России.* — М., 2006. — С. 13.

Ансельм Рейле. Инсталляция. 2009

ние; наличия в уже существующей дисциплинарной сетке взаимосвязи и взаимодополнительности между разными предметами в сфере формирования гражданских компетенций и т.д.

3) *С точки зрения особенностей региональной среды.* В регионах должны появиться функционирующие инсти-

туты гражданского общества или достаточное по численности и ресурсам граждански активное население, которое способно инициировать просветительские проекты «снизу».

В противном случае, замысел гражданского образования так и останется лишь на бумаге.

Развитие ученического самоуправления как инструмент гражданского образования

Сергей Игнатенко, педагог-организатор основ безопасности жизнедеятельности, школа № 86 (Ростов-на-Дону)

Рассматривая ученическое самоуправление как форму организации жизнедеятельности коллектива школьников, обеспечивающую развитие их самостоятельности в принятии и реализа-

ции решений для достижения общественно значимых целей, хочу обратить внимание на важнейший его компонент — на детскую общественную организацию.

Нет сомнения, что на основе добровольного сотрудничества волонтерская работа способствует развитию у обучающихся не только эмоциональной отзывчивости, но и ответственности, справедливости, нужности местному сообществу.

Волонтерская работа может быть организована совместно с общественными организациями города в форме социально значимых дел — помощи ветеранам, работы в домах ребенка и т.д. Такой опыт в дальнейшем поможет школьникам уверенно действовать в различных жизненных ситуациях, способствовать становлению подростка как граждански активной личности.

В соответствии с государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.» развитие самоуправления в общеобразовательном учреждении рассматривается сегодня в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики в сфере образования. Однако во многих

школах оно до сих пор воспринимается как нечто второстепенное, необязательное, несмотря на то что в уставе каждого общеобразовательного учреждения, как правило, данное положение четко прописано.

Основное предназначение ученического самоуправления — удовлетворять индивидуальные потребности обучающихся, связанные прежде всего с защитой их гражданских прав и интересов, с участием в решении насущных проблем школы.

Хотя нередко к нему относятся как к проведению разовых мероприятий, когда дети «играют в демократию», ученическое самоуправление открывает для каждого школьника возможность проявить свои личные способности, найти интересное для себя дело и взять персональную ответственность за его выполнение. Иными словами, самоуправление — не показуха и не факультатив, это поиск смысла жизни учащимися.

Проектная деятельность школьников как способ воспитания гражданина

Ольга Пономаренко, заместитель директора по воспитательной работе школы № 87 (Ростов-на-Дону)

П.А. Столыпину принадлежит актуальная для нашего времени мысль. Он считал, что «сначала надо воспитать гражданина, а потом гражданственность сама воцарится на Руси». Для того чтобы это действительно произошло, мы учим школьников социальному проектированию. Главной особенностью этого вида деятельности является ориентированность на позитивное решение общественно значимых проблем. Как показывает наш опыт, пожалуй, ничто так эффективно

не формирует у школьника гражданскую компетентность, как социальное проектирование — готовность и способность реализовывать свои гражданские права и обязанности.

Педагог, вовлекший детей в проектирование, создает условия, при которых обучающийся осваивает навыки определения и анализа социальных проблем. Учитя формулировать цели и задачи проекта, овладевает методами поиска информации, учится составлять проектную документацию;

Роберт Гобер. Без названия. 1999

овладевает способами презентации результатов проекта и т.д. Приведу несколько примеров такого проектирования.

Проект «Демократическая республика «Надежда»» — форма детско-взрослого школьного соуправления. Он знакомит школьников с методами и процедурами общественно-политической деятельности государства и в то же время наглядно демонстрирует, как работает гражданское общество. Этот проект требует минимальных ресурсов, а на

деле является богатым комплексом средств воспитательной работы. В процессе проектирования каждое направление деятельности возглавляет «министр», избранный тайным голосованием, главным помощником министра является куратор-педагог. При этом школьники, сталкиваясь с разными проблемами, как правило, их успешно решают.

В ходе реализации проекта «Уроки детей для взрослых» школьники выражают озабоченность по поводу про-

блем конкретного микрорайона: алкоголизма, наркомании, асоциального поведения взрослых и подростков. И свой личный вклад в борьбу с ними формулируют в форме уроков — обращений к взрослым. Происходит это так: например, в холле районной поликлиники размещают выставку фотofактов «Безнравственное поведение» и плакатов «Жизнь без вредных привычек», организуют выступление агитбригады «Мы выбираем здоровый образ жизни», раздают посетителям поликлиники авторские листовки «Не вреди себе сам», пишут публичные обращения «Подрастающее поколение смотрит на вас». А затем проводят опрос своих «сограждан» на тему: «Нужен ли такой урок взрослым», обсуждают динамику вовлеченности «обучающихся» в реализацию проекта. «Уроки детей для взрослых» организуются учащимися школы на протяжении уже пяти лет.

Работая над проектом «Доброе сердце», школьники стремятся к раскрытию добросердечия у детей и взрослых, преодолению социального равнодушия, овладению азами гражданской культуры. Все это происходит во время встреч с участием художников, сбора

добровольных пожертвований в пользу семей с детьми-инвалидами, презентаций книг (в частности, книги Ирины Ясиной «Человек с человеческими возможностями»), просмотра фильмов цикла «Кино без барьеров», обсуждения книг, выпущенных в серии «Другой, другие, о других».

Цель экологического проекта «Пока не иссякли родники...» — забота о сохранении и использовании родников Ростова как естественных источников пресной воды. В ходе проекта ребята проводят мониторинг качества воды 4 родников Ростова и уже в течение 10 лет обеспечивают уход за ними, а также организуют выставки своих рисунков, читают стихи и т.д.

Участники проекта «Ростовчане должны знать, в честь кого названы улицы родного города» рассказывают об этом в автобусах и маршрутных такси, пишут обращения в администрации районов и директорам пассажирских автопредприятий.

Наш опыт показывает, что такие проекты актуальны и значимы, они реалистичны и не требуют, как я уже сказала, больших материальных затрат. А главное, в их реализации участвуют самые разные взрослые партнеры.

Философия в структуре гражданского образования

Ирина Полонская, доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций и технологий ПИ ЮФУ

Если мы хотим сформировать из школьника гражданина, мы должны не учить его готовым ответам, а подтолкнуть к тому, чтобы он сам учился формулировать вопросы и их задавать не только себе и своим сверстникам, но и взрослым.

Есть только одна дисциплина, которая учит задавать вопросы. Это философия, начинающаяся, по Аристотелю, с

удивления, побуждающая, согласно Канту, испытывать вопрошанием собственные надежды и возможности, а по Хайдеггеру — задуматься о собственном бытии. Именно философия обладает потенциалом формирующего воздействия на личность, и этим определяется ее фундаментальная значимость для гражданского образования.

Пол МакКарти. Болван. 2003

Европейская модель философствования образует нерв культурно-исторической преемственности между сложившимися в античности представлениями о гражданской идентичности и ее

современными трактовками. Античный полис впервые поставил знак равенства между понятиями «гражданин» и «свободный человек». Это равенство — краеугольный камень

европейской культуры. То, что Бертран Рассел назвал «греческим образом мысли» (рационально-критическим мышлением), в классической европейской культуре предстает как необходимое условие личностной и общественной состоятельности гражданина. Гражданская самоидентификация в античности, как впоследствии и в европейском Просвещении, — это ощущение человеком себя изначально, от рождения свободным. Европейская философская традиция работает со свободной индивидуальностью, которая и является для нее отправной точкой: индивид — субъект вопроса, субъект радикального сомнения, задающий, во-первых, вопросы себе, кто он есть сам, а во-вторых, государству, которое в этой парадигме не более чем производное от суммы индивидуальных умов и волей.

Но при этом мы знаем, что существует и другая интерпретация понятия «гражданин». Российская культурная традиция толкует гражданина скорее как «творение» государства, подразумеваемая сакральность которого неизбежно определяет более низкий ценностный ранг личности по отношению к государству. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» — заявил Некрасов. Обязан — перед кем, кому, почему? Перед народом? — но это в российской культуре альтернативный код для обозначения всеобщего. Обязанность перед всеобщим — будь то сакральное государство или собирательный образ народа — изначально задана российскому «гражданину» еще до того, как он успел ощутить себя индивидуальностью и осознанно решить, кому, что именно и в каких пределах он обязан. «Ты — гражданин» это не формирующаяся в процессе образования идентичность молодого человека, а внушаемая догма. Если в европейской цен-

ностной картине молодой человек становится гражданином, чтобы получить возможность индивидуального и коллективного самоопределения, иначе говоря, дабы иметь право принимать участие в делах государства, то в российской культурной традиции — чтобы подчиниться всеобщему. А государство, соответственно, вне зависимости от его качеств и характеристик, политики, идеологии, институтов в этом случае — заимодавец вечно должного ему гражданина.

Гражданское образование обычно мыслится как задача средней школы. Но школа — дисциплинарный институт, социализирующая практика которого направлена в конечном счете на окультуривание через обуздание своеволия. Наше школьное образование — это движение между Сциллой внушения и послушания, убивающей свободную индивидуальность, и Харибдой ролевых игр, в том числе в ученическое самоуправление, которые сами по себе могут сформировать гражданина не больше, чем игры девочек с игрушечной посудой хорошую хозяйку. Я думаю, что первичная задача школьного гражданского образования скорее пропедевтическая, а его цель — сформировать установку на свободное креативное мышление, научить мыслительной культуре, ставить себя на место другого, оценивать свои и чужие поступки.

Сформировать гражданина в рамках существующей системы школьного образования, я думаю, невозможно. Как образование длится на протяжении всей жизни человека, так и его гражданская позиция формируется не сразу, то есть является результатом не научения в школе, а адаптации к жизни в обществе. Не школа, а реальная публичная жизнь создает гражданина, а школа лишь закладывает для этого необходимые предпосылки, главная из которых —

способность задавать вопросы, не удовлетворяясь шаблонными ответами и внушаемой извне гражданской аксиоматикой. Этим, на мой взгляд, определяется место преподавания элементов философии в структуре гражданского образования. Европейская модель образования включает преподавание в

школе философии как отдельного предмета. Очевидно, и нам следует внедрять элементы философского образования в рамках школьно-гражданского. Естественно, для этого требуется расширение философской подготовки учителей, но это уже тема другого разговора.

Кто научит молодого человека жить в своей стране?

Ирина Черкашина, директор ростовской региональной общественной организации «Центр содействия экологическим инициативам «Экомост»», доцент ЮФУ

Приблизительно так я сформулировала бы социальный заказ на гражданское образование, учитывая, что на общеобразовательную школу сегодня мало кто рассчитывает. Многие родители понимают, что школа в начале второго десятилетия XXI века оказывает лишь услуги по подготовке к ЕГЭ, все остальные ожидания напрасны. Неслучайно поэтому так активно стали развиваться общественные (негосударственные) формы просвещения и образования: клубы, летние специализированные лагеря, экологические сборы и т.д. Является ли это гражданским образованием?

Очевидно, да. Школы молодой семьи, обучая молодых родителей медико-гигиеническим навыкам, параллельно задают им планку гражданских прав и обязанностей. Добровольческие центры обучают навыкам грамотной помощи близким и «далеким» людям, мотивируют подростков к волонтерству и помощи ближнему. Экологические объединения занимаются реальной природоохранной деятельностью, одновременно задавая нормы и ценности ответственного поведения человека в окружающей его среде. И т.д.

Наблюдая за развитием некоммерческого сектора на юге России с начала

1990-х годов, могу сказать, что гражданским образованием как раз таки занимается не средняя школа, а те, кто знает, как защитить человека от насилия со стороны государства, как ответственно подходить к планированию своей деятельности, как пользоваться государственными услугами без ущерба для собственного времени и здоровья.

Школьные учителя осознают, что государственное учреждение не позволит сформировать свободного, ответственного и грамотного гражданина, поскольку такой гражданин угрожает самой системе «вертикального» государственного управления. А отсюда следует, что гораздо эффективнее этого добиться на независимых образовательных площадках семинаров, конференций, круглых столов, летних школ, используя потенциал организаторов и экспертов НКО. Впрочем, нами все еще мало использован потенциал культурного партнерства государственного сектора (средняя школа) с негосударственным в виде всевозможных образовательных сетей, которые без лишней «дисциплины» и давления помогут подростку, обдумывающему свое житье-бытье, найти способ, как же все-таки «Родину понять?».

Условия формирования гражданской ответственности для школьников «группы риска»

Елена Межевикина, сотрудник Методического центра образования г. Ростова-на-Дону

Трудные подростки по-прежнему составляют серьезную проблему для средней школы. Они не получают должного семейного воспитания, родители не сформировали в них личностно значимых ценностей и смыслов, они имеют низкую мотивацию к учебе, многие из них стоят на правоохранительном учете. Работа с такими учениками требует особого подхода на основе принципов гуманизма, адаптации, коррекции и реабилитации. И здесь задача школы не только в обучении и воспитании, но прежде всего в их ориентации на выбор навыков гражданских качеств.

Для успешного решения этой задачи необходима особая среда, учитывая, что трудному подростку особенно сложно познание прав человека и соблюдения законов демократического общества, в которой он осваивал бы азы биографического проектирования и обретения навыков социальной интеграции. Не всегда удается создать такую среду, но если педагогическому коллективу, как показывает опыт, эта задача оказывается по плечу, его усилия в отношении трудных подростков становятся неизменно эффективнее.

Современные практики гражданского образования: частный случай

Галина Денисова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций и технологий ПИ ЮФУ

Российская школа уже второй раз за последние 50 лет берется за реформы основ своей деятельности. Сначала это было в 1960-е годы, в период короткой оттепели, теперь — начиная со второй половины 1990-х. Причем обе попытки нельзя признать удачными, так как не удалось изменить пока ни отношения взрослых к ребенку, ни понимание их миссии. Я тоже считаю, что и сегодня не утратил своей актуальности призыв известного философа Э.В. Ильенкова: «Школа должна учить мыслить!». Без реформ любые инновации становятся имитационными, «пустыми» по содержанию. Но я думаю, что мы все же движемся, хоть и медленно, со всякими разворотами, в нужном направлении.

Сошлюсь на опыт Ростовской области. С 2009 года (Постановление администрации Ростовской области № 628 от 31.12.2008) у нас был введен во всех образовательных учреждениях общественный уполномоченный по правам ребенка. Одним из мотивов стала задача «формирования правовой культуры участников образовательного процесса». По замыслу уполномоченный должен и защищать законные интересы ребенка, и способствовать формированию правового пространства и правовой культуры в школе, а также «личности, способной к социализации в условиях образовательного процесса». Введение этой должности — дело кропотливое, учитывая, что речь идет о

свободных и тайных выборах уполномоченного. Это сработает только в том случае, если учительскому коллективу и администрации школы будет ясно, что правовая культура — это прежде всего внимание (вплоть до шепетильности) к самой процедуре выбора и понимание, для чего это делается, а ее смысл будет прозрачен для школьника. Учителя же, как правило, не понимают, что освоение ребенком гражданских прав предполагает такое же обучение, как, например, правилам дорожного движения. То есть мы опять возвращаемся к проблеме системообразующего каркаса всего образования — концентрации на личности ребенка. В центре образования должна стоять личность, а правовые практики должны защищать человеческое достоинство. Но учителю сложно отказаться от привычной для него модели социоцентризма и переключиться на личность ребенка.

Поэтому практика пока такова: в большинстве школ должность уполномоченного вводится не через процедуру выборов, а посредством назначения (часто «счастливцев» об этом узнает неожиданно для себя самого). В этом качестве выступают учителя, библиотекари, вожатые, школьные психологи, которые не имеют дополнительной общественной нагрузки и восприни-

мают свою новую должность как «поручение», демонстрируя при этом неосведомленность и профессиональную неподготовленность к такого рода деятельности, требующей, конечно, подготовки и главное — заинтересованности. Иными словами, даже при создании институциональных условий для развития гражданского образования, оно может тормозиться рутинными практиками и мировоззрением учителя. Министерство образования Ростовской области действует вместе с уполномоченным по правам ребенка, и сегодня эти структуры перешли от деклараций о намерениях к реальным шагам: обучению первичным основам правозащитной деятельности школьных уполномоченных, контролю за их работой, оказанию им консультативной помощи. К этому осталось только подключить систему подготовки профессиональных кадров в университете. Пока в цикле обязательного федерального образования есть стандартные курсы правоведения, философии и отечественной истории, но отсутствует курс гражданских прав и правовой защиты детства.

Вызревание российской модели гражданского образования идет медленно, но я уверена, что именно на этом пути — залог успеха утверждения в нашей стране верховенства права.

*Кристофер Коукер,
профессор Лондонской школы
экономики*

Сумерки Запада, или Конец уверенности

Мы — свидетели критического момента современной истории: никогда раньше до 1991 года ландшафт международной политики не менялся с такой скоростью. Вся Еврозона и Европейский проект пребывают в состоянии кризиса. Двадцать первый век не станет «веком американским», как теперь очевидно и веровавшим в это неоконсерваторам в 2001 году, и обычным американцам. Запад начинает распадаться на части. Возможно, сейчас самое время понять, что есть «Запад» и насколько рационально его видение своего будущего.

Чтобы описать союз США, Канады и Европы, обратимся к термину, введенному Бенедиктом Андерсоном для национального государства. Национальное государство, которое служит нам основным источником идентификации, есть «воображаемое сообщество». «Воображаемое» потому, что за проживаемую нами жизнь мы едва ли встретим большинство наших соотечественников: многие никогда не повстречают солдата, который их защищал, чиновника на службе общества или политика, который представлял их интересы в Национальном собрании. Несмотря на это, мы «имеем представление» о своем государстве, а оно дает нам представление о том, как устроен мир, показывает историческую перспективу, помогает определить, где мы находимся во времени и пространстве. И, даже «воображаемое», оно дает нам понимание того, как «должно быть». Отсюда и общее разочарование, если события развиваются вопреки нашим ожиданиям.

Западное «воображаемое сообщество» было продуктом Второй мировой войны. Оно было частью Атлантической хартии, принятой в августе 1941 года Соединенными Штатами Америки и Великобританией, а немного спустя хартию подписали представители СССР и девяти оккупированных стран

Европы. Хартия была проникнута духом «четырех свобод» Рузвельта: свободы от нужды и страха, свободы слова и высказываний и свободы вероисповедания, двух негативных и двух позитивных свобод, если оценивать их в терминах Исай и Берлина. Поразительно, что сущность этих свобод дошла без изменений до наших дней.

Когда-то, в 1990-х, редактор американского консервативного журнала «National Interest» предположил, что «политический Запад» представ-

ляет собой совершенно надуманную конструкцию, которая появилась лишь в силу существования «угрозы с Востока». Иными словами, не будь у Запада под боком такого «врага», едва ли он стал бы единым целым.

Однако те, кто думал, что Запад после прекраще-

ния холодной войны перестанет существовать как единое целое, были поражены его устойчивостью. Объяснение может быть найдено в факте объединения Запада на основе ценностей, а не интересов (даже если этот факт существует только в их воображении). Стэнли Слоун пишет: «Запад пустил корни в сердцах и умах своих партнеров». Даже Роберт Каган, попавший в заголовки газет несколько лет назад за свой критицизм по отношению к Европе, похоже, изменил свое мнение. НАТО только тогда имеет смысл, пока все его члены продолжают отстаивать идеи гуманизма.

При этом не надо забывать, что внутри этого вымышленного сообщества продолжают существовать вымышленные национальные представления. Так, у Франции и Германии свои мифы о «происхождении мира», позволяющие существовать франко-германскому союзу, который Мишель Турнье «открыл», преподавая в Германии в начале 1950-х годов. Он пишет в своих мемуарах, что он и его студенты «стали наконец-то частью одного целого» (потрясающая формулировка!).

Некоторые вымышленные национальные представления становятся все более спорными. Так, с усилением кризиса евро все труднее продвигать европейскую идею в Германии. Растет пропасть между транснациональными элитами — «Европа» или Брюссель, Франко-Германский блок или Франкфуртская группа — эти объединения могут называться по-разному, но, независимо от названия, важно, отвечают ли они по-прежнему идеям 50-х годов и осталось ли общественное мнение прежним, — снова несущественно, что мы подразумеваем под этим: национализм, популизм, антикапитализм или демократию.

Поскольку Соединенные Штаты вступают в постамериканскую эру, идея об избранности американского народа уже не так ласкает слух. «Мы — особенная нация», — заявила бывший кандидат в президенты

Нельзя не задаться вопросом, является ли модель социал-демократии и западного рыночного фундаментализма наиболее устойчивой или же незападный мир способен предложить что-то более совершенное?

Анни Капур. Мир, вывернутый наизнанку II. 1995

США Сара Пэйлин во время выступления в Неваде в 2008 году. «Америка — это особенная страна», — повторила она, и затем, если кто-то не расслышал, добавила: «Вы — избранные американцы». Но «избранность» американцев сыграла с ними дурную шутку — ею Америка пытается закрыться от реального положения дел в мире. Ощущение избранности сменяется раздражением, все более очевидным на фоне снижения доходов, лишения собственности на дома за неуплату кредитов, гигантских долгов — всего, что делает будущее американцев туманным.

Глобальные проекты, которые Соединенные Штаты разворачивали после холодной войны, такие как гуманитарные интервенции в другие страны, продвижение в них гражданских ценностей, усиление институтов и выстраивание отношений между государством и обществом, выглядят уже не так привлекательно. Все более возможной становится перспектива распада Запада. Например, по оценкам фонда Германа Маршалла только 40% американцев видят в Европе ключевого стратегического партнера в XXI веке, причем подавляющее большинство респондентов старше 40 лет. (Источник - «International Herald Tribune» от 12 сентября 2011.)

В качестве основного объяснения этого осмелюсь предположить: пока за западную душу боролись два несхожих воображаемых сообщества, успело возникнуть третье, которое получило широкую поддержку в незападном мире.

Либеральный Запад все еще придерживается строго интернационалистских и экспансионистских взглядов, полагая свои ценности универсальными. Здесь принято считать, что ценности можно и должно распространять (главной задачей по-прежнему остается создание «безопасного для демократии мира»).

Космополитический Запад в значительной степени бихевиористский. Его система взглядов исходит из единства ценностей всего человечества, а совокупность космополитических представлений определяет специфические формы поведения. Поведенческие нормы приобретают особо важное значение, пишет Петер Катценштайн, когда они принимают определенную институциональную форму. Нормы, получившие законный статус, выражают не просто индивидуальные предпочтения, они становятся частью объективной реальности. Проблема в том, что Европа и США не всегда единодушны в выборе норм и потому не могут действовать согласно. Сошлемся еще раз на Катценштайна в том, что принятые в США нормы касаются в основном формирования идентичности (это предписывающие нормы); в отличие от США, европейские нормы отражают стандарты уместного, адекватного поведения (это регулирующие нормы). При этом и те, и другие обладают разрешающими и сдерживающими функциями. Следствие — внутренние конфликты западных держав, как, например, при голосовании в ООН по ливийскому вопросу, когда Германия, Польша и ЮАР вместе со странами БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) предпочли остаться в стороне и вовсе отказаться от голосования, так и не отдав свой голос ни «против», ни «за».

В незападном мире все более распространенной является коммунитаристская концепция, отсюда и тема «азиатских ценностей» и «арабской весны». Это напрямую связано с попыткой мусульманского сообщества воодушевить партии, состояющиеся за власть, на свободные выборы на территории всего арабского мира.

Окажется ли какая-то из концепций наиболее жизнеспособной и если да, то сможет ли она лечь в основу культурного диалога между различными обществами в XXI веке?

Либеральный интернационализм

Нам стоило бы назвать себя донкихотами от свободы и пойти крестовым походом на деспотические правительства, сказал президент США Джон Тейлор в 1852 году.

Тогда еще было место для подвига в продвижении «принципов республиканства» (термин Тейлора). Причиной, достаточной для начала войны, было желание «сделать человеческую жизнь лучше». Война приучала к свободе. Существовало несколько разновидностей этой идеи — создание «безопасного для демократии мира» пока остается самой известной из всех.

В рождественском обращении Джорджа Буша к своим согражданам в 1991 году, когда Советский Союз уже распался на части, было столько же бурной радости, сколько может быть в обращении бейсбольного тренера к своим спортсменам, только что выигравшим кубок.

«Это победа демократии и свободы! Победа нравственной силы наших ценностей», — недвусмысленно сообщал своим согражданам Буш. Американские ценности победили, самое время обучить российских лидеров искусству быть хорошими капиталистами. Что и стало тогда целью западной политики на ближайшие 10 лет.

Однако за последние 20 лет опросы общественного мнения ясно показывают, что 30% россиян не принимают западные либеральные ценности, а другие 30%, принимая эти ценности, требуют их адаптации к российским условиям.

В том же 1991 году Запад убедил ООН признать, что государства имеют не только обязательства, но и права, а государства, которые не считаются с правами других, должны вызывать живую международную обеспокоенность. Совет Безопасности ООН принял резолюцию «силового вмешательства» в кризисных ситуациях. Позже, в 2005 году, государства — члены ООН официально признали обязанность каждого государства защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Именно здесь надо искать оправдание вторжения НАТО в Ливию — «мускулистый либерализм» в стиле Дэвида Кэмерона — продолжение «либерального самоуправства», ставшего характерной чертой лет, когда Тони Блэр и Дж. Буш занимали свои посты. Вторжение в Ирак произошло на пике «однополярности» Америки. Теперь мир хоть и осуждает, но все же принимает войну НАТО против Кадаффи. Еще до начала «арабской весны» незападный мир занял позицию невмешательства, когда чудовищный циклон «Наргиз» в 2008 году обрушился на Мьянму, а военный режим страны в первые дни отказывался принимать гуманитарную помощь. Ситуация была абсурдной: Франция угрожала доставить по воздуху гуманитарный груз вопреки отказу хунты. Пожалуй, это был первый и, возможно, последний случай, как писал тогда один британский комментатор, когда благотворительность вынуждена была выступать с позиции силы. Другим разочарованием для Запада стал отказ африканских стран осудить грубые нару-

шения Робертом Мугабе избирательного законодательства в Зимбабве в ходе президентских выборов.

К своему удивлению Запад обнаружил, что даже такие либеральные державы, как Индия, не склонны принимать либерализм как всеобщую модель политического устройства.

В свете сказанного вряд ли Запад когда-то разрастется до границ «лиги демократических государств» (как назвал ее Джон Маккейн).

Одновременно два вашингтонских аналитика задались вопросом: если перед НАТО больше не стоит задача защиты территорий, а только объединение стран со схожими ценностями для решения глобальных проблем, нужна ли в таком случае вообще «особая трансатлантическая идентичность». Чем является Запад как не содружеством либеральных обществ?

*Демократия в западном понимании
вряд ли может пустить корни
в большинстве стран – союзников НАТО,
а еще менее вероятно – на пространстве
Среднего Востока после «арабской
весны»*

Ливийский вопрос в ближайшие годы может приобрести черты боснийско-косовской проблемы, если снова выяснится, что либерализм и демократия не всегда совместимы. В очередной раз Запад с разочарованием обнаружит, что где-то возникла ситуация, как в Газе, где электорат сделал выбор в пользу Хамаса.

Похожая судьба может постигнуть не только Ливию, и еще рано праздновать победу либерализма. Конституционный либерализм — это больше чем выборы правительства или «власть народа». Либеральным режим становится, когда признает индивидуальные права и ответственность, а конституционным — потому что признает непреложный закон соблюдения человеческого достоинства. Демократия в западном понимании вряд ли может пустить корни в большинстве стран — союзников НАТО, а еще менее вероятно — на пространстве Среднего Востока после «арабской весны». Даже Эммануил Кант, положивший начало теории демократического мира, которая подразумевает, что страны-демократии не воюют друг с другом, очевидно, не признавал неограниченность демократической власти большинства. Его теория противоречит положению, на которое ссылается НАТО как альянс, направленный на безопасность, — что все страны-участники преследуют мирные цели.

Для Фукидида народовластие ассоциировалось с агрессией; для Макиавелли — с империализмом, в продолжение ассоциаций — совсем недавно демократические страны допустили этнические чистки на Балканах.

Трудно не согласиться с тем, что и в наивысшей точке своего расцвета либеральный мир как эксперимент цивилизации (даже если мы не

берем в расчет его неудачи) — это все же пока опыт меньшинства. Попытки заставить другие страны занять более либеральные позиции до сих пор были обречены на провал. Стремление заставить людей испытывать любовь и уважение к чему-то, чего они не любят и не уважают, способно вызвать скорее резкое отторжение. Нельзя не задаться вопросом, является ли модель социал-демократии и западного рыночного фундаментализма наиболее устойчивой или же незападный мир способен предложить что-то более совершенное?

Космополитизм

Существует мнение, что противоречия внутри западного альянса существуют несмотря на общность ценностей. Другое мнение состоит в том, что европейские и американские ценности значительно различаются. Оба мнения неверны. И США и Европа разделяют одни и те же ценности, но инструменты их реализации — разные.

Европейский союз тяготеет к идее глобального управления как способа продвижения своих ценностей в мире. Для этого была выстроена система взаимосвязанных сетевых сообществ, через которые реализуется партнерство между странами, осуществляется защита общественных интересов и формируются группы, влияющие на политику, такие как антикоррупционная организация Transparency International. Это и есть краеугольные камни космополитического демократического взгляда, который в последнее время подвергается значительной критике, в том числе и потому, что неевропейские державы видят в нем признаки «нормативного империализма». При соприкосновении интересов различных групп активистов и НКО (а их более 75 000) обнаруживается, что не все они разделяют либеральные взгляды.

Примером может служить союз между Ватиканом, африканскими правительствами и мусульманскими НКО против некоторых инициатив по планированию семьи, предложенных ООН недавно. Главное в космополитизме то, что он является выражением очень специфического европейского понимания власти.

Попытка трехстороннего диалога между Европой, Китаем и Африкой, в рамках которого состоялась первая встреча представителей этих стран в 2008 году, была отчасти и в продвижении идеи о необходимости борьбы с коррупцией, верховенства права и стандартов Международной организации труда для достижения общественного блага. Меж тем многие китайские компании до сих пор предпочитают давать взятки чиновникам, гласно или негласно поддерживать африканских диктаторов и пользоваться любыми лазейками в трудовом законодательстве, чтобы завоевать рынок. Последнее время Китай начал выстраивать культурный диалог с другими странами, в рамках которого отказался от предыдущей доктрины невмешательства в пользу новой — «креативного вмешательства». Но и этот подход все еще далек от космополитизма. Более того — за последние два-

дцать лет космополитизм подвергался жестокой критике со стороны азиатов.

Пока Еврозона находится в кризисе, трудно судить, есть ли шансы для фундаментальных перемен в мире. Стабилизация ситуации сильно зависит от происходящего в Европе и от ее морального авторитета.

Коммунитаризм

В отличие от Запада, весь остальной мир заинтересован в соблюдении прав основных игроков и не сильно заботится о тех, кто остается вне их круга.

Коммунитаризм основан

на идее, что люди черпают ценности из недр сообщества, к которому принадлежат, и сам смысл человеческой жизни рассматривается в контексте принадлежности к какой-то группе.

Последователи идей коммунитаризма верят, что группы обладают фундаментальным правом на самоорганизацию в сообщества, которые по определению наделены эксклюзивными свойствами. Основной аксиомой для них является то, что жизнь индивида до вступления в группу или за ее пределами лишена смысла. Жизнь социальна по определению и полностью встроена в культуру.

Когда-то Германия могла служить примером самой коммунитарной страны. До Первой мировой войны немцы отрицали теорию цивилизации, противопоставляя ей теорию национальной культуры и немецкого духа (одним из ярых ее защитников был Томас Манн, обосновавший ее в своей книге «Рассуждения аполитичного»). Позже, однако, Манн стал придерживаться западных ценностей, в особенности либерализма.

Борьба Третьего рейха с «цивилизацией» толковалась как попытка сил «реакционного модернизма» избежать всеобщего будущего. «Реакционный» характер в нацистском государстве носил его отказ от любых форм универсализма, особенно от универсализма американского, продвигаемого США во главе с Рузвельтом.

Страны БРИК тоже последовательно отвергают идеи о том, что Запад должен выполнять роль «жандарма» демократии (термин Ричарда Беттса “an out-of-area enforcer”) или инструмента осуществления политики «открытых дверей» для рыночной демократии за пределами североатлантического региона. Они, напротив, предпочли бы, чтобы Запад умерил свой аппетит и перестал быть «дестабилизирующей силой».

Россия, вернувшись на международную сцену, придала дискуссии новую энергию. Таким образом, возникли еще несколько воображаемых сообществ, которые своим существованием ставят запад-

*Самым трудным для обеих сторон
будет преодолеть менталитет
«победителя, который получает все»,
и, напротив, постараться пробудить
друг в друге лучшее, пробудив прежде
это лучшее в себе*

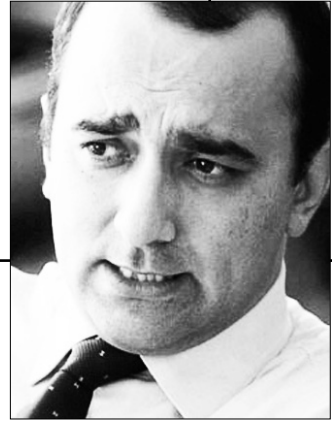
ную модель под вопрос. После заявления о своем возвращении Путин рассказал, что видит в воссоединении бывших советских республик Евразийский союз — некий «надгосударственный блок», который станет одним из центров современного мира. Этот проект, очевидно, созвучен с его представлением о своей исторической миссии восстановления величия России и противостояния западной гегемонии. Также в планы Путина входит расширение таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном за счет принятия в него Киргизстана и Таджикистана. Еще неясно, как далеко может зайти этот проект, потому что если Украина оставит свои попытки вступления в НАТО и распространится с надеждой интегрироваться в Европейский союз в силу чрезмерной коррумпированности своих политических деятелей, то и она может заинтересоваться присоединением к проекту.

Россия возвращается в Европу равноправным членом нового «европейского концерта», управляемого по определенным поведенческим нормам — более основанным на интересах, а не ценностях, не являющимися ни либеральными, ни космополитическими. Это поведенческие нормы, которые в свое время формировали баланс политических сил в XIX веке. Вопрос в том, сможет ли Россия вписаться в новую систему безопасности? И вопрос этот важен особенно тем, что решение его поможет предотвратить прямые столкновения с Западом, которых удавалось избегать все последнее двадцатилетие.

Заключение

Вместо того чтобы мечтать об обновленной «лиге демократий», Западу лучше задуматься о своем будущем, а именно как ему взаимодействовать с теми, кто хотя бы отчасти разделяет его взгляды, и как установить диалог с теми, кому они, возможно, всегда будут чужды. Главным вызовом для западных сообществ станет необходимость защитить непреложные идеи и суметь договориться о том, о чем можно договориться. Трудные времена настанут для тех, кому придется бороться за старые верования, которые сформировали целое направление западных установок, — веры в то, что следующее поколение наверняка будет жить лучше предыдущего, что социал-демократия может быть в основе капитализма. Но главным уроком для всех должно стать то, что такие страны, как Китай, уже давно вступили в соревнование с Западом и во многом преуспели. Незападный мир все сильнее набирает обороты, и скоро роли поменяются. Самым трудным для обеих сторон будет преодолеть менталитет «победителя, который получает все», и, напротив, постараться пробудить друг в друге лучшее, пробудив прежде это лучшее в себе.

Глобальная гражданственность

*Хакан Алтинай,
научный сотрудник
Бруклинского института,
США*

Масштабные проявления глобальной взаимозависимости сегодня ни для кого не являются открытием. Финансовое воздействие США может стать определяющим для экономического роста в любой части мира; выбросы углекислого газа в Китае влияют на урожайность и жизнедеятельность на Мальдивских островах, в Бангладеш, Вьетнаме и за их пределами; эпидемия во Вьетнаме или Мексике отражается на США; радиоактивная утечка в Японии угрожает здоровью людей во всем мире. Все более очевидно, что проблемы глобального уровня не имеют простых решений. Традиционно существовало два общих подхода к решению глобальных проблем.

Первый основывается на создании новых фондов и организаций. Когда стал очевидным дефицит инструментов глобального здравоохранения, был создан Всемирный Фонд борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. Когда Интернет стал доступен по всему миру, его управление перешло к ICANN, международной некоммерческой организации по регистрации доменных имен. Ее отличие от традиционных организаций в том, что в своем управлении она допускает сотрудничество и с рядовыми пользователями Интернета, а это уже значительное отступление от общепринятых норм международных межправительственных организаций.

Второй подход к принятию всеобъемлющих решений опирается на международное право и на общепринятую парадигму общественного блага. Яркий пример — отношение к климатическим катастрофам. Парадигма общемирового общественного блага подразумевает некую соизмеримость, если не универсальность, с которой люди сообща отвечают на глобальную угрозу. Здесь есть свои издержки. Например, в ситуации необходимости конкретных коллективных действий многие воспринимают ожи-

дание как давление; для других такая массовость, напротив, оказывается успокаивающим и освобождающим от принятия решения условием. Часто на периферии подобной темы обсуждения вообще не существует.

Обе эти модели основываются на веровании, что глобальное управление — не более чем технократическая головоломка, которая решается умным организационным планированием. Но предмет глобальных переговоров на деле есть социальный контракт, а не технократическая задача. Ключевой вопрос, на который нам всем необходимо ответить, — какова наша ответственность перед людьми, живущими в других странах. Несмотря на свою простоту, вопрос ставит в тупик своей фундаментальностью.

Попытка найти разумный ответ, если мы отнесемся к делу без спешки, паники и с должным вниманием, приведет нас к идее о *global civics* — *глобальной гражданственности**.

В обыденном понимании «civics» как гражданское право включает в себя привычный набор прав и обязанностей, вытекающих из понимания социального договора и гражданства в государстве. Что же такое «глобальная гражданственность»? Возможна ли она вообще и захотят ли люди «принять» ее?

Существует несколько убедительных возражений, выдвигаемых против концепции глобальной гражданственности. Естественно, легко найти аргументы против самой идеи ответственности перед семьей миллиардами людей. Человечеству трудно похва-

статься сколь-либо значимым опытом солидарности и сознательности всех людей; в лучшем случае этот опыт только начинает формироваться и, таким образом, не может служить основанием для формулировки прав и обязанностей. К тому же пока опыт этот доступен немногим активистам и представителям мировой элиты, например тем, кто ежегодно собирается на мировом экономическом форуме в Давосе. Всегда можно сослаться на то, что любая гражданственность подразумевает гарантию исполнения обязанностей, а также участие в процессе управления государством. Поскольку мировое правительство отсутствует как таковое, стало быть, и разговоры о мировом гражданстве и глобальной гражданственности — не более чем фантазия.

Несмотря на весь скептицизм, я постараюсь продемонстрировать, что глобальная гражданственность на деле возможна.

Суррогатные дебаты

Скептицизм по поводу понятия глобальной гражданственности неудивителен, потому что все разговоры, которые когда-либо велись по этой теме, оставляют желать более глубокого и качественного подхода. Чтобы избежать прошлых ошибок, я хочу сразу обговорить все спорные моменты нашей теории.

Первый камень преткновения был заложен любителями теории «мирово-

* Полный текст см. в книге: Hakan Altınay ed. *Global Civics: Responsibilities and Rights in an Interdependent World*. — Washington: Brookings Institution Press, 2011 (Глобальная гражданственность: Ответственность и права в независимом мире), в которую включены статьи следующих авторов: Бальвиц Арора, Мурат Бельге, Набил Фами, Джонатан Фантон, Давид Хельд, Андрей Кортунов, Иван Крестев, Тревор Мануэль, Рикардо Лагос, Томас Погге, Дани Родрик, Дингли Шен, Хавьер Солана и Тосун Терзиоглу. Это эссе представляет собой адаптированную версию глав 1 и 6 книги.

го заговора». Последователи этой идеи видят в каждой международной проблеме лазейку, которая позволит подобраться поближе к «федеральному мировому правительству». Они бы предпочли распределение благ через глобальные структуры, поскольку не верят в законность государств и, следовательно, в право государств давать гражданство и требовать от граждан взаимного исполнения условий общественного договора. При этом они довольно слепо верят в международные схемы сотрудничества, не обращая внимания на обоснованные

опасения, что многие государства, оказавшись участниками таких схем, передают свой суверенитет удручающе неадекватным международным институтам. Самое вероятное из негативных последствий состоит в росте недоверия к институту международного сотрудничества у людей, которые в принципе благосклонно относятся к возможности сотрудничества между государствами.

Другой подводный камень заложен последователями радикального космополитизма. Этот аргумент, выдвигаемый обычно небольшой, но влиятельной группой, исходит из морального осуждения заботы о собственной семье и близком круге больше, чем о всех остальных людях на земле. Они исходят из необходимости пожертвовать всем для достижения такого равновесия в мире, когда каждый человек будет находиться в равных благоприятных условиях. Есть верное описание подобных проповедников радикального космополитизма — озабоченные благопо-

лучием гипотетического человечества, они закрывают глаза на собственное несовершенство. В подобном подходе заложена некоторая моральная изворотливость, позволяющая им недооценивать тот факт, что современный капитализм улучшил уровень жизни

Проще разглагольствовать о бесчестности других, не имея и малейшего представления, как поступали бы они сами, изменись существующий порядок на более «честный». Циники разделились на разные группы и винят друг друга, чтобы оправдать свою позицию

миллиардов людей. Их не интересует то, что поучения редко приводят к результату. Как и последователи первой концепции, они настолько резки в суждениях, что ставят в тупик любого человека с рациональным подходом, который впоследствии будет склонен воздерживаться от любого разговора о глобальном сотрудничестве

Третий подводный камень — дело рук *the doomsday advocates*, проповедников грядущего конца света, разобщенной категории людей, которые верят, что завтра будет хуже, чем сегодня или вчера. Нередко их сценарии судного дня нацелены на мотивацию людей к действию, потому предполагают вероятность позитивного исхода при условии, если действие будет массовым и безотлагательным. Но в большинстве случаев они не осознают всей непродуктивности кликушества. Так же они не признают и прогресс, достигнутый человечеством благодаря поэтапным и последовательным проектам международного сотрудничества*. К тому же

* В книге «*The Globalization Paradox* (Norton, 2011) Дани Родрик приводит веские доказательства того, что грамотное глобальное управление — самый, если не единственный, разумный выбор.

Дуглас Гордон. Все и Навсегда (фрагмент). 2001

они забывают, что страх не является фактором мотивации для гигантской части человечества — молодых людей. Четвертый и последний подводный камень оставлен нам циничными реалистами, которые с готовностью ввязываются в спор, приводя в качестве аргумента факт, что жизнь вообще несправедлива по сути, и лучше каждому задумываться о собственном развитии, чем питать бесплодные иллюзии и участвовать в не приносящем никакого результата международном сотрудничестве.

Многие из таких циников живут в развитых индустриальных странах, у них все попытки международного сотрудничества вызывают подозрение, а любое государственное содействие — скептическое отношение. Недооценивая важность предупредительных действий, они не осознают цену издержек неиспользованных возможностей. В развитом мире люди с циничными взглядами в любой попытке реформировать международные организации видят заговор со стороны привилегированного меньшинства с целью упрочения своей власти. Проще разглагольствовать о бесчестности других, не имея и малейшего представления, как поступали бы они сами, изменись существующий порядок на более «честный». Циники разделились на разные группы и винят друг друга, чтобы оправдать свою позицию.

Потребность в компасе

Описанные нами подводные камни затрудняют саму попытку размышления о глобальной гражданственности. Людям довольно скоро будет почти невозможно сориентироваться в становящемся все более взаимозависимом мире, если мы не начнем задумываться

о новом глобальном общественном договоре. У нас нет оснований полагать, что взаимозависимость не продолжится или не усилится в ближайшем будущем. Уже сейчас многие замечают, что неспособны полностью контролировать свою жизнь, что в свою очередь рождает отчуждение, тревогу и негативную ответную реакцию. Выбор, перед которым стоит человечество, ни в коей мере не означает беспомощность человека перед могуществом государств, это проблема нового общественного договора. Чтобы не потеряться в изменчивом мире возрастающей взаимозависимости, людям нужен компас и моральный камертон.

Представьте, что вы ведете машину. Каждый день миллионы людей находятся внутри металлических конструкций весом в тонну, движущихся со скоростью 50 миль в час, проделывая это в невероятной близости друг от друга. Неловкое движение руля может посеять хаос и подвергнуть опасности жизнь людей, но мы продолжаем беззаботно двигаться вперед, потому что находимся в негласном товариществе с другими водителями и имеем разумное представление об их гипотетическом поведении в следующую секунду. Это теоретически снижает риск вождения, потому что все люди следуют одним и тем же правилам, имеют схожие привычки поведения на дороге и одинаковые представления о том, как управлять автомобилем.

Так же и в мире, где взаимозависимость возрастает в прогрессии, людям необходим свод правил, новый общественный договор, который мы готовы сознательно и ответственно принять. Мы должны задаться вопросом: как велика наша ответственность перед другими людьми и что должно включать в себя понятие глобальной гражданственности. В этом нам помогут два следующих размышления.

Человек, родившийся семимиллиардным

Первым мыслительным экспериментом, который ставит перед собой задачу описать концепцию глобальной гражданственности, может стать гипотетическое обращение к семимиллиардному жителю нашей планеты. В качестве ежедневного упражнения каждому из нас не повредило бы потратить пятнадцать минут на составление маленькой приветственной речи для нашего гипотетического семимиллиардного нового товарища по планете, где мы рассказали бы ему или ей о жизни здесь. Этот разговор, пусть и гипотетический, помог бы нам собрать воедино наши представления о глобальной ситуации в мире, к которой мы все, так или иначе, причастны. К тому же это направило бы нас на путь осознания ответственности перед будущими поколениями и друг перед другом, которая неминуемо ляжет на наши плечи. Это и есть глобальная гражданственность.

Начнем с того, что расскажем нашему новому товарищу, что продолжительность его жизни может превзойти 70 лет, что в два раза больше, чем еще какие-то сто лет назад. Мы должны будем рассказать о том, что в мире доходы и благосостояние распределяются очень неравномерно, и разрыв между ожидаемым качеством жизни и реальным склонен только увеличиваться. Мы не можем отрицать, что в распоряжении человечества сегодня находятся довольно эффективные инструменты здравоохранения, мы победили оспу и наверняка в течение нашей жизни будет положен конец малярии и полиомиелиту. На среднее образование приходится около 11 лет жизни, и в этой сфере диспропорция распределения ресурсов хоть и имеет

тенденцию уменьшаться, но по-прежнему выглядит угрожающе. Если это будет девочка, мы скажем ей, что мир все больше ценит гендерное равенство, поэтому ей повезет еще больше, чем ее маме или бабушке. Вдохновленные шансом быть первым, кто сообщает хорошие вести, мы можем с уверенностью сказать, что возможностям новоприбывшего в этот мир мог бы позавидовать любой император или тиран из мира прошлого. Что до информации и знаний, то через Google, JSTOR или Википедию доступ к ним будет совершенно беспрецедентным и несравнимым с тем, которым располагали энциклопедисты и ученые прошлого. Однако мы не сможем обойти вниманием существенные риски. В послужном списке цивилизации есть в том числе и чудовищный опыт геноцида, но, несмотря на осознание того, что этот страшный опыт никогда не должен повториться, случись нашему семимиллиардному товарищу столкнуться с геноцидом лицом к лицу, мы должны признать, что едва ли кто-то придет к нему на помощь. Нам придется объяснить новичку, что мировые военные державы не только бездействуют, вопреки своей обязанности защищать человеческие существа, но и препятствуют самоорганизации добровольцев.

Нам также придется рассказать новичку, что мы послужили причиной климатических изменений на планете, сначала по незнанию, а в последние 20 лет полностью осознавая как необратимость процесса, так и весь масштаб последствий. Для нас не секрет, что недооценено влияние использования углеводородов на окружающую среду и последующие поколения. На деле наше сегодняшнее благополучие обеспечивается за счет будущих поколений, потому что именно им придется

расплачиваться по полной за все, что мы после себя оставим. Пока мы изобретали планы, как остановить истощение озонового слоя, мы упустили момент, когда еще можно было помешать глобальным изменениям климата. И еще нам придется добавить, что в течение десятилетий двадцатого столетия мировые державы ставили на кон жизнь всего человечества, умножая ядерное оружие, и что никогда еще человечество не стояло так близко к ядерному холокосту. И хотя договору о нераспространении ядерного оружия уже 40 лет, мы до сих пор не осознаем всей важности полного ядерного разоружения.

Так, в попытке составить приветственную речь для нашего нового семимиллиардного товарища, мы неминуемо приходим к необходимости критического анализа и признания объективной ответственности, которая лежит на нас перед другими людьми и будущими поколениями, в чем и состоит суть глобальной гражданственности. Поступать с другими так, как бы мы хотели, чтобы поступали с нами, этот принцип и на сегодняшний день остается самым устойчивым критерием человечности.

Всемирный занавес неведения

Изучая предмет глобальной гражданственности, в следующем более конкретном мыслительном эксперименте мы должны рассмотреть проблему занавеса неведения. Это понятие ввел Джон

Ролз в своей книге «Теория справедливости». Ролз предлагает рассматривать понятие справедливости как объект норм процессуального права, так и «честности». Но если мы понимаем справедливость как честность, то организующие общество принципы долж-

Наше сегодняшнее благополучие обеспечивается за счет будущих поколений, потому что именно им придется расплачиваться по полной за все, что мы после себя оставим

ны основываться, очевидно, на изначальном всеобщем равенстве, как и принципы социального взаимодействия и управления. А это значит — подразумевается незнание индивидуумом своего места в обществе и своей социальной принадлежности или того, какими он наделен природными дарованиями или общественными благами. То есть, иначе говоря, когда принципы справедливости определяются за «занавесом неведения», такой подход исключает преимущества одних перед другими в каких бы то ни было обстоятельствах. Хотя в гипотезе Ролза угадывается кантианская концепция, можно возразить, что большинство философских и религиозных традиций основано на схожих установках. Максима, согласно которой мы ждем от других симметричного отношения к себе в сопоставимых ситуациях, является одновременно и простым высказыванием и, возможно, одной из самых радикальных теорий в истории существования человечества*.

* Существуют и другие работы Ролза и его последователей на эту тему. Я считаю методологию Ролза в «Теории справедливости» более интересной, чем в другой, более поздней его работе «Право народов».

Маурицио Каттелан. Не бояться любви. 2000

Рассмотрим мир за занавесом неведения. Для решения каких проблем мы установим в этом случае правила и принципы (находясь за занавесом неведения), а какие проблемы оставим для пристального рассмотрения? Что-то подсказывает мне, что мы решимся на установление правил только относительно вещей, не вызывающих у нас ни малейшего сомнения, в отличие от всех жизненно важных вопросов. Очевидно, что благосостояние не может быть распределено через глобальные структуры. Невозможно обеспечить счастливую жизнь, распределяя составляющие благосостояния через глобальные структуры, потому что понятие счастливой жизни включает еще и товарищество, дружбу, семью и любовь. Таким образом, всеобщие правила, которые могут быть приняты за занавесом неведения должны быть минимальными. И более того, эти новые регулирующие правила в идеале приведут к замещению собой большого сектора политики. Хотя, разумеется, большая часть проблем будет при этом решаться на региональном или национальном политическом уровне. Но условно принятые правила могут помочь нам сформулировать те исключительные вопросы, которые мы могли бы решать без привлечения политики, и одновременно это даст нам понимание основных вопросов, которые могут быть включены в сферу интересов глобальной гражданственности. Представим себе, что мы находимся за занавесом неведения, а именно закладываем основы глобальной граждан-

ственности. Мы неминуемо зададимся вопросом, каким мы хотели бы тогда видеть мир — управляемым всемирным правительством, мир как федерацию или же выберем мир, как совокупность стран-государств, готовых к сотрудничеству? Начиная с Канта и до возникновения Всемирного федералистского движения, многие приходили к идее мирового парламента. Однако, видя всю подноготную процессов (находясь за занавесом), мы были бы поражены тем, насколько непопулярным оказалось всемирное федералистское движение и, напротив, насколько способны выдерживать испытания на прочность сообщества людей, говорящих на одном языке и проживающих на одной территории с единой историей. Будет довольно естественно, если наш выбор падет при этом на содружество стран-государств как на самую устойчивую из существующих форм, и мы будем питать искреннюю надежду, что эти страны будут более склонны к сотрудничеству, чем сегодня. Даже отбросив саму идею занавеса, судя по результатам глобальных опросов общественного мнения, очевидно, что в странах, приверженных односторонним действиям, таких как Китай, Индия или США, население склонно в большей мере поддерживать действия таких организаций, как ООН или ВТО, даже если эти действия направлены против интересов их собственной страны*. Следующий существенный вопрос: устраивает ли людей капитализм как система производства и перераспре-

* См., в частности, данные исследования 2007 года «Мировая общественность благовоит глобализации и торговле, но предпочитает защитить окружающую среду и сохранить рабочие места», проведенного Центром изучения общественного мнения при Университете Мэриленда. Большинство китайцев, индийцев и американцев поддерживают решения ООН о применении военной силы в случаях грубых нарушений прав человека, таких как геноцид. www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/btglobalizationtradera/349.php?nid=&id=&pnt=349&lb=btgl.

деления благ? Начиная с луддитов и заканчивая первым Всемирным социальным форумом в Порту-Алегри, различные антикапиталистические группировки продвигали идею о том, что капитализм разрушает больше, чем создает, а также приводит к массовому неравенству и лишает людей человеческого достоинства. Однако за последние два столетия уровень материального благосостояния людей возрос беспрецедентно. Естественно, что в глаза бросается при этом существующее в мире неравенство: два процента населения планеты владеют более чем половиной глобальной экономики*. Понятно, что резкий рост неравенства доходов — это результат раннего процесса индустриализации Запада и его последствий в период с 1820 по 1950 год**. Неравенство доходов, хоть и достигло высокого значения, но с 1950 года оставалось стабильным, несмотря на общее ощущение, что на мировом уровне рост неравенства продолжался и в последние десятилетия. Возрастающая коммуникация и осведомленность могут лишь отчасти объяснить несоответствие между общим ощущением неравенства и результата-

ми исследований. Пока уровень неравенства доходов оставался стабильным в течение последних 50 лет, мы знаем, что во всем мире ситуация с неравенством и несоответствием ожиданий реальному качеству жизни все же плавно улучшалась. Среднестатистический человек сегодня имеет гораздо больше возможностей, чем во времена Чингисхана или Наполеона.

При прочих равных условиях и несмотря на масштаб неравенства доходов капиталистический строй выглядит как оптимальный с точки зрения предоставленных человеку возможностей. При этом не стоит, конечно, сбрасывать со счетов несовершенство капиталистической системы и необходимость продолжать работать над уменьшением неравенства. Естественную озабоченность вызывает в этой связи высокомерие, присущее верхушке общества в капиталистической пирамиде, но и эту проблему, на мой взгляд, проще и эффективнее решать с помощью активистов и политиков, чем посредством любого нормативного ограничения.

*Перевод с английского
Инны Березкиной*

* См.: James B. Davies and others. *The World Distribution of Household Wealth (Мировое перераспределение бытового благосостояния)* // Discussion Paper, World Institute for Development Economics Research, United Nations University, 2008 (www.wider.unu.edu/stc/repec/pdfs/rp2008/dp2008-03.pdf).

В этом же исследовании дается оценка коэффициента Джини в размере 0.892. *The Boston Consulting Group's Global Wealth 2010 report* (В докладе говорится, что 0,1 процента всего мирового хозяйства владеет 21 процентом мирового благосостояния, а 0,8 процента от мирового хозяйства принадлежат 38 процентам всех мировых активов.) См. также: Jorge Bescerra and others. *Global Wealth 2010. Regaining Lost Ground: Resurgent Markets and New Opportunities (Мировое благосостояние 2010. Восстанавливаясь в прежних позициях: возрождающиеся рынки и новые возможности)*. // Boston Consulting Group, June 2010; Branko Milanovic. *Global Income Inequality: What It Is and Why It Matters (Глобальное неравенство доходов: что это значит и почему это имеет значение)* // Working Paper, UN Department of Economic and Social Affairs, 2006 (www.un.org/esa/desa/papers/2006/wp26_2006.pdf). In «Global Civics» Тревор Мануэль задает вопрос, существует ли вообще такой уровень неравенства, который общество было бы готово принять, p. 65.

** См.: *World Inequality in Historical Perspective* // In: Branko Milanovic. *Worlds Apart: Measuring International Global Inequality*. — Princeton University Press, 2005. — P. 142.

«Негативная демократия» и выборы в России

1

Одним из парадоксов зимних митинговых протестов в России стало то, что они проходили по несущественному, в общем, поводу. Десятки тысяч людей вышли на улицы российских городов, протестуя против нечестного избрания Государственной думы, которая в конституционной системе России *почти ничего и не решает*. Действительно, в условиях выборной монархии, санкционированной Конституцией 1993 года, распределение голосов в нижней палате не имеет большого значения: наши депутаты даже не назначают министров. Тем не менее фальсификации, которые, по идее, за минувшее десятилетие уже могли бы стать привычными, вдруг вызвали взрыв общественного негодования. Объясняется это, конечно же, уникальностью парламентских выборов 2011 года, обусловленной тем, что от президентских выборов 2012 года их отделяли всего лишь три месяца.

Именно важность президентского избрания — а стране в очередной раз предстояло выбрать правителя с *почти неограниченными полномочиями* — своим отраженным светом драматизировала парламентские выборы, запустив маховик социального протеста. В тех случаях, когда политическая система покоится не на нескольких опорах, а всего лишь на одной, выборы всегда превращаются в нервотрепку, причем не только для тех, кого избирают, но и для многих избирателей. Но, как мне кажется, и с этим нервным напряжением, вытекающим из несовместимости почти монархической власти с электоральными процедурами, российское общество вполне справилось бы, если бы не важный нюанс. Чуть раньше, в ходе осеннего съезда партии «Единая Россия», населению было объявлено, что весной будущего года президент и премьер-министр поме-

Андрей Захаров,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас:
дебаты о политике и
культуре»

няются местами. Многим нашим согражданам показалось тогда, что такой подход не только не современен, но и не согласуется с самими азами демократии.

2

Но давайте задумаемся: действительно ли демократический порядок запрещает первым лицам государства меняться должностями? Есть ли в этом какое-либо отступление от демократической процедуры? Может быть, напротив, в такой инициативе содержится некий глубокий смысл, не подтачивающий, а укрепляющий демократическую систему? В принципе, рокировки в верхах, предполагающие временный отход правителя от дел и передачу властных регалий местоблюстителю, явление в истории человечества далеко не новое. В замечательном исследовании Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь», написанном в 1923 году и посвященном первобытной культуре, есть глава под названием «Временные цари». Английский этнограф объясняет: первобытные народы, ревностно заботящиеся о носителе верховной власти, старались не допускать, чтобы он старел. Ветшание для вождя было категорически противопоказанным, поскольку старый лидер — это слабый лидер, а слабый лидер — это несчастье для подданных, ибо он не в состоянии эффективно защищать их. В связи с этим в архаичных обществах *сама возможность старения вождя пресекалась в корне*, как сообщает Фрэзер, воспроизводя логику «дикарей-примитивов», «существует единственный способ предотвратить эту опасность. При появлении первых признаков упадка сил богочеловека следует придать смерти и перенести его душу в тело сильного преемника»*.

Во многих традиционных обществах именно так и поступали, причем соответствующая норма закреплялась законодательно. К счастью, по мере смягчения нравов не слишком приятный для властителей обычай модифицировался. Его исправил институт так называемого временного царя. Тот же Фрэзер рассказывает, как это установление функционировало: «Царь ежегодно на короткий промежуток времени отрекается от престола, и его место занимает номинальный суверен». «В конце непродолжительного времени последнего уже не убивают»**, — многозначительно добавляет ученый. Причем подчеркивается, что к такому правителю переходили в первую очередь жреческие и магические функции его прототипа, в то время как к делам более серьезным — в особенности к собственности и деньгам — его просили не прикасаться. Через непродолжительное время суррогатный правитель уходит, уступая трон настоящему властелину. Соответственно, подлинный владыка возвращается к власти, но уже другим, обновленным, свежим человеком. Он стряхнул косность и инерцию, а они ведь накапливаются, когда работаешь, как раб на галерах. Тем самым под-

* Фрэзер Д. Д. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. — М.: Политиздат, 1983. — С. 254.

** Там же, с. 270.

данным предлагалась качественно иная система власти, хотя и с той же первой скрипкой: после исполнения ритуала с суррогатным властителем старый — новый царь получал все основания заявить, что он уже совсем не тот, каким был вчера и позавчера.

Бывает ли что-то подобное в наши дни? Да, конечно. В Нигерии такой «временный царь», назначенный в 2007 году собиравшимся отдохнуть президентом Обасанджо, взбунтовался и отказался уходить. Но это явно не российский случай, хотя схема преемничества использовалась аналогичная. Особо самоуверенные правители, которым кажется, что они в реновации не слишком нуждаются, пытаются вообще обойтись без временного местоблюстителя, несмотря на то, что это грубое оскорбление базовых

Институциональное недоверие к власти решает важнейшую социальную задачу: общество, оказывающее с его помощью неослабное давление на политиков, добивается того, чтобы они выполняли взятые на себя обязательства и вели себя более или менее пристойно

принципов современной власти, по природе своей время от времени требующей обновления. Например, подобной линии пытался придерживаться, потерпев при этом закономерную неудачу, восьмидесятипятилетний сенегальский президент Абдулай Вад, недавно громко проваливший попытку избрания на третий срок. Впервые, напомню, он был избран в 2000 году на семь лет. Через год, в 2001 году, Сенегал принял новую конституцию, которая ограничивала срок президентского мандата пятилетием и запрещала одному и тому же деятелю занимать пост президента более двух раз. В свете сложившейся ситуации Вад организовал следующую многоходовую комбинацию: добившись повторного избрания в 2007 году, он на следующий год продал через парламент новый закон, восстанавливающий семилетнюю продолжительность президентского мандата, и одновременно объявил о своем намерении участвовать в выборах 2012 года. Согласно конституции 2001 года, его третье избрание должно было рассматриваться как второе. Правда, как я сказал, в итоге ничего не получилось: во многом, вероятно, из-за того, что Вад, настаивавший на своей незаменимости, решил обойтись без суррогатного президента, готового подхватить власть на время.

3

Беда, правда, в том, что такая легитимация не слишком подходит для современных обществ. В них всегда найдутся сердитые граждане, которые скажут, что институт преемничества означает девальвацию института выборов, ведь, назначая преемника, власти *не сомневаются*, что их выбор будет санкционирован избирателями, которым остается лишь утвердить принятое в верхах решение. Но в то же время на руку субъек-

Майк Келли. Вечный круг. 1985

ктам системы преемничества играет то, что с процедурной точки зрения предъявлять претензии к таким сценариям весьма сложно: теоретически формальные требования демократии здесь могут быть соблюдены безупречно. Толпы наблюдателей, видеокамеры, беспристрастный подсчет — гарантируя права преемника, власть готова идти на все это, провозглашая, что определенный ею кандидат будет избран честно. В России, однако, планируемая операция обрела особую сложность — сложность психологического плана. Осенью 2011 года элек-

торату было объявлено *не просто о новом преемнике, а о преемнике преемника*. Причем им оказывался политик, который в свое время сам был назначенцем уходящего президента Ельцина, а потом определил такого же назначенца и для себя самого, тем самым вновь превратившись в преемника. Эта диалектическая триада — преемник, назначающий себе преемника, который делает его своим преемником, еще более усложнялась намеками уходящего местоблюстителя, согласно которым и он не исключает — когда, разумеется, подойдет время — своего нового появления в президентском кресле.

В итоге невероятный хоровод двойного и тройного преемничества даже при соблюдении всех демократических условностей не оставлял места для волеизъявления граждан, ибо институт временного царя тем и хорош, что позволяет предсказывать политическое будущее. Демократия же, как известно, есть игра с результатом, обычно непредсказуемым заранее, — и как раз этим она, в глазах многих, плоха. Именно это противоречие и огорчило миллионы российских избирателей, которым показалось, что демократическая процедура, с одной стороны, и сам дух демократии, с другой стороны, слишком далеко разошлись друг с другом. Иначе говоря, рокировки, подобные российской комбинации, по-прежнему возможны. Но легитимно санкционировать их становится все труднее.

Но что, собственно, формально оправдывает такие политические фокусы? Ответ очевиден: их допускает демократическая процедура. Если под демократией понимать классический принцип «один человек — один голос», то возражать вообще не приходится: главное, чтобы за назначенного преемника свободно и добровольно было подано большинство голосов. Люди, однако, возражают, причем не только в России, но и в других местах. Революция, до сих пор сотрясающая Египет, началась, между прочим, с того, что Хосни Мубарак все чаще представлял египтянам своего сына в качестве будущего президента. И вообще, подмена конкурентных выборов назначением преемника, довольно часто наблюдаемая в молодых или неконсолидированных демократических режимах, одно из типичных проявлений *кризиса* современной демократии, причем такого *кризиса*, который сказывается не только на России.

В то время как демократия как таковая в нынешнем столетии рассматривается в качестве непоколебимого идеала, реализующие ее демократические режимы повсеместно подвергаются жесткой критике. Люди фундаментально *не доверяют* политическим лидерам и институтам вообще: этот феномен пристально исследуется общественными науками на протяжении уже четверти века. В отношении современной демократии говорят о кризисе, болезни, надломе, упадке. В основном этот феномен объясняют уходом индивида в частную сферу: по мере того как современные и постсовременные люди все больше сторонятся политики, их лидеры, мол, делаются все более безответственными. Но так ли это? Действительно ли мы имеем дело с деградацией демократии? Или она просто приобретает новую форму?

Система демократического представительства, лежащая в основе

современного государства, пытается связать вместе *легитимность* и *доверие**. Легитимность есть строго юридический феномен, проистекающий из правильно проведенного голосования. А вот доверие — феномен более сложный, это своего рода *невидимый институт*, расширяющий легитимность за пределы правовых рамок и сообщающий ей моральное измерение. Пропасть между легитимностью и доверием составляла главнейшую проблему в истории демократии. Причем наличие ее всегда было скорее правилом, чем исключением: легитимной власти слишком часто не доверяют. Как демократии на протяжении своей истории защищались от подобной напасти? Это делалось двумя способами. С одной стороны, они оттачивали и шлифовали процедурную легитимность, проводя выборы более часто, а также используя формы прямой демократии, например референдумы, для ограничения деятельности выборных лиц. С другой стороны, эрозия доверия к власти компенсировалась тем, что недоверию придавались институциональные и все более организованные формы.

Пожалуйста, обратите на это внимание: в развитых демократиях недоверие к власти превратилось в самый настоящий *политический институт*. Более того, оно стало неотъемлемым элементом политической системы: не доверять власти — это отнюдь не преходящая сезонная мода, но самый настоящий устойчивый тренд. Институциональное недоверие решает важнейшую социальную задачу: общество, оказывающее с его помощью неослабное давление на политиков, добивается того, чтобы они выполняли взятые на себя обязательства и вели себя более или менее пристойно. Демократическое недоверие, таким образом, — не дефект, а норма. Оно выливается в три организационные формы, которые французский социолог Пьер Розанваллон объединяет термином «*негативная демократия*», или «*контрдемократия*». Что же такое контрдемократия? Во-первых, это организованный надзор общества над властью. Во-вторых, это механизмы, позволяющие обществу предотвращать нежелательные решения власти. В-третьих, это вынесение обществом независимых оценок и суждений касательно власти. Контрдемократия, поясняет он, не есть альтернатива демократии: это система, в которой обычное электоральное представительство дополняется институциональными механизмами и инструментами недоверия, не встроенными в государственную машину, а находящимися за ее пределами.

4

В итоге народовластие все чаще проявляет себя не только прямо, но и косвенно — путем реакций, которые нельзя назвать политическими в полном смысле слова. Иными словами, в демократических государствах народ превращается в контролера, держателя вето, судью. Вооружившись этими соображениями, стоит вновь вернуться к про-

* *Нижеследующие рассуждения основываются на идеях, которые предложил французский социолог и политолог Пьер Розанваллон. См. его работу: Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.*

Сэм Тейлор-Вуд. Стул Брэма Стокера II. 2005

блеме гражданской пассивности, поразившей, как принято считать, многие демократии. Если пользоваться описанной контрдемократической перспективой, то вопрос политического участия предстает перед нами в новом свете. Да, невозможно спорить с тем, что доверие граждан к политическим институтам, как и явка на выборы, повсеместно снижаются. Вместе с тем количество людей, участвующих в массовых акциях протеста, начиная от демонстраций и кончая подписанием петиций, растет. Политические партии увядают, а гражданских ассоциаций становится все больше. Разумеется, голосование по-прежнему остается наиболее видимым выражением гражданственности. Но идея гражданского участия многослойна: она включает в себя по меньшей мере три элемента взаимодействия народа с политикой — экспрессию, вовлечение, вмешательство. Времена, когда на первом месте стояло голосование, уходят в прошлое, подчеркивает Розанваллон.

Сказанное означает, что нынешняя проблема не в том, будто граждане становятся пассивными, — они делаются не пассивными, а *неполитичными*, а это выражается в постоянно расширяющейся дистанции между гражданским обществом и политическими институтами. На наших глазах происходит становление «контрполитики», в рамках которой завоевание власти перестает быть приоритетом для оппонентов правящего режима. Власть как таковая их теперь не слишком интересует, им доста-

точно контролировать ее, подвергать ее действия мониторингу, ограничивать ее в случае необходимости. Это вполне демократическая, но явно неполитическая активность. И в основе этой активности лежит недоверие к власти — один из принципиальных элементов демократии. Обрисованный выше инструментарий позволяет мне вернуться к теме российских выборов. Прежде всего, должны ли мы удивляться тому, что Путин снова стал президентом? Нет, ибо такой исход был прогнозируемым и несомненным — иных вариантов на данном этапе не было. Но при этом столь же очевидно и другое: теперь ему придется руководить иным обществом — системой с ярко выраженными контрдемократическими чертами. Вызревание этого феномена стало главным событием электорального сезона 2011–2012 годов.

Главной особенностью нового пейзажа можно считать девальвацию столь перевозносимой на протяжении многих лет «стабильности». Что произошло с ней? Идея стабильности утратила ценность, поскольку за это время в стране выросло поколение, которое стабильность не слишком ценит, ибо не знает, с чем ее можно сравнить. Оно не боится неустойчивости и динамизма, связывая их с обновлением. Прослойка молодых россиян, ассоциирующих себя с ценностями постмодерна, исчерпала возможности своего развития при нынешнем режиме: ей некуда больше расти, ибо наиболее лакомые ниши уже заняты. Эти люди, которых становится все больше, не интересуются *властью как таковой* — они не собираются за нее бороться, с равным скепсисом относясь как к режиму, так и к оппозиционным лидерам. Многие из них убеждены, что в стране просто нет настоящей политической оппозиции, поскольку неизжитая травма 1993 года накрепко сплавила нынешних лидеров с их оппонентами. Но у этого слоя тем не менее складывается четко оформленный перечень претензий к власти — и они выходят на улицы, пытаясь объяснить власти, что эти требования надо соблюдать. Понятно, что для успокоения протестной волны президентские выборы нужно было выигрывать в первом туре. Но, продавливая победу посредством одного тура, режим усложнял себе жизнь на будущее. Не вызывает сомнения то, что его легитимность была бы гораздо крепче, если бы голосование проходило в два тура. В ходе парламентских выборов общество имело возможность убедиться в том, что в стране создана и функционирует гигантская машина искажения народного волеизъявления. К президентским выборам этот агрегат никуда не делся, а во главе его оставался прежний руководитель. Конечно, видеокамеры повесили, но осадок, как в анекдоте, остался. Следующая версия Путина будет страдать от этого пятнышка на своем светлом лице. В свою очередь, поставленная под сомнение легитимность подрывает силу президента. Между тем наш победитель привык играть роль «сильного лидера», которая не подходит для спектакля, где декорации более не подчиняются режиссеру. В связи с этим есть большая опасность того, что Путин будет не в полной мере адекватен запросам и вызовам, стоящим перед страной. А это, несомненно, усилит недовольство, а вместе с ним и оформляющийся тренд «негативной демократии».

Местное самоуправление – основа демократии

*Матти Анттонен,
посол Финляндии в РФ*

В любой стране государственная политика определяет основные направления законодательства и правоприменительной практики. При этом трудно представить себе дееспособную местную демократию, если мнения граждан не учитываются при принятии решений на государственном уровне. Следовательно, эффективность политики государства напрямую зависит от того, насколько успешно местная специфика учитывается при принятии решений и в какой степени граждане имеют возможность влиять на общие дела. Возможно, именно из-за потребности решать вопросы на местном и региональном уровнях многие страны с большой численностью населения или с большой территорией организованы как федеративные государства. Например, Индия, Бразилия, Мексика, Россия, Германия, Канада.

Остановлюсь на наиболее важных моментах развития и структуры местного самоуправления в Финляндии, а также на его значении для финской демократии. По сравнению с Российской Федерацией Финляндия совсем небольшая страна: численность ее населения — 5 миллионов 300 тысяч человек. У нас местное самоуправление осуществляется муниципалитетами, и между ними и государством не существует других уровней управления, наделенных правом налогообложения или имеющих законодательные органы, избираемые путем прямых выборов.

Начало формирования муниципальной системы в Финляндии

Первые органы местного самоуправления Финляндии возникли еще в период шведского господства. Тогда в городах существовали советы, которые занимались городскими делами. В сельской местности

Франц Вест. Инсталляция. 2002

были структуры для отправления правосудия, рекрутирования солдат и призрения бедных; местные налоги тогда полностью отсутствовали.

Основа действующей сегодня модели местного самоуправления была заложена в период российского правления в результате реформ Александра II середины XIX века. Нынешняя система муниципалитетов возникла в 1865 году, когда финляндским сеймом был издан закон, отделявший лютеранские приходы от административных общин. С этого времени сфера деятельности общин начала постепенно расширяться. В стране стали открываться народные школы, которые содержались либо государством, либо частными обществами вспомоществования. Общины начали заботиться о здоровье жителей и нанимать коммунальных врачей. В городах и сельской местности стали возникать коммунальные больницы. К началу XX века их насчитывалось около 20.

Некоторые города основали также энергетические компании. Например, Хельсинкская энергетическая компания отмечает в этом году 104-ю годовщину своего основания. Стали возникать и коммунальные пожарные службы. В некоторых городах телефонные компании также находились в коммунальном ведении.

Муниципальная демократия

На первом этапе право голоса на коммунальных выборах зависело от доходов. В конце XIX века в городах только 20% жителей обладало таким правом. Кроме того, состоятельные люди имели большее количество голосов, чем бедные.

После Японской войны в 1906 году в Великом княжестве Финляндском сеймом был принят новый устав, пре-

дусматривающий введение однопалатного парламента и всеобщего и равного избирательного права, — кстати, раньше, чем в других странах Европы. В следующем году, в марте, в парламент было избрано 19 женщин, также впервые в Европе. Учрежденный парламент немедленно начал подготовительную работу для расширения права участия граждан в коммунальных выборах. Однако управлявший княжеством Императорский финляндский сенат резко возразил против этой инициативы, и она потерпела окончательный крах в 1914 году, когда император Николай II отказался утвердить новый закон.

После падения царской власти осенью 1917 года финский парламент утвердил новые законы о коммунальном самоуправлении, которые установили всеобщее и равное избирательное право как для мужчин, так и для женщин. В соответствии с этим законом осенью 1918 года были проведены первые коммунальные выборы.

В 20-х годах в городах была введена должность мэра и учреждены городские органы управления для исполнения решений советов городских уполномоченных. В сельских коммунах аналогичные реформы были проведены только после Второй мировой войны.

Муниципальный совет является законодательным органом муниципалитета. Число членов муниципального совета зависит от численности населения территории. На территориях с населением менее двух тысяч жителей совет состоит из 13 членов. Советы крупных муниципалитетов больше по численности. Наибольшее количество членов муниципального совета имеет Хельсинки — 85 человек.

Срок полномочий муниципального совета — 4 года. Выборы проводятся по пропорциональной системе. Право вы-

движения кандидатов принадлежит политическим партиям и объединениям избирателей, состоящим не менее чем из 10 членов. Подавляющее большинство депутатов муниципальных советов избирается по партийным спискам. При этом правом голоса на выборах обладают все граждане Финляндии, стран — членов Европейского союза и Скандинавских стран, а также граждане других стран, проживающие на территории муниципалитета не менее двух лет.

Таким образом, поощряется участие граждан других стран, постоянно проживающих в Финляндии, в демократических процессах в надежде на то, что они, получив гражданство, будут принимать участие и в общенациональных выборах. В муниципальных советах пока мало представителей иммигрантов, но полагаю, что их число увеличится после очередных выборов, которые состоятся в октябре 2012 года. (При этом помечу: в Финляндии живет около 50–60 тыс. человек, говорящих на русском языке. Из них граждан России около 20 тысяч.)

Главной ежегодной задачей муниципального совета является учреждение муниципального бюджета. Совет также принимает решения, касающиеся градостроительного планирования, тарифов муниципальных учреждений и назначения на должность руководящих муниципальных служащих, таких как мэр города или глава муниципальной администрации.

Текущей деятельностью муниципалитета руководит муниципальное правление, назначаемое муниципальным советом пропорционально раскладу сил в самом совете. Работой муниципальных служащих руководит профессиональный руководитель, то есть мэр города или глава муниципальной администрации.

Муниципальная политика имеет большое значение как школа демократии.

По состоянию на любой момент времени в муниципальных советах состоят более 10 тысяч человек. Помимо этого, десятки тысяч принимают участие в работе муниципалитетов в качестве членов муниципальных комиссий на разных уровнях. В университете города Тампере есть специальный факультет, где обучают руководителей муниципалитетов. Поскольку очень важно, чтобы люди, которые работают в этом секторе и распоряжаются деньгами, были профессионалами.

Большинство политиков, добившихся успехов на национальном уровне, прошли отбор в муниципальной политике. Большинство депутатов парламента, включая нашего новоизбранного президента, также начинали свою карьеру в муниципальных советах и именно там осваивали правила демократической политики.

С момента обретения Финляндией независимости доля женщин в составе населения избирательного возраста (с 18 лет) была всегда больше, чем доля мужчин. На последних муниципальных выборах в 2008 году их избирательная активность тоже была выше. На этих выборах 40% кандидатов были женщины, но среди избранных членов советов их было чуть меньше — 37 процентов. Однако в больших городах доля женщин в муниципальных советах составляет примерно половину. В двух самых крупных городах — Хельсинки и Эспоо — чуть более половины городских депутатов — женщины. Можно ожидать, что по мере развития урбанизации положение женщин в муниципальной политике будет и далее укрепляться.

Укрупнение муниципалитетов, на мой взгляд, не является однозначно положительным фактором с точки зрения муниципальной демократии, так как явка избирателей значительно выше в

небольших муниципалитетах, где они лично знают кандидатов. В больших же городах успех кандидата на выборах в большей степени зависит от финансовых ресурсов для оплаты рекламы и проведения избирательной кампании. Это и является одной из причин, почему в больших городах обычно партии занимают монопольное положение при выдвижении кандидатов.

Обязанности муниципалитетов и их финансирование

Начиная с 1960-х годов, область деятельности муниципалитетов стала заметно расширяться и охватывать все новые сферы. Государство в это время поручает муниципалитетам новые задачи, а с другой стороны, и сами муниципалитеты принимают на себя новые функции.

В начале 90-х в Финляндии была проведена масштабная реформа муниципального управления, предоставившая муниципалитетам больше полномочий по расходованию денежных средств. И тем самым роль государства при финансировании их деятельности уменьшалась, были разработаны единые правила, регулирующие объем его участия в финансировании работы муниципалитетов.

Основные обязанности муниципалитетов связаны с социальным обеспечением, здравоохранением и образованием. При этом примерно половина муниципальных расходов приходится на социальное обеспечение и здравоохранение. На образование тратится немногим более 20% средств. Поскольку ресурсов отдельных муниципалитетов не хватает для обеспечения всех необходимых услуг, они могут создавать объединения, которые берут на себя, например, содержание больниц

или средних и высших профессиональных учебных заведений.

Муниципалитеты также играют большую роль в территориальном и городском планировании. Муниципальный совет определяет принципы планирования и отвода земельных участков и решает, где и что можно строить и каким может быть объем застройки на отдельно взятых участках.

К важным задачам муниципалитетов относится предоставление культурных услуг. В Финляндии десятки муниципальных театров и симфонических оркестров. Муниципалитетами построены конгресс-центры, театры и библиотеки. Многие из таких зданий стали значимыми памятниками архитектуры. Муниципалитеты занимаются и хозяйственной деятельностью. Они заботятся о сборе и переработке отходов. Большинство муниципалитетов также отвечает за водоснабжение на своих территориях. Как я уже отметил, многие муниципалитеты владеют собственными электрическими и тепловыми станциями.

Крупнейшие муниципалитеты имеют собственные предприятия общественного транспорта. Даже в тех случаях, когда муниципалитет не является собственником предприятия транспорта, он может субсидировать частные транспортные компании, чтобы обслуживание пассажиров оставалось рентабельным делом.

Финансирование работы муниципалитетов

Расходы муниципалитетов покрываются за счет местных налогов, продажи товаров и услуг (электричество, вода, тепло) и государственных субсидий. Структура доходной части бюджета зависит от количества проживающих на

Урс Фишер. Место под названием Новосибирск. 2004

территории муниципалитета, но в среднем они получают половину доходов в виде налогов (муниципальный подоходный налог, налог на прибыль предприятий и налог на недвижимое имущество). Муниципальный подоходный налог является пропорциональным, то есть все жители муниципалитетов платят его по единой ставке, размер которой варьируется от 17 до 22% в зависимости от финансового состояния муниципалитета. Государственные субсидии составляют чуть меньше 20% доходов муниципального сектора. Для распределения государственных субсидий у нас существуют четкие и прозрачные правила. Это позволяет муниципалитетам достаточно точно прогнозировать размер будущих субсидий. Остальные доходы, то есть около 30%, обеспечиваются в основном за счет реализации производимых муниципальными предприятиями товаров и услуг.

Взаимоотношения муниципалитетов с государством регулируются законодательством. Например, государство не может изъять муниципальное имущество, не оплатив компенсацию по рыночной цене. Соответственно муниципалитеты должны платить по рыночной цене и за государственное имущество, которое они хотят получить. Например, земельные участки под строительство. Кстати, этот вопрос стал особенно актуальным в последние годы, когда вооруженные силы Финляндии начали закрывать гарнизоны в городах. У муниципалитетов есть своя организация, отстаивающая их интересы, — Ассоциация муниципалитетов Финляндии. Она также занимается информационно-консультационной деятельностью, например, помогая муниципалитетам справляться с возрастающей нагрузкой. Ассоциации предоставляется возможность высказывать свое мнение, когда на государст-

венном уровне идет подготовка проектов законов или подзаконных актов, затрагивающих сферу деятельности муниципалитетов. Это относится прежде всего к законодательным актам, касающимся образования, социального сектора и здравоохранения.

Если муниципалитет, как я уже сказал, слабый в экономическом смысле, то он получает поддержку со стороны государства. Каждый финн получает примерно одинаковое медицинское обслуживание и школьное образование. Разница между слоями населения и разными регионами страны у нас небольшая; между самым богатым и самым бедным регионом страны по уровню ВВП на душу населения она составляет 2 процента.

На службе муниципалитетов состоят около 430 тысяч человек, то есть пятая часть трудовых ресурсов страны. Муниципалитетами учреждена Организация муниципальных работодателей, которая отвечает за проведение переговоров с профсоюзами по заключению коллективных трудовых договоров. Типичными примерами профсоюзов, основные трудовые договоры которых заключены с муниципалитетами, являются профсоюзы учителей, врачей и медицинских сестер.

О пенсионном обеспечении муниципальных работников заботится муниципальный пенсионный фонд, который является одним из крупнейших финансовых учреждений в стране. Большая часть собираемых пенсионных взносов идет на оплату пенсий нынешним пенсионерам, но часть взносов остается в фонде, за счет этого муниципальный пенсионный фонд является крупным игроком на финансовых рынках. С целью диверсификации рисков существенная часть средств фонда инвестирована за рубежом. Муниципальный пенсионный фонд работает настолько

успешно, что с 2011 года ему было поручено и ведение пенсионных дел государственных служащих.

Двуязычная Финляндия

В деятельности муниципалитетов отражается и то обстоятельство, что в Финляндии два официальных языка — финский и шведский. При этом около 90% из нас говорит на родном финском языке, около 6% — по-шведски и около 5% на других языках. Наше законодательство о языках четко определяет, когда муниципалитет официально считается одноязычным, а когда — двуязычным.

Двуязычный статус реализуется, когда 8% или не менее 3 тысяч жителей муниципалитета говорят на втором языке. В этом случае основные услуги должны предоставляться на обоих языках, в том числе общеобразовательное обучение. На шведском языке можно учиться вплоть до высшей ступени. Так, в Хельсинском университете часть обучения ведется на шведском языке и в городе Турку работает полностью шведскоязычный университет — Академия Або. Представители народности саами (около 10 тысяч человек), живущие на самом севере Финляндии, также обладают специальными языковыми правами, в том числе правом на обучение на родном языке. Это положение касается только четырех муниципалитетов Крайнего Севера.

Характеристика развития местного самоуправления

В течение последних десятилетий число муниципалитетов существенно сократилось. Еще в 1960-х годах в Финляндии насчитывалось примерно 550 муниципалитетов, в настоящее

время их около 340. За этот же период численность населения страны увеличилась на миллион человек.

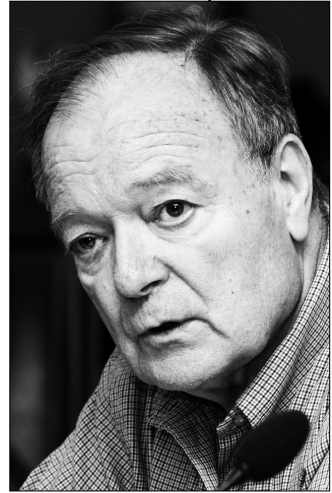
Сокращение числа муниципалитетов особенно стремительно происходит в течение последних 10 лет. На такую динамику повлияли расширение круга задач муниципалитетов и проблемы с финансированием их деятельности. Маленьким муниципалитетам приходится тратить на административные нужды относительно больше денег, чем крупным. С другой стороны, такие муниципалитеты легко обрастают бюрократией: к примеру, в столице Финляндии на муниципальной службе состоят около 40 тысяч работников.

В течение ближайших десятилетий Финляндии, как и другим промышленно развитым странам, придется решать сложные задачи демографического характера. Доля пожилых людей в населении растет, и вместе с ней растут расходы на медицинские услуги, не говоря уже о сокращении доли населения трудоспособного возраста, из-за чего рост налоговых поступлений замедляется. Поэтому муниципалитетам необходимо максимально повысить эффективность своей деятельности. Для этого существует несколько путей: первый — укрупнение муниципалитетов, второй — распространение передовых практик, третий — внедрение новых технологий. Это особенно существенно для сфер образования и медицины. Распределение обязанностей между государством и муниципалитетами также может быть уточнено и дублированные функции — сокращены. Но я уверен, что муниципальный сектор Финляндии справится с этими задачами, и будет, со своей стороны, способствовать тому, чтобы наша страна развивалась далее и оставалась местом, где всем финнам будет хорошо жить, вне зависимости от того, сколько им лет, какого они пола и на каком языке говорят.

Понятно, что без правовой системы в том или ином виде как регулятора общественных процессов трудно представить современное государство. Мы решили познакомить читателя с тем, как складывалась эта система, каковы ее источники, как соотносится формальное законодательство с фундаментальными представлениями человека о смысле жизни, то есть в конечном счете с религией и верой.

В публикуемой статье речь идет о центральных понятиях, лежащих в основе постоянно обновляющегося механизма взаимодействия универсальных ценностей и смыслов и конкретных норм и правил общественных отношений.

Человек между светским и божественным порядком

*Эрнст-Йорг фон Штудниц,
председатель
Германо-Российского форума*

Что такое право? Во всех языках имеется различие между правом и законом. При этом очевидно, что закон исходит от некоего законодателя, то есть создан человеком. О праве мы так просто сказать не можем. Да, мы говорим о праве той или иной страны, когда имеем в виду совокупность всех действующих правовых норм, которые включают в себя в том числе и законы. Но мне хотелось бы обратить внимание на важное различие между первоисточником права в целом и отличным от него человеческим источником законов. Чтобы пояснить, что я имею в виду, мне хотелось бы обратиться к судебной практике в английской правовой системе. В этой системе решения принимаются судьей в каждом отдельном случае на основе прецедента, то есть судья находит наиболее соответствующую случаю правовую норму в совокупности правовых норм, не закрепленных письменно. Это означает, что ответственность за правомочное решение во многом возлагается на предыдущего судью, который ранее стоял перед ситуацией правового выбора. Здесь мы добрались до очень важного момента: английский или американский судья постоянно *познает право*, которое изначально существует и должно быть адекватно применено судьей в конкретный момент разбирательства для вынесения справедливого решения. Такое право, которое исходит из природы человека и через человеческую деятельность, например деятельность судьи, переносится в людской мир, в юриспруденции называется

Пипилотти Рист. Статуя Свободы для Лондона. 2005

естественным правом в отличие от (чисто) юридического законодательного права. Извращение естественного права происходило в особенности в таких ситуациях, когда законодатели-диктаторы, к примеру нацисты, издавали законы, отвечавшие их целям и являвшиеся издевательством над правами человека. С формальной точки зрения приспешники национал-социалистической системы делали то, чего требовало от них национал-социалистическое право. Но в соответствии с надзаконными, моральными принципами их деятельность была преступной.

Есть утверждение, что «власть творит закон», но все-таки именно закон, а не право. Здесь следует отметить, что и судебное право основано на власти авторитета или государства, которое назначает судей. Когда люди подчиняются авторитету, они становятся членами иерархии, причем возникает вопрос, откуда берет начало эта иерархия. С исторической точки зрения здесь мы касаемся религиозной сферы, так как в древнем мире Египта и Месопотамии и даже некоторым образом вплоть до эпохи Римской империи и в дохристианскую эпоху в Европе «короли-жрецы» были судьями своих народов и племен. Жрецы были посредниками между людьми и божествами.

Итак, мы подошли к вопросу о том, что такое религия. Латинское слово *religare* означает связывать, соединять (человека с Богом). Религия создает иерархические отношения между человеком и божественной сущностью. Все три так называемые авраамические религии — иудаизм, христианство и ислам — признают это отношение человека к Богу.

Если понимать право как порядок, регулирующий совместную жизнь людей, то оно регулирует их отношения по горизонтали, которые, однако, основаны на иерархии. Евангелие так выражает это, отвечая на вопрос о наивысшей заповеди для человека: Иисус сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею...» (Матф. 22.37). Это первая и наивысшая заповедь. Вторая, подобная ей, гласит: «Возлюби ближнего своего как самого себя» (22.39). Заповедь любви к ближнему вытекает из того, что человек — дитя Божие, а если это так, то любовь к Господу требует, чтобы мы любили каждое его творение, то есть каждого отдельного человека.

Современный человек, свободный от религии, конечно же, спросит, действует ли этот принцип в отношении него? Может он задать и другой вопрос: как относиться сегодня к словам апостола Павла в его Послании к римлянам (Рим. 13.1). Ведь там сказано: «Всякая душа будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». Ужасы XX столетия, преступления тоталитарных режимов заставили многих людей усомниться в Боге. Для них нет больше созданного Богом права, так как, по их мнению, Бог, допустивший столько страданий и смертей, показал, что он несправедлив. Если для них больше не существует права, источником которого является божественное доверие к власти, возникает вопрос, чем тогда обосновать право среди людей.

В эпоху Просвещения французский философ Руссо видел основу права в договоре между людьми, так называемом общественном договоре. В соответствии с ним свободные люди сами устанавливают право, которому они хотят подчиняться. Конституции, которые народы создали для организации жизни, являются выражением этого основополагающего договора, отражая консенсус, признаваемый людьми. По своему характеру конституции являются законами в описанном выше смысле, так как они созданы людьми. Но здесь возникает еще один вопрос, касающийся источника, из которого проистекает такой правовой порядок. Обыкновенно конституции фиксируют права человека. В них говорится, что права человека приобретаются с момента рождения и являются неотъемлемыми. Тем самым мы снова обращаемся к божественному праву (человек — творение Господа). Здесь необходимо отметить следующее. Законы у римлян являлись собранными, предварительно записанными и обнародованными, чтобы показать гражданам Рима, что именно является действующим правом. Так стоявшее над людьми божественное право было превращено в записанное. По мере отдаления людей от божественного порядка они стали своевольно осуществлять право в форме законов. По этой причине право в форме законов является человеческим, а не божественным правом.

Когда в конституциях за человеком признаются прирожденные, неотъемлемые права, это является отражением секуляризированной христианской идеи о свободном человеке. Достоинство свободного человека является достоянием каждого, независимо от того, исповедует он христианство или нет. Из этого вытекает и универсальность прав человека. Если все люди равны, то не может быть так, что одни из них обладают правами человека, а другие — нет. Конечно же, тогда возникает вопрос, как можно осуществить права человека там, где над отдельным человеком стоит государство или большинство народа. Нацисты придерживались принципа: «Ты ничто, твой народ — все». В системе Организации Объединенных Наций существует неразрешенное противоречие между принципом невмешательства во внутренние дела, к которым относятся права отдельного человека, находящегося в своем государстве, с одной стороны, и универсальностью Декларации прав человека 1948 года, которую признают почти все страны — участницы ООН, с другой. Но это скорее проблема осуществления, нежели отрицания прав человека. Осуществление прав человека не имеет перспективы, если властвующий режим не желает ограничить свои полномочия и заставить учитывать права отдельных людей.

Право человека на свободу подразумевает также право на свободу вероисповедания. Здесь мы вступаем уже в современную сферу весьма возможного конфликта между отдельной личностью и религиозными общностями разного рода. Взять, например, ислам, который рассматривает отречение от ислама как преступление, которое может караться смертью. Христианские церкви также не свободны от притязаний на свою исключительность. Так, римско-католическая церковь рас-

смачивает себя как церковь, вне которой нет спасения, и ставит себя выше, чем другие христианские церкви. Русская Православная церковь рассматривает территорию бывшей царской России как эксклюзивную каноническую зону. Другие христианские церкви не могут привлекать своих адептов на этой территории. РПЦ добилась того, чтобы в России государственную поддержку могли получать только так называемые традиционные религии, а именно православие, ислам, буддизм и иудаизм. Католики и протестанты здесь «чужие».

Уместно задаться вопросом, по какому праву вообще церкви подчиняют себе верующих?

После объявления христианства государственной религией императором Константином в 325 году н.э. притязание на власть над верующими

приобрело государственную форму. Тот, кто не хотел подчиняться религиозным догматам, объявлялся еретиком и подвергался преследованиям. В своих претензиях на статус абсолютного христианские церкви схожи с исламом.

Но чем же является тогда христианская церковь, если лишить ее претензии на абсолютность? Христос использует образ виноградной лозы и ветвей (Иоан. 15.1,5), а Павел говорит: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы» (1 Кор. 6.15). Следовательно, церковь является не светской организацией, а единением христиан со Христом в метафизическом смысле слова. Без посредников. Именно такое ее восприятие реформаторами объясняет их отказ понимать традиционные церкви как институты. Когда, постулируя свободу христианина, они стали искать новое обоснование религии. Но характер разгоравшегося конфликта протестантов с католической церковью требовал защиты. Так возникла протестантская государственная церковь, например, в Германии и Скандинавских странах.

Сегодня все больше людей покидает традиционные церкви. Люди зачастую не понимают, как нужно жить в соответствии с религиозными заповедями, то есть встав путь воссоединения с Богом.

Мне хотелось бы дать личный ответ на встающий в этой связи вопрос. Евангелие указывает на индивидуальный путь. Лука описывает эту тропинку для Феофила в начале своего Евангелия; здесь подразумевается, как можно понять из имени (Феофил, греч. — боголюбимый, любезный Богу. — *ред.*), что каждый, кто хочет услышать благовест, исходящую свыше, друг Бога. То есть для этого необходимо личное усилие, согласно словам Иисуса в Евангелии от Марка: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мар. 1.15). Сегодняшнему человеку не очень

Когда в конституциях за человеком признаются прирожденные, неотъемлемые права, это является отражением христианской идеи о свободном человеке. Достоинство свободного человека является достоянием каждого, независимо от того, исповедует он христианство или нет

понятно, как применить эти слова. В немецком языке слово «покаяние» (Buße) родственно слову «улучшение». Между тем очевидно, что люди призываются к тому, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. Слова Евангелия нужно воспринимать буквально. То, что неподвластно пониманию в рамках человеческих понятий, нужно принять как чудо.

Если признать, что божественный мир обладает другими качествами, нежели наш, земной, мир, возникает вопрос: можно ли познать его? При ответе на этот вопрос, говоря об индивидуальном пути, я хотел бы обратить внимание на труды известного австрийского философа Рудольфа Штайнера (1861–1925). Если начать знакомство с его творчеством с книги «Как достигнуть познания высших миров?», вы получите путеводитель, с помощью которого можно по-новому прочитать и понять Евангелие. Апостол Павел в Первом послании к коринфянам (1 Кор. 2.11) говорит, что сущность Бога можно познать только с помощью духа Божия. Рудольф Штайнер поясняет эту мысль на примере слепого человека, который не может иметь представления о цветах. Но если бы он стал зрячим, то для него открылся бы и стал понятен мир красок. Так же обстоят дела и с реальностью высших миров, которая познается верой в силу духа.

Способность верить предполагает собственную активность человека. Человеку, который стремится к изменению взгляда на божественный мир, откроется милость Божия, которая примет его стремление. Таким образом, религия — это не просто дар милости, а всегда результат личных усилий человека. Одно невозможно без другого.

Но для чего вообще нужна религия? Разве нельзя жить без веры? Можно. Понятно, что необходим правовой порядок, регулирующий сосуществование людей, и то, что религию считают при этом частным делом, тоже понятно. Однако, если исходить из требования к людям жить мирно, в согласии с другими, как об этом говорится, например, в статье 2 Основного закона Федеративной Республики Германия («Каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственные нормы»), то встает вопрос о ценностях, которые лежат в основе человеческого сосуществования. Кстати, в статье 17 Конституции Российской Федерации выражается аналогичный принцип: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». В европейской традиции эти общественные ценности возникли на основе христианской традиции, но унаследованы нами в секуляризованной форме. И сегодня, когда моральные устои общества подорваны, в силу разных причин, было бы полезно возвращение к религии в том смысле, о котором я говорил. Это не значит, что религиозный путь — единственный путь передачи ценностей, но возможно, что это тот путь, который послужит для современного человека надежной направляющей линией его жизни, на которую он мог бы опереться.

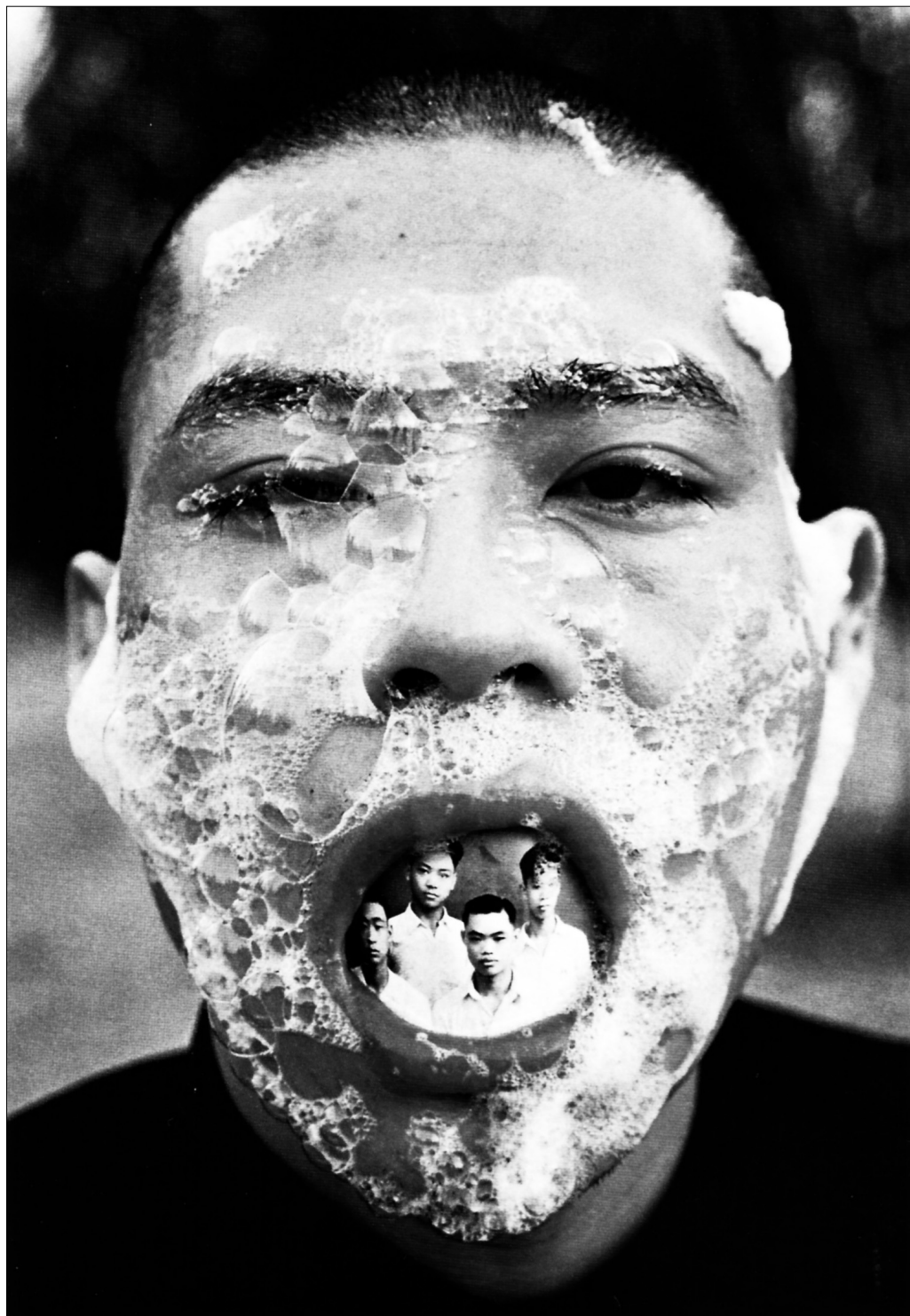
Дух свободы в несвободном обществе: опыт научного сообщества в дореволюционной России

*Дмитрий Горин,
доктор философских наук,
профессор кафедры теории
коммуникации СПбГУ*

Завершение 2011 года в России было примечательно событиями, которые нередко оцениваются как рождение гражданского общества. Успешные, образованные и энергичные люди, сторонившиеся еще несколько лет назад не только политической жизни, но и любого проявления гражданской активности, вышли на площади Москвы и многих российских городов с требованием честных выборов. Кажется, гражданское общество вдруг осознало свое единство и обрело свой голос. Но подобные процессы не происходят одновременно. Гражданские чувства невозможно заимствовать, их нельзя имитировать за деньги или проявлять по приказу «сверху». Единственная возможность обретения чувства гражданственности — это многолетнее культивирование его в своей внутренней культуре. Ретроспектива зарождения гражданского самосознания в культуре России сложна, прерывиста, но многообразна и интересна. Она наполнена не только разочарованиями, но и блистательными примерами, способными и сегодня вселить уверенность в победе свободы и ответственности над унижением и апатией.

В этой ретроспективе XIX век занимает особое место. Именно тогда в российском обществе оформились нравственно-психологические и общественно-политические предпосылки гражданской активности. Через сто лет после Петра I заложенная его преобразованиями имперская модель абсолютистской монархии обретала все более непривлекательные черты. Эта эволюция не могла не породить в обществе стремлений к освоению ценностей гражданских прав и свобод. Вся общественная жизнь в тот период стала результатом гражданского раскрепощения. Литературное творчество и музыка, публицистика и общественно-политическая мысль, наука и богословие преодолевали не только цензурные ограничения того времени, но и стойкие традиции и установки эпохи. В этих обстоятельствах одним из

Чжан Хуан. Пена. 1998

наиболее ярких эпизодов становления гражданского общества является формирование сообщества университетских ученых.

* * *

Открытие пространства личной свободы не происходит спонтанно, оно требует определенных усилий. Усилия эти могут выражаться в разных формах, в том числе в форме научной деятельности. По крайней мере в том смысле, в каком она понималась в культуре модерна. Развитие научной рациональности Макс Вебер определил как «расколдовывание» мира. Мир, представлявший в традиционных культурах как целостный и оберегаемый сокровенной тайной, под влиянием науки дифференцируется и рационализируется. Реальность подвергается аналитической разделенности, и каждое явление обретает логическую ясность и конкретные границы. Теории общественного договора и разделения властей лишают власть сакральности и ограничивают пространство ее влияния. По мере развития социальных и гуманитарных наук закрепляется представление о том, что религию можно отделить от политики, политику от экономики, а экономику от культуры. В этой разделенности на смену священной тайне приходит рациональная модель. И «расколдованную» реальность теперь можно не только моделировать, но и проектировать. Весь этот процесс невозможен без освобождения личности. Классическая наука основывается на идее свободы познающего субъекта. Она требует самостоятельности мышления. Под влиянием научной рациональности идея свободы неизбежно конкретизируется и из сферы познания проникает во все сферы общественной жизни.

Однако не следует забывать, что научная рациональность в ее классическом виде вызревала еще в средневековой Европе и напрямую была связана с эволюцией западного образа мысли, прошедшего через Ренессанс, Реформацию и Просвещение. В дореволюционной России идеалы Просвещения не могли быть укоренены в опыте, аналогичном европейскому. Реальность сохраняла здесь свою «заколдованную» самодержавную целостность. И хотя к XIX веку эта целостность дает явную трещину, полицейский режим Николая I из последних сил пытался поддержать веру в невозможность отделения самодержавия от православия, православия от народности, а народность — опять же от самодержавия. Опыт открытия свободы университетскими интеллектуалами в таких условиях представляется любопытным не только в плане особенностей России, но как пример поддержания целым сообществом общих ценностей, весьма специфичных на фоне доминирующей картины мира.

Образ профессора в России обретает узнаваемые черты во второй половине XIX века. К этому времени выходец из кружка профессора Грановского Александр Герцен создает целую галерею портретов российских ученых в «Былом и думах». Радикальный писатель Николай Чернышевский рисует с профессора Кавелина образ Рязанцева в «Прологе». Один из самых известных русских писателей Федор Достоевский воспроизводит черты профессора Грановского в образе Верховенского-старшего в «Бесах». На рубеже столетий и в первые десятилетия XX века образ профессора привлекает внимание многих известных писателей — от Антона Чехова до Леонида Андреева и Андрея Белого. Созданные Михаилом Булгаковым образы профессора Преображенского в «Собачьем сердце» и

профессора Персикова в «Роковых яйцах» сегодня стали хрестоматийными. А революционный поэт Владимир Маяковский даже вступает в прямую полемику с неким воображаемым профессором, в котором угадываются черты лидера российских либералов Павла Милюкова:

*Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.*

Откуда такое внимание к образу ученого в традиционной стране, не знавшей еще научно-технического прогресса? Если учесть, что в России профессура была настолько малочисленной группой, что в переписи 1869 года их объединили с музыкантами, библиотекарями и лаборантами*, а подавляющая часть населения не умела читать, то вряд ли причиной такого интереса можно считать лишь профессиональную деятельность университетских ученых.

Хотя первые университеты открываются в России в XVIII веке, только к концу первой четверти XIX века правительство решает на ряд мер по созданию системы подготовки российской профессуры. Важной частью этой системы стали поездки будущих профессоров в Европу. Это был поворотный момент в истории профессорского сообщества России. Именно с этого времени профессура оформляется в профессиональную группу и начинает осознавать свою особую идентичность, связывавшую ее с ценностями Просвещения. Вскоре в

Московском университете появляются молодые профессора, вернувшиеся из Европы. На историческом факультете это Т.Н. Грановский, А.И. Меньшиков, О.П. Бодянский, В.С. Печерин, Д.Л. Крюков, А.И. Чивилев; на юридическом — С.И. Баршев, В.Н. Лешков, П.Г. Редкин; на медицинском — Н.Б. Анке, А.В. Армфельд, Ф.И. Иноземцев, А.М. Филомафитский; на математическом — И.Т. Спасский, А.Н. Драшусов**.

Их появление значительно изменило обстановку. И последствия этих изменений имели значение далеко не только для развития университетов и наук. Служение науке прочно связывается теперь не только с ценностью знания, но прежде всего с идеалами гражданственности, нравственными нормами и поведенческими установками. «Наши профессора привезли с собою... горячую веру в науку и людей... они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии», — писал А.И. Герцен***. В чтениях Т.Н. Грановского наука становилась, по словам В.О. Ключевского, «учительницей жизни», а знание ценилось «как общественная сила»****.

Если в XVIII веке российских интеллектуалов привлекал прежде всего Париж, то в XIX веке, после 1830 года, Франция воспринималась как страна хронических революций и хаоса. Правительство России поездки туда не поощряло, а молодых профессоров направляли в Германию, которая вы-глядела вполне безобидно. Однако, как отмечал Исайя Берлин, «тайное франкофильство в Германии этой поры было настолько

* См.: Лейкина-Свирская В.Р. *Интеллигенция в России во второй половине XIX в.* — М., 1971. — С. 174–175.

** См.: Буслаев Ф.И. *Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников.* — М., 1989. — С. 220.

*** Герцен А.И. *Былое и думы.* — Минск, 1971. — С. 429.

**** Ключевский В.О. *Литературные портреты.* — М., 1991. — С. 200.

сильным, а просвещенные немцы отдавались идеям на сей раз французского Просвещения настолько горячее и самозабвеннее самих французов, что послушно отправлявшиеся в Германию юные русские Анахарсисы заражались опасными идеями куда серьезней, чем в старом Париже беззаботных лет Луи-Филиппа»*.

Развитие университетского образования в России хронологически почти совпадает с возрождением университетов в Европе. Наполеоновские войны привели в упадок многие мелкие немецкие города, исчезли и некоторые старые университеты. На этом удручающем фоне

все более и более заметную роль начинает играть Берлинский университет, основанный в 1810 году Прусским государством. В стенах университета преподавали Гегель, Шлейермахер, Нибуэр, Савиньи, Эйхгорн. Один из известных представителей немецкой классической философии Фихте в 1810 году становится первым избранным ректором университета. По аналогии с Берлинским университетом в 1818 году учреждается Боннский университет, призванный стать интеллектуальным центром для приобретенных Пруссией западных провинций. А чуть позже центром интеллектуальной свободы становится Йенский университет.

Первые десятилетия XIX века в Германии были временем формирования принципиально новой модели национального университета. Принципы этой модели были сформулированы Вильгельмом фон Гумбольдтом, который настаивал на университетской

автономии. Внутри этой автономии, по его мысли, должна быть создана атмосфера научной состязательности. Знаменитые лекции Фихте о назначении ученого отражают характерную идею о том, что наука помимо решения прагматических задач призвана откры-

Классическая наука основывается на идее свободы познающего субъекта. Она требует самостоятельности мышления. Под влиянием научной рациональности идея свободы неизбежно конкретизируется и из сферы познания проникает во все сферы общественной жизни

вать человеку свет истины, задавая новые смыслы человеческой жизни и общественного развития. Такое определение миссии науки сохраняется в немецком интеллектуальном сообществе и в XX веке. В этой тональности выдержан известный доклад Макса Вебера «Наука как призвание и профессия», прочитанный им зимой 1918 года в Мюнхенском университете. Очевидно, что распространяемые сегодня представления об узкой профессионализации и коммерциализации образования и науки вступают в явное противоречие с общемировоззренческими, нравственно-социальными принципами.

Неудивительно, что в XIX веке политическая жизнь получала от немецких университетов мощные импульсы, а избранный на волне революции 1848 года первый германский парламент вошел в историю как «профессорский парламент» (из 586 депута-

* Берлин И. Рождение русской интеллигенции // Вопросы литературы. 1993, выпуск IV. С. 196–197.

тов было 94 профессора, 233 депутата получили университетское образование).

Впрочем, несмотря на особенности немецких университетов, роль профессорского сообщества в XIX столетии становится заметной не только в Германии. Французская революция сметает старое университетское образование, оказавшееся в зависимости от королевской власти и Ордена иезуитов. Университеты восстанавливаются лишь в 1808 году, когда создается государственная корпорация Французского университета и страна делится на сорок учебных округов. Централизация и огосударствление университетского образования не помешали новому поколению профессоров осознать себя в качестве самостоятельной общественно-политической силы. Неслучайно Третью республику называют «республикой профессоров». Любопытно, что подобная ситуация характерна и для других стран. Например, Испанскую республику, установленную на несколько лет в 1931 году, называли «республикой интеллектуалов» и связывали ее происхождение с наследием Вольного института просвещения.

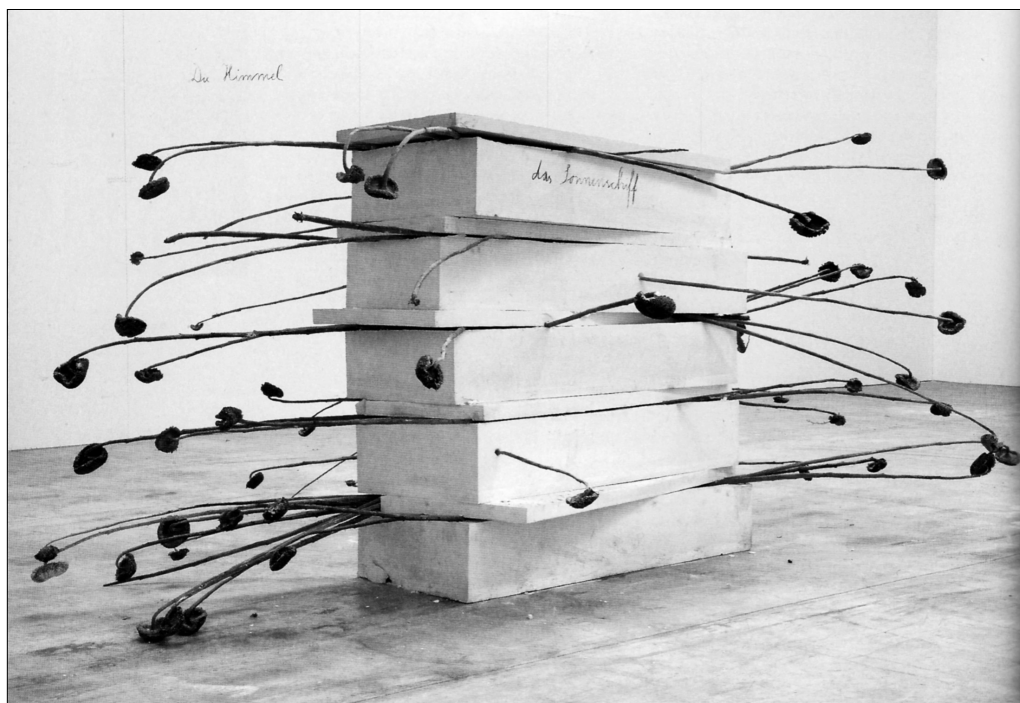
Россия на этом фоне не выглядит исключением: сыгравшая принципиальную роль в событиях 1917 года партия кадетов была в значительной степени партией университетской профессуры, отстаивавшей, подобно своим европейским коллегам, либеральные идеалы и ценности только еще формирующегося в России «среднего класса».

Однако не следует забывать, что в отличие от российской ситуации новые европейские университеты создавались

не на пустом месте. За ними стояла многовековая история, восходящая к XI–XII векам. Особенности Гумбольдтского университета вряд ли могут быть объяснены вне многовековой эволюции европейской университетской традиции. Несмотря на некоторое своеобразие, которое имели университеты, возникавшие в различных частях Европы, общим у них было происхождение: они рождались в рациональной городской культуре, в условиях автономии частной жизни. В Европе города, по словам Макса Вебера, становились «местом перехода из несвободного состояния в свободное». История российских городов, напротив, в значительной степени была отмечена влиянием властных отношений: столичные города процветали, а провинциальные приходили в упадок. И хотя европейская история также знает расцвет одних городов и упадок других, город там изначально представлял собой самодостаточное явление, созданное усилиями саморегулирующихся сообществ. Именно в городе концентрировались силы, развивающие европейскую культуру.

В европейском средневековом городе всякое сообщество (купеческая гильдия, торгово-промышленный цех и т.п.) называлось *universitas* (например, *universitas civium* — городская корпорация, коммуна). Отсюда и понятие *universitas studii**. Возникшие в условиях средневекового корпоративного строя университеты сами представляли собой саморегулирующиеся корпорации. Они фактически имели форму средневековых цехов с подразделением на «мастеров» (*magistri* — на низших факультетах и *doctores* — на высших),

* См.: Готлиб Л. *Университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 68. — СПб., 1902. — С. 751, 758.*

Ансельм Кифер. Солнечный корабль. 2010

«подмастерьев» (*baccalaurei*) и «учеников» (*scholares*), с обычным для того общества цеховым дроблением труда, цеховыми испытаниями и цеховыми свидетельствами. Университетские корпорации обладали административной автономией, собственной юрисдикцией, имели свои уставы, которые регламентировали всю жизнь университета, вплоть до одежды и традиционных оборотов речи. Ученая степень была своеобразной лицензией на право преподавания в любом месте Европы, что давало университетам независимость от местного прихода, монастыря или города.

Неудивительно, что уже первые университеты стали очагами свободомыслия и еретических идей, связанных с городской культурой и оппозицией горожан феодальному порядку и официальной католической церкви. И хотя расцвет первых европейских универ-

ситетов сменяется упадком (после Ренессанса интеллектуальная жизнь и культурное развитие обретают скорее внеуниверситетские формы), в XIX веке профессорское сообщество вновь оказывается в центре гражданской и политической жизни.

В отличие от Европы, где университеты были естественно возникшим элементом городской культуры и гражданского общества, в крепостнической и сословной России профессорское сообщество выглядело, мягко говоря, не вполне органично. Сама наука явно не вмещалась в отводимые ей правительством рамки. Самодержавная власть, поощряя развитие университетов и поездки молодых интеллектуалов за границу, собственными руками создавала себе явную проблему. Вряд ли противоречия между основами самодержавно-крепостнической системы и идеалами Просвещения были неоче-

видны для власти. И вряд ли власть была абсолютно уверена, что эти идеалы можно будет замкнуть в стенах малочисленных университетов. Но, несмотря на то что самодержавие часто предпринимало попытки ограничить университетскую автономию, оно не отказывалось от самой идеи развития университетов.

Этот парадокс требует объяснения, тем более что подобных парадоксов в развитии императорской России было немало. Дело, видимо, в том, что помимо вызревания внутренних противоречий у российского самодержавия была другая проблема, скорее даже более серьезная. Власть была весьма обеспокоена тем положением, которое Россия занимает в ряду европейских держав: отсутствие в России аналогов важных институтов европейского общества могло восприниматься как признак неполноценности. Власть оказывалась в сложном положении: необходимо было внедрять в российскую практику отсутствующие институты таким образом, чтобы они не подрывали основ существующего строя. Однако вряд ли это было возможно. Поэтому приходилось время от времени либо душить новые веяния, либо придумывать весьма смелые проекты реформ. Впрочем, был еще один способ: делать то и другое одновременно, одной рукой проводить реформы, а другой — выдвигать тех, кто будет этим реформам препятствовать. Об этом писал в своем дневнике В.О. Ключевский. Он заметил, что в течение всего XIX века правительство «вело чисто провокаторскую деятельность: оно давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторож-

ных простаков»*. Так было и с развитием университетов.

Любопытно, что именно в тот период, когда в российских университетах появляется новое поколение вернувшихся из Европы профессоров, принципиально меняется дискурс власти по вопросу о самоопределении России в отношении к Европе. Со времен Петра I господствовала убежденность в необходимости развития России по европейским образцам. Россия представлялась как органичная часть христианского мира, а ценности христианского универсализма воспринимались как основания общей идентичности России и Европы вплоть до реформ Александра I. Российские университеты обязаны своим появлением именно этой тенденции. Однако этот вестернизаторский дискурс содержал в себе как минимум две ловушки для российского режима. Первая состояла в том, что сама логика догоняющего развития заставляла определять российскую действительность в терминах развития и отсталости. Самодержавие, стремившееся к цивилизаторской миссии в отношении имперских окраин, не могло смириться с тем, что оно само должно кого-то «догонять». И вторая ловушка: ценности единства христианского мира предполагают и единство исторических судеб России и Европы. А именно этого единства в условиях череды европейских революций самодержавие больше не желало. По мере осознания этих ловушек российская действительность начинает объясняться не отсталостью, а уникальностью. Эта логика заставляет отказаться и от идеи единства христианского мира. Христианство понимается теперь через призму изобретенной графом Уваровым формулы «православие, самодер-

* Ключевский В.О. *Литературные портреты*. — М., 1991. — С. 438–440.

жавие, народность», призванной об-основать особость русской веры и русского пути.

Но вернемся к нашему основному сюжету — формированию университетского сообщества. Распространение знаний и открытие университетов в России изначально было именно государственным, а не общественным делом. По словам В.И. Вернадского, «для России чрезвычайно характерно, что вся научная творческая работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в. была связана прямо или косвенно с государственной организацией: она или вызывалась сознательно государственными потребностями, или находила себе место неожиданно для правительства и нередко вопреки его желанию в создаваемых им или поддерживаемых им для других целей предприятиях, организациях, профессиях»*. Привнесенные институты, внедряемые «сверху», редко могут рассчитывать на полноценную поддержку «снизу». По крайней мере, в начальный период своего становления. Университетское сообщество не имело возможности опереться на дремлющие еще общественные силы. К середине XIX века в пяти университетах было всего около трехсот преподавателей. По словам ректора Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетова, «университетские города разбросаны в России как оазисы в пустыне, а в самих городах этих университеты являются какими-то монастырями, в стенах которых каждая наука имеет по одному, много по два служителя. На них-то сверх официальных обязанностей должна возлагаться вся надежда касательно поддержания и возвышения интересов той науки, которой они преданы; при этом

должно заметить, что такая неофициальная деятельность нередко должна распространяться от одного лица по всей окрестной стране, равной площадью иному второстепенному государству Западной Европы»**.

Но именно этот тонкий слой интеллектуалов уже во второй половине XIX века не только оказывается в самом центре общественной жизни, но и сам становится существенным фактором пробуждения российского общества. В своем пророческом романе «Бесы» Федор Достоевский обвиняет в лице Николая Степановича Верховенского российскую профессуру в том, что из стен университетов выходят те самые радикально настроенные революционеры, которые вскоре подорвут основания российского порядка. Обоснованность этих обвинений требует специальных комментариев, но очевидно, что именно непоследовательность и противоречивость политики самодержавия, которое создавало университеты, наделяло их автономией и одновременно пыталось сохранить свой самодостаточный характер, своими руками подрывало свои же основания. В условиях, когда власть имела всеобъемлющий и самодостаточный характер, и ни одна социальная группа не могла играть самостоятельную роль, самодержавие само невольно создавало себе оппонента: вместе с новыми знаниями и культурой из Европы были привнесены представления о политических и гражданских свободах, конституционном правлении и демократии. Этот урок не следует забывать и сегодня: вынужденная модернизация каких-то отдельных сфер жизни невозможна без полноценной модернизации политической системы и всего общества.

* Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. — М., 1988. — С. 66.

** Цит. по: Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостнической к России капиталистической. — М., 1985. — С. 54.

Юлия Счастливецова,
журналист, Челябинская
область

Президент РФ Дмитрий Медведев подписал указ о создании в России общественного телевидения, которое заработает с 1 января 2013 года. Первоначально финансировать телеканал будет государство. Общественное телевидение (предположительно на канале «Звезда») будет включено в бесплатный пакет цифровых телеканалов.

Эпоха «Лебединого озера»

На первый взгляд, это еще один политический фейк (*fake* (англ.) — подделка) в длинном перечне обманок, не весьма искусно замаскированных под институты гражданского общества. Описанная в указе модель общественного ТВ не оставляет в этом сомнений. Есть и другие поводы не верить в появление телеканала, контролируемого «снизу»: в России нет опыта общественного вещания, слабо развиты традиции независимой журналистики и сильно влияние на СМИ со стороны государства. Такая среда будет препятствовать разрушению подданнической политической культуры, даже если общественное телевидение возьмет на себя эту задачу. Сегодня, на подъеме новой волны демократизации, когда даже фейковые гражданские институты стряхивают с себя тяжелые государственные одежды и пытаются работать, система традиционных СМИ по-прежнему консервативна и остается бутылочным горлышком российской демократии. Причины застойных явлений, на мой взгляд, — в детских болезнях постсоветского общества. Нынешняя власть вышла из телевизора. Точнее, из него вышел Путин. Неслучайно, став президентом, Путин разогнал медиамагнатов, переформатировал телеканал «НТВ» и снабдил поводками федеральные СМИ. Российская власть традиционно рассматривает независимые СМИ как угрозу своей безопасности. В мире существуют три модели СМИ, определяемые формой собственности, государственные, коммерческие и общественные. Но в России форм собственности в области медиа всегда было две. В течение последних двадцати лет гражданское общество неоднократно пыталось реализовать идею общественного вещания, созданного по примеру британ-

ского телеканала «Би-би-си». В ответ власть моделировала новую медийную мифологию. Ее ярким примером является «Общественное российское телевидение» (ОРТ), по сути своей гибрид государственной и частной форм собственности. Сегодня на волне либерализации Дмитрий Медведев довел сюжет о рождении общественного телевидения в России до президентского указа. Названа дата начала вещания — 1 января 2013 года, а в качестве платформы для общественного СМИ определен телеканал «Звезда».

Модель ОТВ существует в 49 странах мира, но самая большая концентрация таких СМИ в Европе. Европа — колыбель общественного телевидения, как США — колыбель коммерческого, а Россия — государственного. Общественное телевидение — неотъемлемая часть публичной сферы, развивающейся в рамках гражданского общества. Нужно помнить, что предпосылки становления этого института определяются сложным сочетанием социальных условий, среди которых — высокий уровень развития демократических институтов и гражданского общества, наличие правовых гарантий независимости СМИ от власти, опыт практической реализации этих гарантий. Допустима вариативность моделей ОТВ как особой юридической и хозяйственной формы. Классические его варианты описывают такие понятия, как общедоступность, независимость информационной политики, социальная ориентированность, особые формы организации, финансирования и управления.

Для каждого СМИ вообще принципиальны два вопроса — кто его финансирует и кто им управляет. В мировой практике общественное ТВ существует на нескольких финансовых платформах. Классический вариант подразумевает абонентскую плату — так работает британская телекомпания «Би-би-си», телезрители которой платят «налог» на каждый телевизор в доме. Форма финансирования может быть смешанной, когда деньги поступают из нескольких источников. Американская телекомпания PBS, например, финансируется за счет зрителей, конгресса США и крупных корпораций. Есть в США общественно-правовые каналы, существующие только за счет пожертвований и грантов. В мире также есть практика содержания общественного вещания государством. Так работает Си-би-эс — Канадская вещательная корпорация, на 80 процентов финансируемая правительством. При этом законодательство Канады не позволяет правительству использовать финансовый поводок, чтобы вмешиваться в вещательную политику. В модели общественного ТВ вещательную политику определяет некий «посредник» между правительством и СМИ в виде попечительского совета, состоящего из представителей общественности. Эта модель позволяет общественному ТВ быть независимым от власти и рекламодателей. Первая независимость гарантирует вещанию идеологическую свободу, вторая — позволяет работать над качеством программ, заниматься просвещением и повышать уровень своего зрителя. В «идеальном» виде общественное ТВ может существовать лишь на почве развитых демо-

Маурицио Каттелан. Фрэнк и Джеми. 2002

кратических институтов и гражданского общества. В России ее, увы, нет.

Проект «Общественного телевидения России», как он выглядит в указе президента, плотно встроен во властную вертикаль: генерального директора (он же — главный редактор) телеканала будет назначать президент, и первоначальное финансирование нового СМИ будет бюджетным. Эксперты назвали указ о создании общественного телевидения «более чем необщественным».

Описанные в указе принципы управления и финансирования, по их мнению, выхолащивают идею общественного ТВ и ставят новый телеканал в положение более зависимое, чем феде-

ральные телеканалы. Словом, российское ОТВ имеет все шансы стать еще одним атрибутом постановочной демократии.

Острая дискуссия вокруг проекта ОТВ в России, мне кажется, выросла из туманности целей его создания. Дмитрий Медведев их в четком виде не озвучил. Учитывая исходные данные, не вполне ясно, что от этого проекта хочет сама власть. Если ОТВ создается, чтобы дать «рассерженным» гражданам альтернативный телевизионный контент, то власть опоздала. Многолетнее ожидание того, что Госдума примет закон об общественном телевидении, завершилось изменением медийного ландшафта. В какой-то момент медиабизнес сам заполнил альтернативную нишу. На карте традиционных СМИ сегодня по-прежнему три федеральных телеканала — Первый, Россия и НТВ, которые входят в сферу интересов государства. Но на кабельном, спутниковом вещании и в Интернете появился альтернативный телевизионный контент — телеканалы «Дождь», проект «Сетевое общественное телевидение». Их зрители — это, конечно, не вся Россия, но креативный класс — уж точно. «В России нет нормального суда, нормальной полиции, нормальных выборов и парламента. Все это невозможно создать снизу, силами гражданского общества, без социальных катаклизмов. А вот нормальное ТВ в Интернете создать можно. По крайней мере, надо обязательно попытаться», — заявил руководитель проекта Сетевого общественного телевидения Игорь Яковенко. В России зарождается гражданская журналистика, становясь средством политической мобилизации и демократизации. В этом контексте усилия власти по созданию ОТВ можно обозначить афоризмом: не можешь остановить процесс — возглавь его.

Однако идея создания общественного ТВ настолько запоздала, что с учетом общемирового тренда рискует быть оценена как неуместная. Формирование в мире общественного вещания в середине XX века

*Если российскому
общественному телевидению не суждено
стать свободным от государства,
то оно может стать свободным
от коммерческого влияния*

объяснялось условиями ограниченного частотного ресурса, характерного для эфирного вещания. Сегодня вещательные технологии (кабельные, спутниковые, цифровые) позволяют транслировать телевизионный сигнал по неограниченному числу каналов. Как следствие, встает вопрос о правомерности «особого» статуса общественного телевидения. В частности, коммерческие вещатели обвиняют общественные телеканалы в привилегированном положении на рынке и недобросовестной конкуренции. По мнению специалистов, общественные телеканалы и сама концепция общественного вещания переживают кризис. В эпоху кабельного и спутникового вещания принцип идеологического разнообразия реализуется через появление большого числа вещателей. Больше телеканалов — больше мнений. И российское медиасообщество тоже вступило на этот путь. Есть, правда, еще одна важная миссия ОТВ — создание общественно полезного содержания. Социальный заказ на качественное вещание без «замочных скважин» очевиден — и российский медиарынок отвечает на него соответствующим предложением. Так, основатель телеканала «Дождь» Наталья Сиднеева назвала свой проект «каналом без чернухи, желтухи и порнухи». В этом смысле общественный телеканал, даже на государственной основе, может быть полезен, если даст телезрителю эфир с просветительским, образовательным и культурным контентом. Если российскому общественному телевидению не суждено стать свободным от государства, то оно может стать свободным от коммерческого влияния.

Впрочем, будет ОТВ настоящим или нет, для гражданского общества уже не существенно. Процесс дальнейшего разрушения государственной монополии на ТВ неизбежен и обусловлен двумя факторами — развитием информационных технологий и ростом гражданского самосознания. В начале XX века для удержания власти нужно было захватить телеграф, в середине века — телевидение. Сегодня само понятие «захватить информационные каналы» кажется абсурдным. Эпоха «Лебединого озера» на ТВ завершилась. Поэтому в проекте создания общественного ТВ мне видится не только и не столько реверанс в адрес молодого гражданского общества. Перспективы российского ОТВ больше всех должны волновать саму власть: альтернативный телеканал нужен ей, чтобы вернуть себе качественного телезрителя. Неслучайно Дмитрий Медведев заявил, что «новый формат телевидения поможет сделать его конкурентоспособным». Власть думает о своей конкурентоспособности — это замечательно. Возможно, следующей ее мыслью станет понимание необходимости в чем-то себя ограничить и, наконец, осознание своих сервисных функций.

На вопросы ответственного редактора приложения «НГ-сценарии» Юрия Соломонова отвечает эксперт Школы А.А. Кара-Мурза.

Судьба либерализма в России*

— Алексей Алексеевич, давайте начнем с мифов о российском либерализме. Какие из них самые устойчивые?

— Самый расхожий миф — о том, что либерализм России чужд и никогда здесь не приживется. Мол, российский цивилизационный генотип эту идеологию отвергает. Родился этот миф не в нынешней администрации президента, а в охранительских головах еще два и даже три столетия назад. «Новой пугачевщиной», которую Россия якобы непременно получит из-за «прививки» западного либерализма, пугали еще Екатерину II и ее внука Александра I, которые начинали, как известно, как либералы — и, кстати, очень неплохо начинали. Этот же миф потом активно распространяли черносотенцы начала прошлого века, а вслед за ними и родственные им по духу непримиримости большевики. «Страшную угрозу» России озвучивали в виде ультиматума: не хотите наступления либерального хаоса, держитесь покрепче за нашу авторитарную власть, и будет вам всем стабильность. Это абсолютно антиисторическое построение. Могу без преувеличения сказать, что все звездные часы в русской культуре, в том числе культуре политической, так или иначе оплодотворены именно либерализмом.

Пример тому — начало XX столетия. В России зреет революция. С одной стороны — бомбометатели, террористы, будущие большевики. С другой — власть, готовая лишь к запретам, разгонам и казням. И в это время мощной третьей силой выступает земское и городское самоуправление, развившееся в России после «александровских реформ» и уцелевшее, несмотря на все попятные движения. В те годы так называемые земцы-конституционалисты получили преобладание во многих региональных управах и даже выбирались городскими головами крупных

Алексей Кара-Мурза,
доктор философских наук,
президент Национального
фонда «Русское либеральное
наследие»

* «Независимая газета» от 29 мая 2012 г.

центров: от Петра Яковлевича Ростовцева в Воронеже до Алексея Ивановича Макушина в Томске (впоследствии они станут известными кадетскими лидерами). Руководители местного самоуправления консолидировали тогда здоровые центристские силы общества (городские средние слои, студенчество), оттирая как реакционеров-охранителей, так и революционеров-нигилистов. К сожалению, эта земская альтернатива, окончательно задавленная большевиками, не была в России реализована — к несчастью не только для конкретных либералов (их личная судьба была действительно, как правило, трагична), но и для страны в целом.

Второй миф — о том, что либералы не патриоты, что они, мол, «агенты» чьего-то «влияния». И это чушь полная. Как сказал в свое время либерал Петр Струве: «Либерализм — это и есть истинный патриотизм». Почему? Да потому, что по-настоящему любить можно только свою свободу, а не свободу своего барина. Ту свободу, которую ты готов осмысленно защищать. У нас же по-прежнему, выражаясь словами Салтыкова-Щедрина, некоторые путают любовь к родине с любовью к «его превосходительству». Откровенная клевета на либералов — обвинение их в падении «исторической России» в начале 1917 года. Все наоборот: либералы в тогдашней IV Думе стали консолидаторами центристского блока; они же выступили инициаторами военно-промышленных комитетов, Земского союза, Союза городов — главных общественных организаций, созданных для помощи фронту в годы Первой мировой. «Историческую власть» обрушила она сама — своей некомпетентностью, корыстолюбием, неспособностью договариваться с обществом.

Увы, так часто бывает в истории: «новое варварство» приходит сверху. Третий миф. О том, что либералы — разрушители государственности. Ничего подобного. За разрушение государства выступают, как известно, анархисты. А либералы выступают за общественный контроль над государством. Конечно, бюрократии выгодно представлять угрозу собственному всевластию в качестве угрозы общенациональной. А что означает либеральный контроль за бюрократией? Если мы «сбрасываемся» на собственное государство своими налогами, то мы вправе контролировать все расходы, предварительно обсуждая разумность тех или иных трат. И если нам, к примеру, нужна сильная армия, то это требует квалифицированного обсуждения с учетом всех обстоятельств и мнений, в том числе — объективных, а не вымышленных «угроз» для страны. Так что нет ни одного антилиберального мифа, который выдерживал бы здоровые аргументы.

Другое дело, что толковых адептов российского либерализма не так много, к сожалению, и их заведомо меньше, чем, например, сто лет назад. Да и те, что есть, как правило, в той или иной степени являются жертвами экономического детерминизма: главное, мол, правильно распределить собственность, а остальное приложится... А это ведь прямое наследие выхолощенного марксизма. Нам все некогда осознать, что настоящий либерализм — это не только и даже не столько экономическая теория. Мы имеем дело с очень серьезным социокультурным учением и комплексным цивилизационным проектом.

Частная собственность, на которую чуть ли не молятся некоторые «практики реформ», была ведь еще в Древнем

Джефф Уолл. Обыск. 2009

Шумере. И там тоже появлялись ребята, которые оказались ловчее других и при помощи своей близости к власти сумели разбогатеть. Только либерализмом и демократией там и не пахло.

Либерализм зарождается как правовое учение в рамках — особо подчеркну — христианской доктрины (ни одна другая религия не оказалась способной продуцировать из себя идеи свободы и права). Потому что учение Христа — это прежде всего учение об индивидуальной свободе. Именно так понимали дело классики либерализма: и Джон Локк в Англии, и его прямые ученики — отцы-основатели Американских Соединенных Штатов, и пастор Фридрих Науманн в Германии. Индивидуальная свобода, защищенная христианской традицией и обязательным для всех правом, становилась фун-

даментом того, на чем позже сформировалась либеральная философия собственности, основой которой является в первую очередь право на достойное проживание собственной жизни.

К сожалению, в нашей либеральной среде издавна существует стойкое предубеждение к религиозной проблематике. Похоже, практика Православной церкви с ее покровительством крепостничеству, обскурантизму по отношению к всякому прогрессу, лукавым заискиванием перед «царством Кесаря» и самыми одиозными его институтами надолго и всерьез отравила русские прогрессистские мозги. Современным русским либералам еще предстоит перечитать выдающиеся тексты отечественных либералов-христиан — Ивана Сергеевича Аксакова,

Михаила Александровича Стаховича, Василия Андреевича Караулова, Петра Бернгардовича Струве. Кстати, именно этим сюжетам посвящена моя последняя книга «Свобода и Вера. Христианский либерализм в русской политической культуре», написанная в соавторстве с профессором О.А. Жуковой.

Совсем недавно, в конце апреля, в день очередного юбилея 1-й Государственной думы, мы открыли во Владимире памятник князю Петру Дмитриевичу Долгорукову, крупнейшему русскому либералу, земцу, товарищу (заместителю) председателя 1-й Думы. В 1945 году он, старый эмигрант, был арестован советскими спецслужбами в Чехословакии и осужден за «контрреволюционную деятельность». Князь Петр Долгоруков умер в 1951 году 86-летним стариком в печально знаменитом Владимирском центре, так и не признав предъявленных обвинений. «Я являюсь сторонником правового демократического строя, осуществляемого при помощи народного представительства» — вот та правда о себе, которую он оставил в документах следствия. Меня с идеей этого памятника поддержали владимирские депутаты, историки-краеведы, местный «Мемориал». И нам удалось, несмотря на разные политические воззрения руководителей региона, поставить памятник Долгорукову. И такие знаковые события тоже становятся важной опорой для понимания и развития либеральных идей. Наш фонд «Русское либеральное наследие», объединивший усилия лучших историков отечественного либерализма, за 10 без малого лет своего существования провел подобные мероприятия более чем в 40 регионах России. Всегда — с большой поддержкой местной общественности: люди признательны, когда им говорят правду, тем более долго скрываемую

правду о настоящей, а не вымышленной истории их регионов.

Я уверен: необходимо воссоздать подлинную богатейшую родословную русского либерализма. В каждом российском регионе есть эти традиции, в каждом уездном городке было свое общественное самоуправление. И именно оно, составленное из людей выборных и авторитетных, «до копейки» считало расходы на дороги, школы, больницы и т.д. И выяснялось, что именно такая форма власти, а не бюрократическая вертикаль приносит успех. Вообще, история русского либерализма — это не только история драм и трагедий; это во многом и история успехов и достижений. Поговорите с региональными историками-краеведами, и они подтвердят: лучшее в региональных «историях» связано с именами местных свободолюбцев, у которых, правда, помимо либеральных мозгов были еще и чистые, трудолюбивые руки. И эта либеральная альтернатива могла стать основой общенационального успеха, если бы эта традиция не была беспощадно «сплюснена» в России между упертым охранительством и нигилистическим революционаризмом, между Сциллой неправовой власти и Харибдой неправовой антивласти.

— Но идея земства и в наши дни появлялась в умах некоторых энтузиастов. Даже среди единоклассников возникали планы развития земского самоуправления.

— Попытки были. Но настоящего закона о местном самоуправлении как не было, так и нет. У нового земства нет финансового обеспечения. А главное, сама природа земства предполагает его развитие снизу вверх, а не наоборот. Властная вертикаль таким формам самоуправления только вредит, причем

вредит сознательно — как опасному сопернику. Что сделал в свое время тот же князь Петр Долгоруков? Он же был из рода Рюриковичей! Но ему, выпускнику исторического факультета университета, было не зазорно отправиться из московского княжеского особняка в Знаменском переулке на курские земли, в Судженский уезд. И там он начал, как говорится, вкалывать на земле. Стал блестящим специалистом-аграрием, был избран председателем уездной, а затем губернской земской управы. Вошел в Союз земцев-конституционалистов, а уже оттуда — в руководство кадетской партии и 1-й Думы. Кстати, его брат-близнец, князь Павел Дмитриевич Долгоруков (расстрелянный большевиками в Харькове в 1927 году) делал то же самое в Ружском уезде Московской губернии (там на здании бывшей уездной управы мы несколько лет назад установили ему мемориальную доску).

Граф Петр Александрович Гейден — выдающийся земец, работал в псковском земстве; князь Дмитрий Иванович Шаховской (тоже Рюрикович!) — в ярославском. Так русская аристократия (не только родовая, но и интеллектуальная) работала в русской глубинке. Они не были, как бы сейчас сказали, столичными тусовщиками. Это были политики «от земли». И только со временем, набравшись опыта и авторитета, они создали партию конституционных демократов (другое название — Партия народной свободы), которая и выиграла относительно демократические выборы в первые две Государственные думы. Так, спустя 30–40 лет земская реформа Александра II дала свои окончательные богатые плоды. Кто-то скажет: не слишком ли долго в России ждать такого «урожая»? Но на что у нас ушли почти 30 лет, если отмерять упущенные возможности от начала перестройки?

— *Две такие фундаментальные ценности, как свобода и собственность, находятся в весьма сложных отношениях друг с другом. Есть, например, такое расхожее суждение: будь у нас реально работающий институт частной собственности, люди гораздо активнее отстаивали бы свои права на свободу и демократию. Что вы думаете об этом?*

— А я вас спрошу в свою очередь: знаете, почему так трудно шло в России раскрепощение крестьян? Русские крепостники апеллировали... к идее частной собственности: земля, мол, наша, а частная собственность — священна. В итоге в 1861 году крестьян освободили, как правило, без земли. Но в то же время дали им возможность через рассрочку и кредит со временем эту землю выкупить. И миллионы людей это сделали. Так появились в России массовые слои, которые сумели оценить и свободу, и собственность. Эти две ценности не противоречат друг другу и органично сочетаются. Человек, который живет своим трудом (а это и квалифицированный наемный работник, и интеллектуал) всегда лучше готов отвечать за себя, охранять личную свободу и достоинство. Таких людей в начале XX века в России было немало. Когда в 1910 году в Москве хоронили Сергея Андреевича Муромцева, профессора-правоведа и бывшего председателя 1-й Думы, за его гробом, по подсчетам современников, шли 200 тысяч человек! Существует документальный фильм, из которого видно, что эти расчеты близки к истине. А ведь власти думали, что Москва забыла своего бывшего депутата Муромцева: ведь возглавляемая им Дума была в 1906 году разогнана, за подписание антиправительственного Выборгского воззвания Муромцев отсидел три месяца в Таганской тюрьме (что резко при-

близило его раннюю кончину) и был лишен права куда-либо избираться. Но оказалось, что в умах соотечественников он остался символом русского парламентаризма и подлинно народной власти. Величие и масштаб его похорон заставили тогда власти заявить о невозможности гарантировать общественный порядок. Но ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов (член ЦК оппозиционной кадетской партии, а впоследствии — министр народного просвещения Временного правительства) в ходе переговоров с императорским двором взял ответственность на себя: порядок в городе в день похорон Муромцева поддерживали студенты Московского университета! У студкома было только одно условие: если полиция не в состоянии выполнить свой общественный долг, то пусть и не маячит в форме на улицах, гражданское общество обойдется без нее.

А вот другой пример великого либерала. Мы сидим с вами в здании Института философии РАН, бывшей городской усадьбе князей Голицыных. Здесь в 1881–1886 годах снимал квартиру замечательный русский либерал, философ и правовед Борис Николаевич Чичерин. Известна такая история. В начале 1882 года тогдашний московский городской голова С.М. Третьяков ушел в отставку и встал вопрос о преемнике. Группа московских предпринимателей явилась сюда, в особняк Голицыных, и предложила баллотироваться Чичерину, не только известному теоретику-философу и юристу, но и многолетнему гласному (депутату) городской думы. Знаете, какая была аргументация? «Борис Николаевич, мы вас давно и хорошо знаем. Вы — либерал, а либералы, как известно, не воры». И Чичерин согласился. На посту московского город-

ского головы он добился больших успехов: ему, например, мы обязаны новым московским («мытищинским») водопроводом. Пытались его строить и раньше — да деньги, отпущенные Думой, регулярно разворовывались. А либерал Чичерин справился.

Кстати, замечательными московскими городскими головами были и другие либералы: от князя Владимира Черкасского до руководителей города предреволюционного времени: октябриста Николая Александровича Гучкова и кадета Михаила Васильевича Челнокова. Их объединяло главное: приоритет равного права для всех, строгое соблюдение закона, полная прозрачность городского бюджета и беспощадная борьба с коррупцией. Кстати, Борис Чичерин продержался тогда на своем посту недолго: во время коронации в Москве императора Александра III в мае 1883 года он, выступая на торжественном обеде городских голов, высказался за «единение всех земских сил для блага отечества» и выразил надежду, что власть признает необходимость сотрудничества с земством. Идея делиться властью с общественными силами пришлась не по нраву императорскому окружению: Чичерин был вынужден подать в отставку.

— *Даже Горький не избежал на этот счет сарказма: «Консерватизм произрастает на почве удобств».*

— Ну да. Освоил одним местом удобное кресло и чего дергаться? Какое там развитие, кому и зачем свободы? Просто сидишь в должности, неплохо кормишься от нее да придумываешь страшные сказки про либерализм или что-нибудь красивое про святость традиций, верность политике стабильности и т.д.

— Получается, что либерализм — это более сложное в применении учение? Соотношение свободы и государственности определяется множеством самых разных факторов. И разными людьми, у каждого из которых свое представление о свободе...

— Начнем с того, что либералы не ходят строем. Несколько лет назад мы выпустили под моей редакцией книгу «Российский либерализм: идеи и люди». В ней представлены биографические эссе о 96 (!) крупнейших русских либералах начиная с времен Екатерины II. Все эти люди были очень разные. И часто между собой ссорились. Со временем, когда в дореволюционной России была разрешена политическая деятельность и стали организовываться политические партии, для свободно мыслящих людей открылась возможность объединяться, группироваться, блокироваться. Появились Конституционно-демократическая партия (левые либералы во главе с Павлом Милюковым), «Союз 17 октября» (правые либералы во главе с Александром Гучковым) и небольшие партии «либерального центра» — Партия демократических реформ Максима Ковалевского, Партия мирного обновления графа Петра Гейдена и Михаила Стаховича. Все они имели свое представительство в Государственной думе и свои, кстати, очень популярные среди культурной публики печатные издания. Но их идейная полемика была хотя временами и острой, но вполне осмысленной. Ведь это были все люди умные, фундаментально образованные, со сложившейся десятилетиями репутацией. Они прекрасно понимали: прежде чем предлагать всему обществу идеи либерализма и демократии, надо сначала свою внутрипартийную жизнь построить на этих принципах. И это

им удавалось: внутри, например, Партии народной свободы (кадетской) имело место свободное обсуждение всех проблем — от идейных до кадровых. Это позволило этим людям, выброшенным впоследствии в эмиграцию, полностью сохранить свое не только политическое, но и высоко нравственное лицо. Увы, многие русские либералы-политики были расстреляны на родине. До сих пор неизвестны места захоронения председателя Кадетской партии князя Павла Долгорукова, председателя 2-й Думы Федора Головнина, выдающегося политика князя Дмитрия Шаховского и многих-многих других.

— Есть ли у российского либерализма некие врожденные или приобретенные недостатки, недуги — то, что ему вредит, мешает развиваться?

— Есть, конечно. Например, почему-то считается, что либерализм и западничество — это чуть ли не синонимы. А это далеко не так: Петр Великий или Павел I уж на что были «западниками» (копировали все подряд!), но какие из них либералы? Так же неверно утверждение, что всякий славянофил — непременно противник либерализма. Опять же у входа в наш Институт философии РАН висит еще одна мемориальная доска, посвященная Ивану Сергеевичу Аксакову. Кстати, он тоже снимал здесь квартиру и умер в этом доме в 1886 году. А кто такой был славянофил, «почвенник», «самобытник» Иван Аксаков? Он был самым что ни на есть либералом, бесспорно, главным в свое время защитником свободы совести и свободы печати в России. Да, его аргументация в пользу свободы была весьма самобытной. Он, например, спрашивал: а знаете, почему Англия стала передовой страной в области свободы? Да

потому, что она не стала никому подражать, а вытащила эту свободу из себя самой, из собственной истории, культуры, религии. Вот и Россия, чтобы стать свободной, не должна копировать ту же Англию, а идея свободы в русской культуре есть.

Вот аксаковская оригинальная идея первоистоков свободы в раннем христианстве. «Бог» для него — это Слово. И те, кто покушается на свободное слово, те покушаются на «дары Божьи», на Бога самого; те — не христиане, а язычники, прячущиеся — все равно — под мундирами или рясами. Христианский либерал Аксаков говорил им: «Церковь немыслима, препоясанная мечом государственным — символом принуждения и насилия; ее единственный меч — слово Божие, предполагающее свободное убеждение и свободную совесть».

И, разумеется, императорская власть, да и доморощенные клерикалы тоже, очень боялись Ивана Аксакова — наверняка поболее, чем иных русских западников. Ибо он бил по русскому неправому деспотизму, по русскому языческому клерикализму изнутри русской традиции — и тем был особо опасен. К сожалению, многие наши современники, гордо именующие себя «либералами», не в силах отличить свободолюбца-славянофила Ивана Аксакова от, например, ретроградов Константина Леонтьева или Константина Победоносцева. И тем самым они извращают историю и обедняют себя.

Другая беда многих отечественных адептов (более на словах) либерализма от демократии — в том, что у них принято считать, что победа демократии — это когда «демократы» приходят к власти. Но выяснилось, что в отсутствие либеральной культуры некоторые из этих «победителей» оказались способны повести себя как классические рус-

ские «держиморды». Еще великий философ XX века Семен Людвигович Франк (которого я тоже с полным основанием включил в галерею русских либералов) заметил, что на всех крутых переломах русской истории к власти, к несчастью, приходит — под разными идейными личинами — один и тот же человеческий тип — непримиримый борец, не считающийся с жертвами и полагающий, что его, действующего якобы «от имени истории», эта история всегда оправдает. Франк приводил пример, которые наблюдал лично: один и тот же человек, позавчера участвовавший в еврейских погромах, вчера, с объявлением войны Германии, уже громил зажиточных немцев, а сегодня — в дни большевистского переворота — с тем же азартом громит «буржуев». И, что интересно, всегда с немалой материальной выгодой для себя. Поэтому, продолжая логику С. Франка, антикоммунистическая революция вовсе не гарантирует приход к власти подлинных демократов и либералов. Это мы хорошо усвоили на своем недавнем опыте. Как говорил Иван Алексеевич Бунин о русских «переворотах»: «В следующий раз надо быть поосторожнее»...

И все-таки я уверен: спрос на общественную инициативу, на социальный договор, на власть закона и взаимную толерантность в сложной и многообразной по своему составу России сохраняется и даже нарастает. А значит, либеральный проект рано или поздно будет снова востребован. Я очень надеюсь в этом смысле на либеральное просвещение: пора вернуть людям их собственную богатейшую историю. В том числе и историю отечественного просвещенного либерализма. А люди сами разберутся: ведь презумпция человеческой разумности — один из постулатов либерализма.

О Московской школе и ее выпускниках

В рамках советской системы ценностей «герои труда», «люди дела» противопоставлялись и ставились в пример «безответственным болтунам», тратящим время на «разговоры», вместо того чтобы заняться чем-то «полезным». Такой взгляд остается достаточно распространенным до сих пор. Всем нам не раз доводилось слышать поговорки типа «меньше слов, больше дела» или читать: *«Если поразмыслите, на этом свете существуют два вида людей. Люди слова и люди дела. Большинство способно лишь на слова. Только болтать и могут. Но, в конце концов, именно люди дела меняют мир и тогда они меняют и нас»* (<http://max1m.ru/2010/02/people-of-business/>). А отечественная правящая партия «Единая Россия» использует для своей характеристики словосочетание «партия реальных дел» и проводит избирательные кампании под лозунгом «Все говорят, мы делаем».

Так что же такое «человек дела» (англ. — *businessman*)? Социальные психологи говорят, что «люди дела» занимаются тем, что им интересно, достигают результатов минимальными средствами, своевременно готовятся к будущим изменениям, решают свои задачи творчески.

Без чтения и дискуссий, разумеется, невозможно стать таким человеком. Невозможно определить свой интерес, не зная других, нельзя знать про будущие изменения без мониторинга и «сверки часов», нереально иметь собственное целостное мировосприятие без знаний о мире.

Переходя от теории к практике, можно вспомнить при этом известных исторических деятелей и то, сколько времени они уделяли чтению и разговорам. Я же хочу рассказать в этой связи коротко о Московской школе политических исследований, которая отмечает в этом году 20-летие своего существования, и о ее выпускниках.

По словам основателя Школы Лены Немировской, она и ее друзья не могли отказаться на заре новой российской государственности в 1992 году от естественной человеческой потребности общения и дискуссий в публичном пространстве и идеи создания школы, где могли бы встречаться молодые люди из российских регионов и обсуждать проблемы развития страны.

Школа — это площадка для дискуссий, в которых принимают участие молодые люди не только практически из всех регионов России, но и других посткоммунистических стран. Среди них бывшие и нынешние мэры городов, сенаторы, депутаты региональных собраний, главы муниципальных образований, журналисты, предприниматели, гражданские активисты.

Девиз Школы: «Гражданскому обществу — гражданское просвещение». Участники школьных семинаров федерального класса на неделю погружаются в режим дискуссий и встреч с отечественными и зарубежными экспертами, которые продолжаются с 9 до 23 часов ежедневно (см. сайт Школы [http:// www.msps.su](http://www.msps.su)). Человеческий ресурс сложно оценить и сказать, что и как конкретно повлияло на того или иного человека и изменило траекторию его жизни, но, судя по отзывам многих выпускников (их более десяти тысяч), они в этой связи не только с благодарностью вспоминают Школу, но и делятся своими жизненными успехами. Приведу лишь несколько примеров, характеризующих наше школьное сообщество.

Миротворец

В 1997 году выпускником Школы стал в то время депутат парламента Грузии Армаз Ахвледиани. Проникшись идеями Школы, он создал по ее образу и подобию Тбилисскую школу политических исследований, через десятилетие сыгравшую свою роль в налаживании российско-грузинских отношений, разорванных после военного столкновения 2008 года (грузинским политикам перестали выдавать российские визы, между двумя странами было прервано авиасообщение и т.п.). Совместные семинары Московской и Тбилисской школ в 2009–2010 годах стали пространством встреч российских и грузинских политических и гражданских лидеров, где за круглым столом открыто обсуждались возможности восстановления прерванных отношений.

Политик современного типа

В 1998 году в Школу приходит молодой, не занимавший тогда никаких постов в стране слушатель из Болгарии Сергей Станишев, которого интересовали проблемы международных отношений. После окончания Московской школы Станишев стал депутатом болгарского парламента, затем лидером парламентской фракции, председателем Социалистической партии Болгарии и в 2005 возглавил правительство Болгарии, заняв пост премьер-министра. В Википедии о нем написано, что он «известен, как политик “современного» типа».

Герой

Выпускник Московской школы Адальби Шхагошев из Кабардино-Балкарии в 1991 году поступил на службу в республиканское Управление по борьбе с организованной преступностью. В 1992 году при задержании особо опасного преступника Шхагошев лишился кистей обеих рук, перехватив брошенную бандитом в толпу мирных граждан гранату. По единодушному мнению большинства граждан республики это событие предотвратило начало гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Однако сам Шхагошев считает, что он выполнял

Дэвид Хокни. Возле воды деревья растут повыше. 2007

свой служебный долг, и по этой причине отказался от предлагаемого звания «Герой России».

В 2007 году Адальби Шхагошев был избран депутатом Государственной думы РФ.

Российский регион в глобальном мире

В последние годы Пермь получила всероссийскую известность как один из наиболее заметных центров, претендующий на звание «культурной столицы России». Свою роль в возникновении подобных амбиций сыграла Школа и ее выпускники. В первую очередь Валерий Сухих (выпуск 1998 года) и Игорь Сапко (выпуск 1997 года), занимающие посты председателя правительства Пермского края и главы города Пермь. Всего через Школу прошло 33 пермяка. Все они сегодня являются депутатами и чиновниками краевого и городского уровня. Многие из них познакомились на семинарах МШПИ, где слушали лекции о региональной идентичности в глобальном мире и изучали соответствующий зарубежный опыт.

Отдельно отмечу, что в 2003 году Школа издала книгу «Пермь — родина российского либерализма», выделяющую этот регион как место рождения многих общероссийских гражданских инициатив.

Местное самоуправление

На семинарах Школы всегда особое внимание уделяется проблематике местного самоуправления. В 2004 году в Школу пришел Глеб Тюрин (Архангельская область). Сегодня иностранцы охотно приглашают его делиться опытом на международных форумах — в Германии, Люксембурге, Финляндии, Австрии, США. Глеб выступал в Лионе на Всемирном саммите местных сообществ.

Глеб попробовал воспроизвести на архангельской земле традиции российского земства, веками отлаженной системы крестьянского самоуправления. Вот что он рассказывает об этом: «Мы стали ездить по деревням и собирать народ на встречи, организовывать клубы, семина-

ры, деловые игры и бог знает что еще. Старались расшевелить людей, которые сникли, считая, что о них все забыли, что они никому не нужны и ничего у них не может получиться. Сегодня у нас есть наработанные технологии, которые позволяют воодушевить людей, помочь им по иному посмотреть на себя и на ситуацию в регионе... Это можно назвать системой социального консалтинга: мы обучали людей технологиям развития. В результате за четыре года население местных деревень реализовало 54 проекта стоимостью 1 миллион 750 тысяч рублей, которые дали экономический эффект почти в 30 миллионов рублей».

Коррупция

Бывший депутат Госдумы, выпускник Школы 2000 года Вадим Бондарь из Тюменской области стал одним из немногих, кто обучает чиновников тому, как выстроить антикоррупционную защиту. В своей изданной Школой книге «Общество против коррупции» он пишет: коррупционные системы зарождаются «на муниципальном уровне, вырастая из сложившихся отношений родственного и соседского протекционизма, блата и кумовства. С другой стороны, именно на этом уровне можно построить осознанное противодействие коррупции, устраняя конфликт интересов взяточника и местного сообщества».

СМИ

Как правило, государственные средства массовой информации уступают частным в остроте и оперативности. Но есть исключение. В последние несколько лет редко какой из рейтингов наиболее интересных изданий в российском Интернете обходится без упоминания интернет-проектов РИА «Новости», которые до недавнего времени возглавляла выпускница Школы 2000 года Наталья Лосева. В настоящее время она первый заместитель генерального директора ИД «Аргументы и факты» по новым медиа. Помимо журналисткой деятельности Лосева известна как автор ряда гражданских инициатив, в частности она была инициатором раздачи георгиевских ленточек накануне 9 мая.

Во многих регионах независимые СМИ являются детищами выпускников Школы. Даже в таких непростых, как на Кавказе, где выпускник 2005 года Тимур Алиев создал газету «Чеченское общество», а группа дагестанских выпускников и слушателей — газету «Черновик». Это лишь несколько примеров, которые характеризуют сообщество Школы и доказывают, что слово есть начало дела.

Подтверждают это в том числе и волгоградские «Шабунинские чтения», среди организаторов которых — выпускники Школы Дмитрий Грушевский (выпуск 2007 года) и Игорь Чернов (выпуск 1994 года). Обзор материалов первых чтений 2010 года печатается в этом номере журнала в рубрике «Региональное книжное обозрение».

Светлана Шмелева, выпускница Школы 2005 г.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Хоскинг, Джеффри. Доверие: деньги, рынки и общество. Пер. с англ. яз. (Geoffrey Hosking. Trust: Money, Markets and Society. — Seagull Books, 2011)

Экономический кризис, охвативший мир, во многом связан с размыванием института доверия людей в межличностных отношениях, бизнесе и публичном пространстве, считает известный британский историк. Многие десятилетия правительства стран с рыночной экономикой полагались на «невидимую руку рынка» как универсальный регулятор экономических и социальных процессов. В результате прибыль и материальное потребление стали главной мотивацией бизнеса и смыслом жизни, вытесняя морально-нравственные ориентиры. Автор убежден, что без осознания роли доверия и его возвращения в социально-экономическую сферу взаимодействия людей мир лишается реального инструмента финансовой стабильности и экономического процветания.

2000-е годы, называемые еще «нулевыми», были плохим временем для общественного доверия, по крайней мере в Великобритании и США. Они стали кульминационным пунктом в упадке доверия, продолжающемся несколько десятилетий. В этом плане показательны социологические опросы, проводимые среди британцев. В 1959 году на вопрос «Согласны ли вы с тем, что большинству людей можно доверять?» 56 процентов британцев давали утвердительный ответ; в 1998 году таковых оставалось около 30 процентов. В Соединенных Штатах на тот же вопрос, заданный в 1964 году, ответ «да» давали 55 процентов опрошенных, тогда как в 1995 году это мнение разделяли лишь 35 процентов. В обоих случаях наименьшими показателями доверия отличалась молодежь, из чего можно сделать вывод о том, что новые поколения все менее склонны доверять людям. Цифры по большинству стран континентальной Европы также свидетельствуют о падении доверия, хотя и не о таком значительном*. С тех пор мало что изменилось, а

* См.: Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. — London: Allen Lane, 2005. — P. 80–82, 226; Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. — New York: Simon & Schuster, 2000. — P. 138–142.

2007–2009 годы стали периодом обвального снижения доверия — в особенности в Великобритании, хотя и не только там.

Голые цифры, однако, довольно трудно интерпретировать. Что мы имеем в виду под доверием и почему оно столь важно? Я определяю доверие следующим образом, сначала в отношении людей, а потом в контексте событий или жизненных перспектив:

— Это отношение к человеку или группе людей, основанное на предпологаемом с уверенностью, но все-таки не гарантированном ожидании того, что он / она / они будут действовать мне во благо.

— Это ожидание, основанное на существенных, но не абсолютных признаках того, что события не нанесут мне вреда.

Доверие чрезвычайно важно, поскольку это инструмент, с помощью которого мы строим наше будущее. Оно влияет на то, как принимаются наши решения и как в процессе их принятия мы оцениваем риски и обеспечиваем безопасность. В большинстве случаев эта оценка протекает без рефлексии, но в сложных или нетипичных ситуациях мы подходим к ней более осознанно. При этом мы обнаруживаем, что жизнь крайне сложна, а выявление и оценка всех имеющих отношение к делу обстоятельств обычно невозможны. Именно по этой причине немецкий социолог Никлас Луман утверждает, что доверие есть инструмент, позволяющий взаимодействовать со сложной реальностью. С его помощью процесс принятия решений осуществляется в управляемых границах, поскольку при наличии доверия некоторые факторы становятся несомненными в силу значительной (хотя не абсолютной) вероятности того, что люди будут действовать с благосклонностью к кому-либо, а события сложатся благоприятно. «В акте доверия сложный мир делается более простым. Доверяя, человек ведет себя так, будто будущее содержит лишь строго несомненные возможности»*.

Разумеется, кто-то может возразить, что в такой интерпретации доверие оказывается чем-то вроде обезболивающего средства, побуждающего игнорировать реальность и отстраняться от проблем, которые на деле можно было бы разрешить. Луман, однако, воспринимает эту озабоченность вполне позитивно: «Упрощая сложное, доверие раскрывает такие возможности для действий, которые без него остались бы непривлекательными и нереализуемыми, — иными словами, за них даже не взялись бы». Предельно упрощая, «полное отсутствие доверия не позволило бы нам даже подниматься с постели»**.

Тотальное недоверие, таким образом, парализует человека — оно может привести только к панике или отчаянию. Совокупное общественное доверие выступает той основой, которая гарантирует нам минимальный уровень личного доверия, необходимого для любого действия. Это важный компонент явления, которое специалисты по общественным наукам называют «социальным капиталом», — фундамента доверительно-го и мирного социального взаимодействия, в атмосфере которого мы хотели бы жить и действовать. Именно этот настрой доктор Джонсон

* Luhmann N. *Trust and Power*. — Chichester: John Wiley & Sons, 1979. — P. 20.

** Ibid., P. 25, 4.

выразил в одном из своих афоризмов: «Предпочтительнее, порой, оказаться обманутым, нежели не доверять»*.

Как полагает Роберт Патнэм, с 1960-х годов социальный капитал подвержен эрозии. Согласно этому автору, членство в ассоциациях и объединениях гражданского общества в США радикально сокращается, и в итоге мирное и доверительное взаимодействие граждан, необходимое для функционирования демократии, может оказаться под угрозой**. Рассуждая в том же ключе, Фрэнсис Фукуяма в 1995 году писал: «Падение уровня доверия и открытости в США прослеживается почти в любом изменении, произошедшем со страной за последнее время: в росте числа насильственных преступлений и гражданских судебных тяжб; в разрушении традиционной структуры семьи; в упадке множества посреднических социальных структур (местных, церковных, профессиональных, клубных, благотворительных); наконец, в широко распространившемся среди американцев ощущении, что никакие общие ценности больше не связывают их между собой». Все перечисленные пороки он приписывал основанному на приоритете прав личности либерализму, который «в расширении и умножении числа таких прав двигается к своему логическому пределу, и в Америке практически не осталось ни одного сообщества, чье влияние не было бы поставлено этим расширением под вопрос»***. Позже, впрочем, Фукуяма пересмотрел это обвинительное заключение, заявив, что подмеченные им перемены стали следствием перехода от индустриального общества к «информационному обществу» и что с изменением социальной структуры происходит становление новых форм солидарности****.

У нас, в Великобритании, доверие к институтам, вне всякого сомнения, снижается. К 1990-м годам стало ясно, что публика перестала доверять многим институтам, как официальным, так и профессиональным, на которые прежде она полагалась. Как показывает Майкл Пауэр, и органы власти, и простые граждане все менее доверяют госслужащим и пытаются контролировать их деятельность, обращаясь к различным инспекциям, аудитам и проверке показателей. Как результат, в стране появилось больше перегруженных работой учителей и деморализованных работников социального обеспечения; люди с меньшей охотой помогают полиции; растет популярность частного здравоохранения и так далее*****. Все эти особенности сполна проявились в годы Тэтчер, Мейджора и Блэра: возглавляемые ими правительства широко практиковали замену предоставляемых государст-

* *Cum. no: Knowles E. (Ed.). Oxford Dictionary of Quotations. 6th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2004. — P. 425.*

** *См.: Putnam R.D. Op. cit.*

*** *Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. — London: Penguin, 1996. — P. 10–11. [Русский перевод: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2006.]*

**** *См.: Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. — London: Profile Books, 1999. [Русский перевод: Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М.: АСТ, 2008.]*

***** *См.: Power M. The Audit Society: Rituals of Verification. — Oxford: Oxford University Press, 1997.*

венными структурами услуг услугами частных фирм, работающих по контракту с властями. Обнаружив, что эта система функционирует не столь эффективно, правительство, по словам Саймона Дженкинса, «наняло еще больше чиновников, чтобы контролировать все большее число других чиновников, поскольку оно не доверяет в этом деле только лишь народу»*.

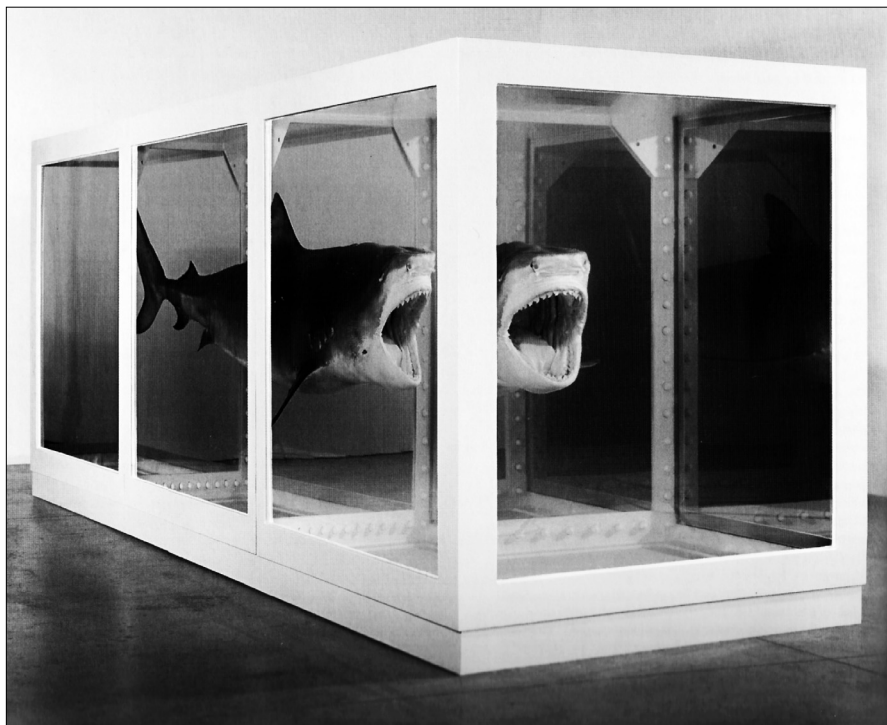
Подобный контроль обычно предполагает проверку выполнения установленных норм. Но нормативы обуславливают поведение, нацеленное лишь на то, чтобы выполнить некие показатели, а не усовершенствовать саму деятельность. Доктора, освобождая больничные койки в срок, выписывают пациентов раньше времени. Университетские работники втискивают свои исследовательские проекты в удобоваримые пятилетние блоки, которые легко оценить. Полицейские раскрывают все меньше преступлений, поскольку бумажная работа, которая сопровождает задержание и арест подозреваемых, слишком обременительна. Социальные служащие, вместо того чтобы встречаться со своими подопечными, большую часть рабочего времени проводят перед компьютерами, подготавливая детальные отчеты о своей деятельности. Время личного взаимодействия с заинтересованными лицами неумолимо сжимается, отчего тает и взаимное доверие, которое могло бы сделать профессиональные контакты более плодотворными. Нормативы устанавливаются потому, что они легко поддаются учету, а не для того чтобы адекватно отражать личностные или профессиональные достижения. Теоретически подотчетность предназначена для широкой публики, но на практике она нужна регулирующим органам, чиновникам, государственным министерствам. Общественность, в свою очередь, догадывается, как обстоит дело в действительности, и в итоге доверие к госслужащим, вместо того чтобы повышаться, еще более падает**.

Способы, с помощью которых мы получаем информацию о публичной жизни, усугубляют недоверие. В современной Великобритании журналистам доверяют меньше, чем представителям прочих профессиональных групп***. За исключением некоторых достойных уважения примеров, работники наших СМИ более не утруждают себя всесторонним и глубоким изучением предмета, а также его сбалансированной интерпретацией, ибо такая скрупулезность не приносит выгод, а порой даже снижает тиражи. Вместо этого они сосредоточиваются на сюжетах, благодаря которым газеты расхватываются на улицах, и взвинчиваются рейтинги телеканалов на моде, деньгах, собст-

* *Jenkins S. Thatcher and Sons: A Revolution in Three Acts. — London: Allen Lane, 2006. — P. 339–340. Дженкинс утверждает, что демократия может основываться только на многоярусной автономии — на людях, доверяющих людям, которые доверяют другим людям, на иерархии доверия. Только так мы позволяем другим выносить суждения о нас и полагаться на нас.*

** *O'Neill O. Called to Account // A Question of Trust (BBC Reith Lecture, 2002). — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 41–60.*

*** *См.: MORI. Trust in the Professions: Veracity Index (www.ipsos-mori.com/research-publications/researcharchive/poll.aspx?oItemId=2478), 2 October 2009.*

Дамьен Хёрст. Физическая невозможность смерти в сознании живого. 1991

венности, еде, любовных делах знаменитостей. В политических разделах серьезные и сложные вопросы сведены к минимуму и вытеснены на задний план, уступая историям склок, ссор, скандалов, похождениям эксцентричных персоналий и кричащим новостям. Насилие продается лучше нудных переговоров или бесконечно обсуждаемых компромиссов, и поэтому в борьбе за привлечение внимания СМИ у террористов всегда есть неоспоримое преимущество.

В результате подрывается общественное доверие не только к журналистам, но и к политикам, а вера в возможность мирного разрешения конфликтов расшатывается. У читателя или зрителя складывается впечатление, что мир населен политическими спекулянтами, фанатиками и убийцами, — взгляд, который, по словам Майкла Игнатьева, «легитимирует одно из самых опасных культурных настроений современности: чувство того, что мир слишком безумен, чтобы заслуживать серьезных размышлений»*. Доверие к верховенству права и демократическому процессу ослабляется.

Политики, в свою очередь, отчаянно борются за внимание прессы и высокие рейтинги популярности; над ними довлеет необходимость представлять политические программы таким образом, чтобы те незамедлительно привлекали внимание и предлагали абсолютные решения. А если последующие результаты разочаровывают, люди теряют

* Цит. no: Lloyd J. *What the Media Are Doing to Our Politics*. — London: Constable, 2004. — P. 183.

интерес к политикам и, хуже того, перестает доверять им. По существу, «именно СМИ решили... что политика — это грязная игра, которой занимаются лицемерные люди, распространяющие ложь о мире и обманывающие британский народ»*. Осознавая эту ситуацию, но не зная, как ее разрешить, политики постоянно призывают народ к доверию. В современной политической риторике это одна из самых устойчивых тем**.

В некоторых случаях недоверие обнаруживает себя все более явно. Для снижения преступности британские власти разместили на улицах, в магазинах и других общественных местах такое количество камер слежения, что теперь на каждую дюжину граждан у нас приходится одна камера. Великобританию называют «самым просматриваемым обществом в мире»***. Министерство внутренних дел ввело проверку криминального прошлого и обязательную платную регистрацию в Независимом управлении защиты лиц, желающих работать «в системе здравоохранения, с детьми или требующими попечения взрослыми», а также «взаимодействующих с детскими учреждениями» или намеревающихся быть «опекунами, нянями, приемными родителями»****. В ответ на это требование детский писатель Энтони Горовиц заявил, что он прекращает чтение своих произведений в школах. «Фактически, меня просят ежегодно платить 64 фунта за доказательство того, что я не педофил, — язвительно рассуждает он. — После трех десятилетий культурной работы, писания детских книг и общения с школьниками я нахожу это просто оскорбительным». Ему вторит другой детский автор, Филип Пулман: «Подобные требования укрепляют культуру подозрительности, страха и недоверия, и без того пропитавшую современное общество. Они приучают детей видеть в каждом взрослом потенциального убийцу или насильника»*****.

Самый серьезный удар по общественному доверию был нанесен в 2007–2009 годах, когда выяснилось, что наши крупнейшие банки оказались на грани краха, погрязнув в непомерных долгах, а наши парламентарии мошенничают с расходами на свою деятельность, обеспечивая себе такой стиль жизни, о котором избиратели могут только мечтать. Если второй из упомянутых скандалов касается только Великобритании, первый вверг буквально всю глобальную экономику в рецессию, из которой она не может выбраться до сих пор. Эта вереница кризисов запечатлела то, что происходит с обществом, утратившим доверие. Но прежде чем делать какие-то позитивные рекомендации по преодолению нынешнего положения вещей, важно выяснить, где и почему произошел сбой.

* *Ibid.* P. 20.

** См.: Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad.* — New York: Norton, 2007. — P. 199–238. [Русский перевод: Закария Ф. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами.* — М.: Ладомир, 2004.]

*** Seldon A., Khatri K. *Trust: How We Lost It and How to Get It Back.* — London: Biteback Publishing, 2009. — P. 45, 132–133.

**** См.: www.crb.gov.uk/using_the_website/-applicant.

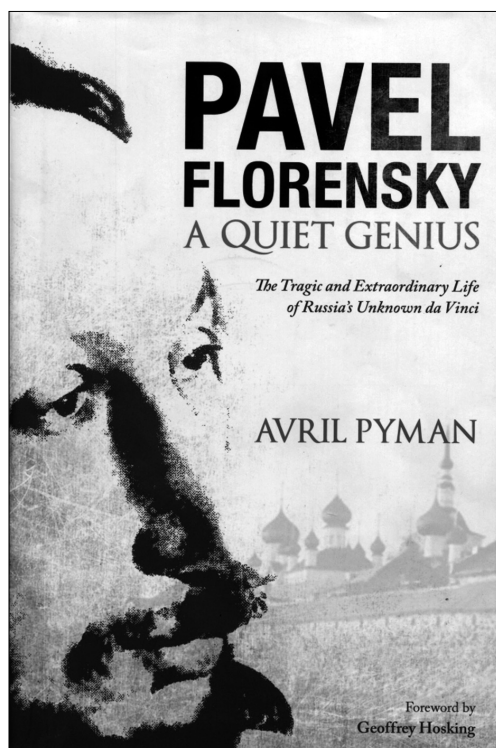
***** Цит. no: Green C. *Authors Boycott Schools over Sex-offence Register // The Independent, Education Section.* 16 July 2009.

Тихий гений

Avril Pyman. **Pavel Florensky: A Quiet Genius.** The Tragic and Extraordinary Life of Russia's Unknown Da Vinci. *New York and London: Continuum, 2010. — 304 p.*

Священника Павла Флоренского можно отнести к тем многочисленным персонажам русской религиозной культуры, интерес к которым, бурно воспламенившись в годы горбачевской перестройки, столь же резко угас в период путинского застоя. Причины внезапного поворота от любви к равнодушию вполне очевидны. Сегодня, когда Русская православная церковь превращается в новую опору государства, ее герои перестали воодушевлять либеральную интеллигенцию, с растущей тревогой наблюдающую за подъемом отечественного клерикализма. Что же касается нынешней власти, то в когорте излюбленных ею религиозных мыслителей конца XIX — начала XX столетия возобладали прежде всего охранители типа Ивана Ильина. Так и получилось, что и Флоренский, и его единомышленники, мечтавшие на заре прошлого века об обновлении государства и очищении церкви, в наши дни мало кого задевают. Но справедливо ли это?

Новая биография Павла Флоренского, которую написала Аврил Пайман, специалист по русской культуре и член Британской академии, вдова русского художника и скульптора Кирилла Соколова (1930–2004), была с энтузиазмом встречена за рубежом. Кстати, эта исследовательница уже известна рос-

сийскому читателю благодаря переводам ее работ «История русского символизма» (М.: Республика, 1998) и «Ангел и камень: жизнь Александра Блока» (М.: Наука, 2005). Не исключено, что со временем перевода удостоится и эта биография «русского Леонардо» — именно так принято называть Флоренского в кругу его почитателей.

По нынешним временам интеллектуальную эволюцию героя этой книги следует признать довольно странной. Флоренский пришел в богословие из математики, усмотрев в магии чисел и формул десницу Божию. И с этой точки зрения его можно считать пред-

ставителем той интеллектуальной культуры, которой не только больше нет, но уже никогда и не будет. Но если такой личностный путь был по-настоящему неординарен, то в социальном отношении, к большому сожалению, «тихий гений» и его единомышленники оказались отнюдь не новаторами. Ведь они просто повторили историю весьма тривиального для России провала, в очередной раз доказав, что всякие попытки реформировать, видоизменить, осовременить Русскую православную церковь — заранее обречены на неудачу, ибо этот институт в принципе не поддается обновлению, затягивая в косность и ретроградство всю русскую жизнь. Флоренский искренне думал, что Новая Церковь возможна; но организация, которой он всецело вверил себя, до самого своего разгрома большевиками поддерживала реакционно-консервативный режим, живший идеями позавчерашнего дня и усиленно подмораживавший Россию — «чтобы она не гнила», как метафорично выразился один из его идеологов.

Кстати, проблема исторической ответственности Русской православной церкви за бесчинства, учиненные большевиками, до сих пор не только не решена, но и не поставлена. Флоренский, несмотря на всю свою разностороннюю гениальность, так и не смог к ней подступиться: будучи верным сыном церкви, он — как и многие другие духовные лица — за ее исторические

ошибки расплатился собственной жизнью. Но фундаментальная тема остается: альянс «старого режима» и православия, до последнего сопротивлявшийся приходу современности, довел Россию до того состояния, когда революционный взрыв стал неизбежным. И он действительно произошел, вдребезги разнеся прежнее государство и на несколько десятилетий почти начисто изгнав религию из русской жизни. Причем, парадоксальным образом, за сто лет, прошедших с 1917 года, в этой диспозиции мало что изменилось. Интересно, что сказал бы Флоренский, наблюдая нынешнее трогательное единение государственного аппарата с церковниками? Воодушевил бы его новый триумф православной веры? Я совсем не уверен в этом.

В предисловии автор пишет, что жизнь Флоренского полна безответных вопросов. Это действительно так: там есть с чем разбираться и что выяснять. Но сама публикация подобных книг стимулирует размышление, ведь персонажи такого масштаба тем и интересны, что неотделимы от своей эпохи, и, следовательно, их время и их мысли неотделимы от наших дней и наших размышлений. А раз так, уместно выразить признательность именитой британской исследовательнице, которая в очередной раз обратила наше внимание на перипетии нашей же духовной, культурной, политической истории.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Альтернативы регионального развития (Шабунинские чтения): материалы I Международной научно-практической конференции, Волгоград, 8 — 9 окт. 2010 г. / редкол.: Д.В. Грушевский (отв. ред.) [и др.]. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — 342 с.

Коммерческое название рецензируемого издания могло бы звучать как «Настольная книга вождя-либерала». Два несовместимых, альтернативных, на первый взгляд, понятия — «вождизм» и «либерализм» — легко сочетаются. В России, где свобода и ответственность медленно, с переменным успехом приживаются как общепризнанные категории институционального строительства, либерализм произрастает в точках, где вожди осознают его как ценность.

Международная конференция «Альтернативы регионального развития», благодаря которой появилась на свет эта книга, и предисловие к ней — «Регионализм как убеждение и ценность» — посвящены одному из таких просвещенных правителей — И.П. Шабунину (1935—2006) — государственному деятелю и ученому. В управлении он исповедовал принцип: главное в деятельности руководителя — не мешать людям работать: проявлять инициативу, генерировать идеи, творить. Он работал на руководящих должностях в АПК, главой администрации Волгоградской области (1991—1996), первым заместителем исполнительного секретаря СНГ, оставив наследие в виде статей, речей и идей. Его главные принципы — свобода и ответственность. Свобода, утверждал он, невозможна без умения делать выбор из множества альтернативных идей, проектов и решений, учета максимального разнообразия точек зрения и практик. Поэтому слово, красная нитью проходящее через все тексты издания, именно «альтернативы». Альтернативы, как умение спорить, смотреть на процессы и явления с разных, неожиданных сторон и ежесекундно совершать выбор. Идеология конференции и собственно издания определена в концепции проекта: создать коммуникацию между региональными элитами — людьми, генерирующими идеи и принимающими решения*.

По мнению ряда авторов издания, эволюционно реформировать сложившуюся систему, строя в регионах институты саморазвития и саморегулирования, возможно только путем осознанного решительного действия, на что способны исключительно вожди, имеющие, в то же

* www.shabunin.info

время, мужество уходить с политических и административных постов в результате ротации, прозрачных демократических процедур, не поддаваясь искушению властью.

Впрочем, в книге можно встретить и другую точку зрения: система реформируется только тогда, когда критическая масса образованных и активных сограждан научится сотрудничать, объединяться, контролировать власть, компетентно задавая ей вопросы, требуя от нее ответов и действий.

Авторы опубликованных в издании докладов смотрят на регионы, как правило, не из столиц, а из других регионов. И зачастую смотрят на столицы с точки зрения полезности последних для провинциального человечества. И это тоже — альтернативная точка зрения.

Удача издания и предшествующей ему конференции, собственно, и в том, что представители четырех социальных групп — науки, бизнеса, публичного (государственного и муниципального) управления и НКО — не отрицают необходимости радикальных реформ по децентрализации и перераспределению власти, говорят на одном языке, с разных сторон высвечивая и различными способами решая проблемы сообществ. Среди авторов — основатель автобусного производства «Волжанин» бизнесмен Анатолий Бакулин, журналист Ульрике Бутмалою (U. Butmaloiu), экономисты Дмитрий Грушевский и Баграт Ерзнкян, публицист Андрей Захаров, руководитель Федерации автовладельцев России (ФАР) Сергей Канаев, адвокат Михаил Карташов, профессор права НИУ ВШЭ Владимир Мазаев, основатель первого в России негосударственного пенсионного фонда Александр Морозов, социолог Александр Согомонов и другие.

Логика построения книги — от общего к частному. Сначала раскрываются основные принципы построения децентрализованных систем, способствующие пространственному развитию и росту инициатив (Д.В. Грушевский, А.А. Захаров, А.А. Меншиков). Затем рассматриваются такие определяющие развитие регионов факторы, как состояние гражданского общества (С.В. Вальков, М.А. Карташов, М.Б. Чижевская), региональные стратегии (О.Г. Горшков, Е.Г. Гущина, И.А. Иванюк), потенциал региональных финансовых систем (Л.Н. Бондаренко, В.Н. Живалов, А.Н. Сидоренко-Мельник), кадровое обеспечение модернизации (А.И. Половинкин, А.С. Растегаев, Н.К. Фигуровская) и среда обитания (О.В. Олейникова, Л.А. Астанина, С.А. Тимофеева).

Тексты издания развивают синтетическое направление Regional Science, идеологом которого в конце 50-х годов XX в. стал Уолтер Айзард (W. Isard). В данной парадигме территории изучаются как целостные системы экономистами, географами, культурологами, юристами, лингвистами, этнографами, архитекторами и т.д. Их, на фундаменте междисциплинарного подхода, объединяет общий многоаспектный объект исследований — регионы — условно ограниченные территории, выделенные по какому-либо признаку из пространства.

Под одной обложкой собраны материалы, посвященные как методологическим аспектам построения децентрализованных систем, так и конкретным примерам успешных стратегий регионов планеты. В то же время в большинстве текстов — фокусировка на Россию. Складывающаяся во время чтения картинка противоречит общепринятому восприятию нашей страны как особого неисправимого пространства, где публичные персоны живут не своим умом, а исключительно в процессе улавливания сигналов из столицы — в надежде синхронизировать свои поступки с установками кремлевского тандема. Либо в попытке замаскировать свои действия или бездействия под выполнение данных установок. В сборнике материалов конференции — успешные примеры региональных инициатив в области экономики (Б.А. Ерзнкян, Ф.Ю. Луковцев, Б.Т. Изаршев), культуры (Т.В. Гафар, А.Ю. Согомонов, Е.А. Рукавишникова), пространственного развития (Д.Г. Горин, Э.А. Кобина, С.С. Мишуров), общественного самоуправления (В.А. Горбатин, Ю.В. Межуев, И.В. Стадников) и общественной экспертизы (С.В. Канаев, О.А. Сперанская, Е.А. Васильева).

В качестве минуса можно отметить, что ряд авторов ограничивается тезисным изложением идей, не раскрывая алгоритмов и механизмов их реализации. Но это не портит общего впечатления от издания. Как собрание идей и практик оно гармонично, последовательно и вселяет оптимизм и веру в будущее России и мира.

Децентрализация принятия решений в большинстве текстов книги понимается так, как ее трактовал И.П. Шабунин: технология и практика освобождения индивидов и территорий от матрицы столичного и, в частности, государственного патронажа, законодательной зарегулированности в целях раскрытия их творческого, модернизационного потенциала*.

Суть метода хорошо иллюстрирует цитата: «В ряде стран при комплектовании авиационных экипажей инструкциями запрещено работать вместе людям с одинаковым типом темперамента (например, двум холерикам или двум сангвиникам). Для чего это делается? Чтобы в критических ситуациях члены экипажа не совершали одинаковых ошибок. Этим же целям служат федерализм и многопартийность (в политических системах), конкуренция (в политических и экономических системах), бизнес-кластер как локальное пространственное образование. Главное — понять и принять, что конкуренция и кооперация (солидарность, сотрудничество) — две стороны одной медали, необходимые условия устойчивого во времени существования и адаптивности любых... систем» (с. 36).

Если сказанное в семидесяти одном докладе международной конференции «Альтернативы регионального развития» изложить в трех абзацах, то резюме может выглядеть так. Во-первых, в ряде регионов России и мира сложились самодостаточные элиты, способные

* Публичная лекция в Волгоградском государственном университете, 12 января 2000 г.

самостоятельно принимать решения, воплощать их в жизнь и нести за них ответственность перед сообществом без идейного патронажа столиц. В ведении центральных правительств они готовы оставить вопросы обороны, внешней политики, роль арбитра в спорах территорий (инструментарий федерализма), хозяйствующих субъектов (антимонопольная политика) и собственно элит (инструментарий демократии). При этом, во-первых, базисом споров и примирений должны быть коллегиально выработанные ими правила игры. Во-вторых, истина коммуникативна. Она не может быть произведена в одной точке и рождается на пересечении силовых линий пространства, формируемых разнообразием культур, традиций, социальных практик, экономических стратегий и укладов. Именно в этих точках возникает подавляющее большинство социальных и технологических инноваций. В третьих, Россия как интегратор регионов может быть успешна, только приняв парадигму «развитие через разнообразие», когда горизонтальные связи, образованные по принципу дополнительности между территориями с различными специализациями, культурами и экосистемами доминируют над вертикальными — с их логикой унификации и минимизации региональных инициатив.

Современная политическая наука группирует территории, в том числе с точки зрения качества публичного управления, именно по признаку децентрализации. Есть страны, которые, опередив мир или поняв дух времени, создали эффективные децентрализованные системы (США, Германия, Швейцария)*: страны, проводящие децентрализацию ускоренными темпами (Испания, Польша, Китай), и страны, осознавшие необходимость перемен, но пытающиеся выйти за рамки привычного неторопливо, совершая ошибки, по алгоритму «шаг вперед, два назад» (Россия, Франция).

В целом книга дает ответы как минимум на четыре вопроса повестки дня современной России. Что есть модернизация? Кто и что ей мешает? Что нужно делать для того, чтобы модернизация состоялась? И какой должна быть модернизация, чтобы она была признана лучшими, активными, творческими гражданами страны?

*Елена Шатохина,
председатель правления Волгоградского центра поддержки НКО,
выпускник МШПИ 2009 г.*

* В качестве децентрализованного макрорегиона часто рассматривается ЕС.

Две парадигмы в контексте русской мысли

1

В истории русской мысли давно была замечена внутренняя взаимосвязь течений, определявших идейные горизонты российского бытия вот уже более последних двух веков. Когда говорят об укладе жизни, реформах, интеллигенции, об отношении к европейской культуре, о национальном своеобразии, то речь идет обычно о русском консерватизме, либерализме, народничестве, социал-демократии и т.д. Если же быть точнее и применить существо этих идей к разным эпохам русской истории, то вырисовываются две парадигмы — два основных течения политософской, философско-литературной и общественной мысли, которые С.Л. Франк назвал религиозно-мистическим и социально-радикальным. Такого рода определения он предложил в лекциях «Два течения в русской мысли», «Русская духовная культура», «Религиозное начало в русской мысли», «Кризис мирозерцания и судьба России», «Чаадаев» и др.* Франк в 1920–1930-е годы регулярно выступал перед слушателями Русского научного института, Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Берлине, читал курс немецким студентам Берлинского университета, много ездил с докладами по европейским странам. Известно, что русский философ помогал разрабатывать идеологию РСХД, его задачи. Он искренне хотел помочь молодым людям, оторванным от родной почвы, найти опору в духовной жизни и читал им духовно-нравственные и историко-философские лекции.

*Алексей Гапоненков,
доктор филологических наук
(Саратов)*

* См.: BAR. Ms. Coll / S.L. Frank. Box 12. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Черновые автографы. Работа с рукописями С.Л. Франка осуществлялась мною в рамках Программы Фулбрайт в 2002–2003 гг. Конспекты лекций Франка, цитируемые в настоящей статье, не опубликованы и готовятся мною к печати в составе второго тома сборника «Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания». Первый том: Франк С. Непрочитанное... — М.: МШПИ, 2001.

Краткие конспекты многих лекций случайно сохранились, и мы имеем возможность восстановить систему рассуждений Франка, обосновавшего в историческом срезе «внутреннюю связь идей», глубинным образом повлиявших на русскую жизнь и национальное самосознание, судьбу России.

История русской мысли полна искажений и нуждается в новом изучении, считал Франк. После Первой мировой войны, революционных событий и «крушения кумиров», казалось, прежние идеалы, а с ними и устаревшие концепции, методы гуманитарных наук должны быть пересмотрены, дополнены новыми реалиями и вопросами. Но глубочайшая умственная работа, проделанная духовным ренессансом начала века, уже принесла свои плоды для наметившегося духовно-исторического осмысления пережитой эпохи. Вышедший в 1909 году сборник статей «Вехи» был средоточием, «узлом», «рубикомом», после которого намного отчетливее проявились противоречия атеистического и религиозного мировоззрений, в новых исторических условиях произошло «окончательное опознание противоположности» двух названных течений. (*Русская духовная культура*. Лист 1.) Франк наметил главные вехи исторического противоборства двух течений, осознавая их правоту и ложность на примере индивидуальных судеб. Особенностью русского исторического пути, отмечал он, была борьба, как незримая, так и открытая, между апологетами подлинной веры и «атеистической религии», бунтарства, приверженцами сложившегося государства, церкви и столпами радикальных перемен, нового социального переустройства.

2

В XVIII веке Россия стремительно приобщается к светской европейской культуре, испытывает сильнейшее влияние Запада. Усиленная с петровских реформ *секуляризация* (внутренняя, как потребность души, и внешняя) приводит к новой национальной идеологии, возникновению умственных течений, независимых от церковных установок православия. Позиция «чистого гуманизма», который стал «ядром новой идеологии»*, внецерковной, замешанной на «естественном праве», выражена А. Н. Радищевым в посвящении к «Путешествию из Петербурга в Москву»: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». В русской жизни с большими трудностями и издержками утверждалась, в сущности, простая истина: один человек не может иметь право угнетать другого.

В это же историческое время гуманист Н.И. Новиков «бичевал» в сатирических журналах *нравы и пороки* общества. Объекты сатиры выдающегося просветителя — безделье дворянина, жестокость помещиков, правительственная бюрократия, вельможные дельцы, щеголи... Натурфилософ, профессор Московского университета И.Г. Шварц (сподвижник Новикова) боролся с «французским духом» в среде аристократии и вместо сочинений атеистов и материалистов предлагал читать Библию. Оба видели идеал в разумном и добродетельном начале свободной личности. Масонство удовлетворяло эти запросы, активно влияя на выработку мировоззрения, в центре которого были религиозно-философские и моральные темы. Среди русских «вольтерьянцев» зарождается идейный

* В.В. Зеньковский. *История русской философии*. — Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. — С. 94. Ср.: «В центре русского гуманизма навсегда ставится с этого времени социальная проблема — проблема водворения подлинной человечности в жизненных отношениях». (Там же, с. 95.)

и политический радикализм и нигилизм, но уже с середины 1770-х годов возобладали мистицизм и религиозные искания. В статье «Александр Радищев» Пушкин, говоря о масонстве, отмечал: «Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия...».

Выводы о том, что зло царит в российских учреждениях, официальной церкви, и их установления надо идейно расшатывать, стремиться к «истинному просвещению» и прогрессу, породили не менее радикальный отпор и обвинения со стороны царской власти, особенно после пугачевского восстания и французской революции.

При этом крайние оценки соседствовали с умеренными суждениями, вполне благожелательными. Находя точки схождения противоположных течений мысли, Франк останавливается, в частности, на отзыве митрополита Московского Платона о Новикове в письме к императрице: «Я одоляюсь по совести и сану моему донести Тебе, что молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и Тобой мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков»*. При всех острых политических разногласиях (митрополит Платон высказывался во время возбужденного против Новикова дела) общество и правящая элита, в том числе и церковные деятели, как будто «смотрят одинаково» (*Два течения в русской мысли*. Л. 1), еще живут в едином культурном пространстве европейского Просвещения. В образованном слое общества причудливо сочетаются французский энциклопедизм и

розенкрейцерство, статьи из «Энциклопедии» и книга Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» (русский перевод 1785 г.).

3

В XIX веке особенно заметным становится феномен «внутренней связи идей» двух направлений религиозно-общественной мысли. Биографии крупнейших русских писателей и философов свидетельствуют, что это была не просто «эволюция взглядов», но отказ от пережитых истин (Достоевский до и после каторги). Франк приводит на этот счет несколько убедительных примеров: «Чаадаев в молодости радикал, Герцен — верующий, Бакунин и Белинский — метафизики, Достоевский — петрашевец, Добролюбов — верующий, Вл. Соловьев — неверующий. — Новейший идеализм и религ<иозная> мысль из марксизма» (*Два течения...*).

Столетие со дня публикации первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева и 75-летие его смерти (умер в 1856 г.) прошли в Русском зарубежье почти незамеченными. Франк прочитал лекцию об этом мыслителе как о «родоначальнике всего умственного движения» XIX века. (Чаадаев. Конспект лекции. Л. 1.) Чаадаева принято считать автором концепции философии русской истории, предтечей спора между славянофилами и западниками. Обычно упоминают его беспощадно критическое, честное и искреннее отношение к России и русской истории. Но это было тогда весьма распространенное чувство среди молодых радикалов (П.А. Вяземский, Н.И. Тургенев, В.С. Печерин, А.И. Герцен): «Горечь и муки духовного пробуждения и

* Платон (Левшин), митр. «Из глубины возвах к Тебе, Господи...»: автобиография, избранные проповеди, письма. — М., 1996.

сознание *трагического* в судьбе России». (Там же.)

По поводу революционных событий в Испании Чаадаев восклицал: «Нет, я предпочитаю промолчать; ведь уже теперь толкуют, что я демагог! дураки! они не знают, что тот, кто презирает мир, не думает о его исправлении»*. Известно его отрицательное отношение к декабристам. Франк называет Чаадаева «первым и редким типом *консерватора* в философском смысле слова — не в смысле желания возврата назад, а в понимании значения *традиции* в культурно-развитии». (Чаадаев. Л. 2.) На отсутствие традиций в России указывал Чаадаев в первом «Философическом письме». Ему принадлежат мысли о судьбе России и человечества, европейской культуры. В ней он видит религиозную основу и, ратуя за творческое христианство, понимает его «не как субъективную веру, а как космическую силу, все объединяющую». (Там же.) Франк заостряет внимание слушателей на «широте религиозных воззрений Чаадаева».

В «Апологии сумасшедшего» и в позднейших письмах Чаадаев по-новому смотрит на свой историософский анализ, считает отсутствие культуры в прошлом «не только бедствием, а преимуществом»: России можно использовать плоды европеизации, иметь свободу выбора. И на этом витке мысли Франк характеризует «чуждого славянофильских восхвалений прошлого» Чаадаева как «родоначальника *славянофильско-народнической* концепции о привилегированном положении России, не знавшей западного развития». Так, социально-

экономические идеи Герцена об общине и социализме были задолго до него подготовлены Чаадаевым.

Позднейший вопрос русской мысли об объединении христианских церквей также восходит к «басманному философу»**. Франк поясняет: «Новый взгляд на западное и восточное христианство — западное социально, восточное — аскетично и блюдет чистоту веры; нужно объединение обоих начал. — Буквально так у Вл. Соловьева. Это — опасная точка зрения. Доля правды рискует утонуть в самолюбовании. — Во всяком случае, истинный патриотизм, полный благородного и смелого признания недостатков». Чаадаев в лекции Франка предстает блестящим мыслителем, прошедшим через радикализм, «*социальный мистицизм*» (М. Гершензон), к широкому спектру религиозных воззрений.

4

Исключительное место Достоевского в русской мысли было глубоко прояснено русскими религиозными мыслителями первой половины XX века. Достоевский, его образы и мысли, прозрения были аргументом в размышлениях философов о судьбе России, о русской истории, о человеке, о Боге и о Христе. Аргумент — сильнодействующий, аргумент — свидетельство.

С. Франк обратился к Достоевскому в эмиграции. Философа привлекла концепция *христианского гуманизма* писателя. Франк выделял центральную тему его творчества — «истинное подлинное существо человеческой личности»***. Помещая проблему человека у Достоевского в широкий срез европей-

* Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. — М., 1991. Т.2. — С.12. Письмо М.Я. Чаадаеву от 25 марта 1820 года.

** Вернувшись в Россию в 1825 году, Чаадаев поселился на Новой Басманной улице в доме друзей Левашевых. (Прим. ред.)

*** Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма. (К 50-летию дня смерти Достоевского) // Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. — СПб., 1996. — С. 361.

ской философской мысли, в процесс, который осознан как «кризис гуманизма», Франк утверждал, что Достоевский острее всего «пережил» этот кризис и «сумел по-своему, на совершенно новых путях, преодолеть его». Достоевский показал и полный «распад личности», и обычные пороки, и патологические потенции человека. Писатель не отступил от признания человеческой вины, подчеркнул этический момент «оскорбленного чувства человеческого достоинства»*. Личность Достоевский художественно прозревал вовсе не в изначально «мнимом совершенстве, а лишь в свободном движении через все соблазны и падения к совершенствованию»**.

Русские религиозные философы преклонялись перед «даром свободы», этой таинственной глубиной человека, открытой в русской жизни Достоевским. Франк назвал ее вслед за писателем «чудом свободы»: «Существо этого момента в качестве как бы общего субстрата душевного бытия глубоко ощущал во всей его значительности и ярко изображал Достоевский»***. По словам сына Франка Виктора Семеновича, переводчика статьи отца «Легенда о Великом Инквизиторе», ее смысл «можно понимать как критику демонического характера как коммунистической, так и нацистской диктатуры»****.

Франк признавал реальности душевного и духовного конкретными и живыми и видел в их соотношении «трансрациональное единство раздельности и взаимопроникновения», которое «по-

знается опытно в том <...> что — как это особенно убедительно показывает Достоевский — всюду, где человек пытается замкнуться от трансцендентной реальности, жить только в себе и из себя одного, силой своего субъективного произвола, он именно в силу этого гибнет, становясь рабом и игрушкой трансцендентных сил — именно темных губительных сил»*****. Другая форма постижения духовной реальности, по Франку, когда «наша душа добровольно раскрыта для мирного соприкосновения с трансцендентным», которое становится глубоко сродным, имманентным человеку. Сердце его «на обоих путях» становится «полем битвы» между дьяволом и Богом.

Подводя итог своим размышлениям о Достоевском, Франк писал: «Все, даже самые идеальные, мерил добра, правды и разума меркнут перед величием самой онтологической реальности человеческого существа. Этим определена глубокая, трогательная человечность нравственного мирозерцания Достоевского. Можно сказать, что Достоевскому в сущности впервые удался настоящий подлинный гуманизм — просто потому, что это есть христианский гуманизм (выделено мной. — А.Г.), который во всяком, даже падшем и низменном человеке видит человека как образ Божий»*****. По сравнению с более отвлеченным гуманизмом, о котором говорил Франк в сборнике «Вехи», такое восприятие гуманизма через призму христианской веры явилось новым для философа и необычайно жизненным.

* Там же.

** Франк С.Л. Вера Достоевского // Руль. 8 февраля 1931. № 3102. С. 3.

*** Франк С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова. — М., 1990. — С. 337.

**** Вестник РСХД. — Париж, 1976, № 117. — С. 102.

***** Франк С.Л. Непостижимое... с. 405.

***** Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма... с. 366.

Ближайшие соратники Франка П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев прошли через марксистские идеи и составили костяк нового культурного ренессанса, религиозной философии в России. В изгнании они вновь оценивали сделанное в «Вехах». Вспоминая под конец жизни о своей веховской статье, Франк назвал «туманным термином» свой призыв к «*религиозно-гуманизму*». Более отчетливо и внятно, как ему казалось, это же выразил С.Н. Булгаков: «идеал христианской святости»*.

5

Не менее уникален в русской мысли феномен *близости течений*, имевших одну религиозно-философскую основу и разность общественно-политических устремлений. Широко известны слова Герцена о славянофилах и западниках, о том, что они «как Янус смотрели в разные стороны, в то время, как *сердце билось одно*». Кружок Н.В. Станкевича и кружок А.И. Герцена и Н.П. Огарева были близки составом участников, программой «эстетического гуманизма», секулярной религиозностью, однако выражали разные социально-политические взгляды. Из кружка Станкевича вышли М.А. Бакунин и В.Г. Белинский. Анархист Бакунин воспринял многие идеи славянофилов (мессианизм) и стал радикалом из религиозных потребностей души. Франк напоминает о «*бессознательной религиозности русского атеизма*». (*Русская духовная культура*. Л.1.) Белинский, Герцен, Добролюбов искали Божию правду бессознательно, в то время как общественные искания Чаадаева, славянофилов, Достоевского

питались «идеями обожения, преобразования мира». (Там же.) Западник Герцен, порвав с православной церковью, поддержал *мир* крестьянской общины.

Судьба Герцена волновала Франка с юношеской поры. На страницах «Дневника» молодой человек приводил в пример эволюцию этого писателя и мыслителя: «Проблема крепостного права и увлечение делами Европы выдвинуло социальный вопрос и заглушило вопрос п<олитиче>ский. Пример *Герцена* — он в своих убеждениях и в их эволюции — типичнее всего отражает это. По натуре он — страстный и природный *либерал*, живущий не для народа и его материальных благ, а для торжества свободы, человеческого достоинства и пр.; и этот человек все же всегда был близок славянофилам, а под конец совсем ославянофилился...»**. Свидетельством этого является письмо Герцена «К старому товарищу» (1869).

Славянофилы преследовались правительством Николая I. Отчетливый славянофильский характер имела народническая мысль, преломившаяся в толстовстве, вплоть до программы партии социалистов-революционеров. Попытку возрождения философской идеи славянофилов о «народном духе» предпринял М.О. Гершензон. По его мнению, в общественном развитии после 1830–1840-х гг. возобладала рационалистическая доктрина.

Религиозные истины были забыты или искажены. *Личные* идеи, воспринятые нравственной работой сознания, глубиной чувства, уступили место *безличным* идеям, усвоенным без особых усилий воли и разума, холодным интел-

* Франк С. *Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания*. — М., 2001. — С. 456.

** С.Л. Франк. *Саратовский текст / Сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина*. — Саратов, 2006. — С. 49.

лектом. Русское общество болеет, когда мысль не рождается органически, из глубин духа — «народного духа». Теория Гершензона о личных идеях и народе как их носители вызвала решительный протест П. Б. Струве*. Фразу о народе и правительстве в первом издании «Вех» Гершензон опустил, когда переиздал веховскую статью в составе своей книги «Исторические записки» (М., 1910). Но славянофильское представление об особой праведности народа высказывал с завидным постоянством.

Наиболее последовательным борцом с народничеством был П.Б. Струве: «Культу «мужика», культу отсталости и примитивности как залога морально-общественного здоровья — толстовскому лозунгу «по-мужицки, по-дурацки, по-крестьянски, по-христиански» (в общем смысле владевшему всей русской общественной мыслью) он решительно противопоставлял... призыв к культуре»**. Франк поддержал в «Вехах» религиозное оправдание культуры, но затем разошелся со своим идейным наставником Струве в ее оценке, в понимании движущей силы русской революции — крестьянства***. В России устройство жизни мужика на базе социалистических идей вылилось в «самочинную народную волю». (*Кризис миросозерцания и судьба России. Конспект лекции.* Л. 1.) Это была, несмотря на корыстные устремления, все объективные условия и субъективные факторы, «бескорыстная вера,

порыв к какой-то объективной правде». В статье «De profundis» Франк писал: «На примере нашей судьбы мы начинаем понимать, что на Западе социализм лишь потому не оказал разрушительного влияния и даже, наоборот, в известной мере содействовал улучшению форм жизни, укреплению ее нравственных основ, что этот социализм не только извне сдерживался могучими консервативными культурными силами, но и изнутри насквозь был ими пропитан...»****.

6

«Персональная уния» двух направлений не исключает «внутренней связи идей». Радикализм, гуманизм, просветительство, панморализм уступали место «почвенничеству», религиозно обоснованию жизни, православной вере, консервативным политическим идеалам; шел и обратный процесс. Франк поясняет: «Герцен как духовный тип. — *Достоевский*: сначала — чистый гуманист, потом религиозный мыслитель, критика Белинского (смрадное явление), Бесы. И все же — Иван и Алеша — родные братья по духу; Алеша должен стать революционером. — То же у *Вл. Соловьева* (приближение к просветительству, «падение средневекового миросозерцания») и *Толстого*. Один Конст. Леонтьев исключение». (*Два течения в русской мысли.* Л. 1*****) Консерватизм Леонтьева наиболее последователен и оправдан эстетически, «он ценит

* Спор Гершензона и Струве состоялся на страницах журнала «Русская Мысль» (1909. Кн. 12). См.: Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. — М., 2004. — С. 148–150.

** Франк С. Непрочитанное... с. 565.

*** См.: Буббайер Ф. С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа, 1877–1950 / Пер. с англ. — М., 2001. — С. 157–171.

**** Франк С.Л. *De profundis // Вехи. Из глубины.* — М., 1991. — С. 484.

***** В другой лекции Франк поясняет: «Достоевский и двойственность отношения: «Бесы» и «Братья Карамазовы» (сродство Алеши и Ивана — социализм и Бог. Судьба Алеши в ненаписанной части романа)» (*Русская духовная культура.* Л. 1).

в России не народный, а государственный элемент»*. Его всегда вдохновляла «цветущая сложность», эстетическое разнообразие религиозной культуры Византийского царства, и он видел в ней настоящую традицию русской государственности.

В целом проблематику русской религиозной мысли Франк видит в едином контексте. Мысль эта «социальна», «но именно поэтому она сбивается на социальный радикализм». Франк приводит высказывание кн. Е.Н. Трубецкого о том, что новейшая русская философия есть «политическое доказательство бытия Бога». (*Два течения...* Л. 1.) Слова эти не лишены остроумия, ибо подчеркивают легковесность философских идей, замешанных на сиюминутной политической выгоде и прагматизме. Е.Н. Трубецкой, «один из самых благородных сторонников идеи христианского возрождения общественной жизни»**, искал религиозного обоснования политических идей, был трезвым реалистом в политике. В лекции «Консерватизм и радикализм» Франк различал *истинный* радикализм и *ложный*, опирающийся на отвлеченный идеализм или рационализм, отрицающий прошлое и верящий «в *самочинность* отдельного лица и поколения». Поведение радикала, когда его радикализм далек от конкретных жизненных задач, сродни блудному сыну: «Пафос *отрицания* его проникает, и хотя он имеет творческие потуги, но ему не удастся творчество, а только разрушение». Между тем в природе из корней, находящихся в почве, произрастает жизнь. Научные термины «геотропизм» и «гелиотропизм»

равно описывают влияние Земли и Солнца на особенности формирования растений. Миросозерцание (радикальное или консервативное) развивается аналогично, в процессе органического роста, на возделанной почве традиции и культуры. Франк цитирует отрывок из стихотворения Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой не даром», отмечавшего органическую связь растения и его корня как вечную мудрость природы:

*Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впиался погруженный
Темный корень их.*

Ложный радикализм неотделим от ложного консерватизма: «Казалась бы, невозможно, ибо абсолютизация противоположных моментов. Но есть глубочайшее сродство — дух небытия, призрачности в двух аспектах — *мертвой косности* и *разрушительного движения*. В идолопоклонстве и атеизме одинаково — забвение истинного Бога». (*Консерватизм и радикализм*. Л. 1.) Примерами истинного радикализма Франк считает реформу католицизма, освобождение крестьян в России, английские реформы, перемену основ миросозерцания Достоевского. «Между тем истинный консерватизм есть укорененность в прошлом как символе и выражении вечного, абсолютного. Истинный консерватизм не отнимает, а дарует свободу. Истинный консерватизм требует истинного радикализма». (Там же.)
Обозревая контекст *современных ему* политических течений, Франк находит, что они «по большей части зараже-

* Франк С.Л. *Константин Леонтьев, русский Ницше* // Франк С.Л. *Русское мировоззрение*. — СПб., 1996. — С. 417.

** Франк С.Л. *Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века: Антология* / Посмертная ред. Виктора С. Франка. — Вашингтон; Нью-Йорк, 1965. — С. 137.

ны ложным консерватизмом уже в том смысле, что остались неизменны после революции, исходят из *старого*, одинаково революционеры и контрреволюционеры, не понимают творческого характера задачи». Радикализм же их в том, что они сосредоточены на разрушении. Какова диалектика консерватизма и радикализма после революции, мировой и гражданской войны? «Если в обычное время можно длить традицию и растить новое, и естественно дифференцироваться на две партии по преобладанию, то теперь это беспредметно. Задача *возрождения*, как бы *воскресения из мертвых*. Только из последних глубин святости, только сам Бог может спасти». (Там же.)

7

Лекция Франка «Религиозное начало в русской мысли», на мой взгляд, имеет важное методологическое значение для нескольких гуманитарных дисциплин: истории русской литературы и философии, литературной критики и публицистики, истории России.

Это «живая основа» (курсив мой. — А.Г.), говорит Франк, в которой проявляются индивидуальное и национальное «я», определяющие духовное развитие общества. Русская мысль непредставима без «великой русской художественной литературы»: «Особый реализм русских — последняя правда. Это и есть религиозное начало». Далее следуют примеры: «1) *Гоголь* — не социальный сатирик, а обличитель пошлости жизни. Переписка с друзьями и религиозный кризис. 2) *Толстой* — художник и мыслитель — раздор между ними — но в обоих — искание «правды». 3) *Достоевский* — обнажение последних глубин души и

искание Бога». Этот ряд писательских имен продолжают *русские мыслители*: «1) *Чаадаев* — отвержение родины из-за ее непросвещенности. 2) *Славянофилы* — *Киреевский* и *Хомяков* — мечта о русской правде. 3) *Герцен* — разочарование в Европе. 4) *К. Леонтьев* — добро как красота и полнота жизни. 5) *Русский социализм* — *Белинский* — искание правды». (*Религиозное начало...* Конспект лекции. Л. 1.)

В тексте конспекта обнаруживаем зачеркнутые слова: «Русское понятие “правды”». Определение Михайловского». Восстановим ход мысли Франка. Теоретик народничества Н.К. Михайловский имел свое философское учение: «Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению — правде-истине, правде объективной, и в то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни»*. Помимо объективной «правды-истины» «фатального антагонизма» личности и общества Михайловский призвал видеть «правду-справедливость» в защите интересов человека.

Далее логика мысли в лекции Франка вновь возвращает к его определению «религиозного начала»: оно «не всегда совпадает с религиозной мыслью и верой. Мысли и слова о Боге — и чувство Бога», расширяя сферу приложения этих смыслов до конкретно исторического, национального масштаба. Очень интересен в этой связи предпринятый Франком анализ двух духовных типов в русской ментальности: «утвержденный в Боге» и «ищущий правды». Философ выделяет тип *русского святого* с его характеристиками «благостность, покой» и в этом видит «своеобразие русской церкви». К этому

* Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. — СПб., 1906. Т. 1. — С. V.

типу он относит литературный персонаж — Платона Каратаева («Война и мир» Л. Толстого) и «как образец» — Пушкина (см. статью философа о поэте «Светлая печаль», 1949). Другой, «динамический тип» Франк характеризует «жаждой преобразования мира», называя Достоевского, Н.Ф. Федорова. Находит он здесь место и для представителей *русского социализма*, противоречивой «атеистической религии».

Н.Ф. Федоров характеризуется Франком как автор «проектов» спасения мира, сочетавший «глубокое понимание метафизического существа христианского откровения» с «нравственно-практическим устремлением к преобразованию и преобразению мира»*. Он совершенно оригинально выражал *внутреннюю связь идей*. Радикальное решение социального вопроса за счет технического прогресса, достижений науки, задачу воскрешения умерших отцов с помощью энергии, расходуемой на рождение потомства, Федоров мыслил частью «общего дела» по осуществлению Царства Божьего на земле.

В русской истории, по Франку, произошло «превращение противоположности этих типов в разрыв между верой и религиозным бунтарством, восстанием против Бога». (*Религиозное начало...* Л. 2.) Выход из создавшейся ситуации — «задача воссоединения и гармонического сочетания онтологизма с динамизмом». (В конспекте далее зачеркнута философская дефиниция: «Онтологизм — Бог — основа бытия».) «Оба начала в отдельности грозят вырождением — второго в бесовство, первого — в мертвый индифферентизм. — Но первый есть *фундамент*». (Там же.)

Чтобы придти к гармонии двух типов, необходимо, как считает Франк, обращаясь к молодой аудитории студенче-

ского христианского движения, «осознание религиозного начала вообще». На первый взгляд, эта мысль проста и не нуждается в подтверждении. Но Франк настаивает на «неосознанности» религиозного начала в русской светской культуре, в том числе и русскими мыслителями XIX века (исключение он делает «только» для Вл. Соловьева). Об этом же можно сказать и в отношении современной ситуации.

Пример культурного «разрыва», по Франку, весьма красноречив — Пушкин и Серафим Саровский, жившие почти в одно и то же время (их встреча могла состояться в имении Болдино Нижегородской губернии). В социальной сфере этот разрыв соответствовал противоречию «между низшими и высшими классами», больше того, Франк объясняет «революцию как следствие этого разрыва и как очистительный процесс».

Несмотря на противоречия и борьбу, атеизм, переходящий в цинизм, Франк видит «неизбежность *цельной культуры*» в России. И формулирует как одну из задач русского студенческого христианского движения: «необходимость широты, универсальности, чтобы остаться верным русскому духу». (Там же.)

8

Два течения в русской мысли породили и *два столкновения* в истории русской литературы, философии и публицистики. Одно из них произошло в XIX веке — «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и его радикальные критики. В.Г. Белинский в письме, ставшем «символом веры» русского радикализма, нашел в книге «реакционный мистицизм», глубочайшие заблуждения автора.

* Франк С.Л. *Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века*, с. 49.

Герхард Рихтер. Соборная площадь в Майленде. 1968

«Выбранные места...» учили не забывать о глубокой религиозности народа (Белинский назвал его *атеистическим*), но в отличие от славянофилов Гоголь «с раздраженной резкостью отмечал противоречие между фактическим образом жизни и христианской верой и поэтому призывал к религиозному обновлению»*. Вместе с тем попытка Гоголя и славянофилов соединить в России «западническую образованность и православную духовную культуру» не увенчалась успехом. (*Русская духовная культура*. Л. 2).

Франк, особенно «после русской катастрофы», высоко оценил провозглашенный Гоголем идеал религиозного действия — «оцерковления жизни»**. Другое столкновение в начале XX столетия — сборник «Вехи» и ожесточенная критика «антивеховцев». Франк явился непосредственным участником развернувшейся газетно-журнальной полемики. Его идейным противником был Д. С. Мережковский. Франк оспаривал «религиозный революционизм»*** Мережковского, который пытался религиозно оправдать рус-

* Франк С.Л. *Религиозное сознание Гоголя* // Франк С.Л. *Русское мировоззрение*, с 307.

** Там же.

*** Франк С.Л. *О так называемом «новом религиозном сознании»* // Франк С.Л. *Философия и жизнь*. — СПб., 1910. — С. 340.

скую революцию, и защищал от его нападок сборник «Вехи»*.

У Мережковского революционная стихия соединяется со стихией религиозной, и в этом противоречивом синтезе два течения в русской мысли получают самое крайнее выражение перед катастрофой 1917 года, вплоть до сотрудничества религиозного писателя и мыслителя с партией социалистов-революционеров. На роль «религиозной общественности» Мережковский выдвигал русскую интеллигенцию. Его даже не смущали ее позитивизм и атеизм. Он прибегнул «к гипотезе или фикции, что интеллигенция еще не осознала... даже самого факта своей религиозности»**.

Мережковский обвинил участников сборника в «реакционности». Франк в полемическом ответе на напечатанный доклад о «Вехах» «Семь смиренных», прочитанный Мережковским в Религиозно-философском обществе, напомнил автору о той платформе, которая объединила веховцев: «первенство *внутренней духовной основы жизни* над внешними политическими ее формами»***.

К сожалению, предупреждение авторов сборника об «отщепенстве» *революционной интеллигенции* от религии и государства не было услышано не только Мережковским, но и образованным русским обществом.

Полемика вокруг двух событий («Выбранные места...» и «Вехи») русской духовно-интеллектуальной истории XIX — начала XX века характеризует состояние умов, религиозно-нравственные и социальные идеалы, отношение к

власти, церкви и на сегодняшний день не закрыта. Историческое значение «Вех» заключено в переоценке «самых духовных основ господствующего мирозерцания»****.

Советская цивилизация переродила русскую интеллигенцию в «образованщину» (А.И. Солженицын). Тем не менее просматриваются и общие родовые черты: «догматы идолопоклонства перед человеком и человечеством; религия заменена верой в научный прогресс»*****. Безрелигиозный тип советской интеллигенции, писал Солженицын, сформировался безрелигиозным гуманизмом предшествующих поколений: «Авторы “Вех” определяли интеллигенцию не по степени и не по роду образованности, а по идеологии — как некий новый орден, безрелигиозно-гуманистический»*****.

Социальный радикализм и религиозно-мистическое отношение к жизни подверглись испытанию революцией, войнами и репрессиями в России XX века, обозначился «ясный водораздел» между атеистическим и религиозным направлениями. (*Русская духовная культура*. Л. 2.)

Подводить итог «двум течениям русской мысли» еще рано, многие факты искажены и нужна кропотливая публикаторская и исследовательская работа. Пройдет немало лет, пока наступит осознание того, что в отношении этих двух течений «пересмотр традиций одинаково необходим». (*Два течения в русской мысли*. Л. 1.) Преодоление разрывов — в единстве русской духовной культуры.

* См.: Мережковский Д. *Семь смиренных* // Речь. 1909. 26 апреля; Франк С. *Мережковский о «Вехах»* // Слово. 1909. 28 апреля.

** Франк С.Л. *Философия и жизнь*, с. 342.

*** Франк С.Л. *Мережковский о «Вехах»* // *Русское мировоззрение*, с. 553.

**** Франк С. *Непрочитанное...* с. 457.

***** Солженицын А.И. *Собр. соч.: В 9 т.* — М., 2001. Т. 7. — С. 102.

***** Там же, с.105

CONTENTS

<p>TO OUR READER 5</p> <p>SEMINAR</p> <p>How Would the Civil Society Profit by Its Capability to Negotiate? <i>Samuel Passow</i> 7</p> <p>Discussion 13</p> <p>THEME OF THE ISSUE</p> <p>Round Table: Concept and Models of Civil Education in the Russian Regions 19</p> <p>IDEAS</p> <p>Twilight of the West or the End of Certainty <i>Christopher Coker</i> 36</p> <p>Global Civics <i>Hakan Altınay</i> 45</p> <p>ELECTIONS</p> <p>“Negative Democracy” and Elections in Russia <i>Andrei Zakharov</i> 55</p> <p>LOCAL SELF-GOVERNMENT</p> <p>Local Self-Government is the Basis of Democracy <i>Matti Anttonen</i> 63</p> <p>LAW AND RELIGION</p> <p>Man between the Secular and the Divine Order <i>Ernst-Jorg von Studnitz</i> 71</p>	<p>CIVIL SOCIETY</p> <p>Spirit of Freedom in a Non-Free Society: the Experience of Scientific Community in the Prerevolutionary Russia <i>Dmitri Gorin</i> 77</p> <p>A VIEWPOINT</p> <p>The Era of the <i>Swan Lake</i> <i>Yulia Schastlivtseva</i> 86</p> <p>HORIZONS OF UNDERSTANDING</p> <p>The Fate of Liberalism in Russia <i>Alexei Kara-Murza</i> 91</p> <p>THE SCHOOL: 20 YEARS LATER</p> <p>On the Moscow School and Its Alumni <i>Svetlana Shmeleva</i> 99</p> <p>ANNOUNCEMENT</p> <p>Trust: Money, Markets and Society <i>Geoffrey Hosking</i> 103</p> <p>BOOKS</p> <p>A Quiet Genius <i>Andrei Zakharov</i> 109</p> <p>Regional Book Review <i>Elena Shatokhina</i> 111</p> <p>NOTA BENE</p> <p>Two Paradigms in the Context of Russian Ideas <i>Alexei Gaponenkov</i> 115</p>
--	---

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПОЛИТИКА РОССИИ

В НОВОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО ВЛАДИМИРА ПУТИНА

СЕМИНАР

(Голицыно, 10–16 июня 2012 г.)

Наши авторы:

Сергей Алексашенко

Александр Архангельский

Александр Аузан

Сергей Гуриев

Аркадий Дворкович

Борис Дубин

Андрей Захаров

Алексей Кара-Мурза

Михаил Краснов

Федор Лукьянов

Алекей Макаркин

Виктор Панкращенко

Кирилл Рогов

Александр Согомонов

Подписано в печать 10.07.2012.

Формат 70×108/16.

Печ. л. 8.0.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

127006 Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

e-mail: mmps@mmps.su

<http://www.mmps.su>

ISBN 978-5-91734-029-6